915722
Г 918

ГРЭВС

АМЕРИКАНСКАЯ АВАНТЮРА В СИБИРИ

ВОЕНИЗДАТ - 1932

ГРЭВС

ФП

9(57)22
Г-918

АМЕРИКАНСКАЯ АВАНТЮРА В СИБИРИ

(1918 — 1920)

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
А. Ф. СПЕРАНСКОГО и С. С. СОКОЛОВА
С ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ И. И. МИНЦА

ФП 1117231

Смская областная
БИБЛИОТЕКА
им А.С. ПУШКИНА

БИБЛИОТЕКА
им. Палашенкова.

МОСКВА — 1932
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

AMERICA'S SIBERIAN ADVENTURE 1918—1920

WILLIAM S. GRAVES
Major General,
United States Army Retired

NEW YORK
JONATHAN CAPE &
HARRISON SMITH

Грэвс — *Американская авантюра в Сибири.*

Книга американского генерала Грэвса, бывшего командующего войсками САСШ, принимавшими участие в союзнической интервенции в Сибири, представляет исключительный интерес в том смысле, что вскрывает основные мотивы интервенции в Сибири, переплетение разноречивых интересов крупнейших империалистических государств, принимавших участие в интервенции. Особый интерес представляет выявление роли Японии, ее замыслов на Дальнем Востоке, связей японского военного командования с русской белогвардейщиной в Сибири и на Дальнем Востоке. В описании белогвардейщины, ее вождей — Колчака, Семенова, Калмыкова, их кровавых деяний автор претендует на известную объективность.

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. Минц — Соединенные штаты Северной Америки в интервенции . . . . . *V*
Предисловие к американскому изданию . . . . . *XLI*
Вступление *1*
Глава первая — Цель военной интервенции в Сибири . . . *3*
Глава вторая — Помощь чехам *26*
Глава третья — Перед перемирием *41*
Глава четвертая — После перемирия *71*
Глава пятая — Мобилизация русских войск *105*
Глава шестая — Железнодорожное соглашение *128*
Глава седьмая — Колчак и признание *151*
Глава восьмая — Япония, казаки и антиамериканизм . . . *177*
Глава девятая — Мятеж Гайды *195*
Глава десятая — Разгром *221*

К печати подготовили:
Редактор А. Душак.
Технический редактор Д. Моисеенко.
Корректор Р. Тайц.
Сдано в производство 31 мая 1932 г.
Подписано к печати 27 июня 1932 г.
Формат бумаги 82x111. 1/32.
19,5 авт. л., 9,5 бум. л., на 1 б. л. 91 264 знака.
Уполномоченный Главлита В-27 830 Заказ 770 Тираж 5 000

Отпечатано в 17-й тип. треста „Полиграфкнига", Москва, Шлюзовая наб., 10.

И. МИНЦ

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ В ИНТЕРВЕНЦИИ.

I.

«Борьбу Деникина и Колчака, Юденича и Врангеля против революции в России империалисты были склонны изображать, как борьбу исключительно внутреннюю. Но мы все знали, и не только мы, но и весь мир знал, что за спиной этих контрреволюционных русских генералов стояли **империалисты Англии и Америки, Франции и Японии, без поддержки которых серьезная гражданская война в России была бы совершенно невозможна».**

СТАЛИН.

«Тайна», окружавшая организацию интервенции в Советскую Россию, постепенно начинает раскрываться теми же, кто ее создавал.

В поисках выхода из кризиса участники недавней интервенции все чаще возвращаются к старому опыту, изучая причины его неудачного исхода. Организаторы новой интервенции и войны, тщательно скрывая свою роль в провалившемся походе, сваливают вину за его неудачный конец на партнеров по предприятию. Французские империалисты обвиняют англичан, последние не остаются в долгу и делятся «сведениями» о японцах и американцах одновременно, а состоящая на содержании и тех и других белая эмиграция разоблачает не только своих империалистских хозяев, но и себя самое так, что истинную картину грабительского похода против Страны советов восстановить скоро будет уже нетрудно. Именно, как говорят американцы: «когда воры дерутся, истина всегда всплывает наружу».

Едва ли не одна из самых значительных ролей в этой разоблачительной грызне выпадает на книгу Грэвса: «Американская авантюра в Сибири»[1], вышедшую несколько месяцев тому назад.

Значение этой книги не в политических выводах автора,— в этом отношении она далеко отстает от работы Винстона Черчилля[2],— а в сообщаемых автором сведениях; не в доводах автора, а в приводимых им фактах.

В 1918 г. ген. Грэвс после непродолжительного командования дивизией очутился во главе американского экспедиционного корпуса на Дальнем Востоке, в центре острейшей классовой борьбы и сложнейшей дипломатической обстановки.

В огне и буре гражданской войны, на зыбкой почве обостренных империалистских противоречий и в быстро меняющейся обстановке, Грэвс видит одно только безопасное место, куда он спасается от всех сложностей войны и тонкостей дипломатической борьбы,— это меморандум американского правительства, один из пунктов которого гласил:

> «Ни одно из правительств, принимающих участие в операциях в Сибири или на севере России, не имеет в виду **интервенцию,** направленную против политического суверенитета России, и **не стремится к вмешательству во внутренние дела России** или к нарушению ее территориальной цельности как теперь, так и в дальнейшем».

Именно эта идея меморандума, по словам Грэвса, служила ему путеводным компасом во все периоды, во всех эпизодах его краткого, но чрезвычайно богатого событиями пребывания в Сибири.

Увы! Русские тезки американского генерала еще при Петре I, убедившись в подобных случаях на своем собственном опыте в плачевных результатах, кратко и выразительно подытожили свой неудачный опыт: «Не держись устава, яко сле-

---

[1] America's Siberian Adventure by Williams S. Graves, Forward by Newton D. Baker. Jonatan Cape and Harrisson Smith. N Y. 1931. P. 363. (Предисловие Ньютона Бекера, бывшего военного министра САСШ во время интервенции).

[2] Churchill. The World-crisis. V. V. The Aftermath. (Мировой кризис, т. V). Выходит из печати в издании Воениздата.

пой стены». «Компас» ген. Грэвса при всяком соприкосновении с конкретной действительностью, в дебрях дипломатических хитросплетений и в переплете острой классовой борьбы проделывает удивительные курбеты, а солидному генералу приходится следовать за своим капризным путеводителем.

«Полк. Штейер, — пишет например генерал о деятельности американских войск до его приезда, — в течение этого дня всесторонне информировал меня о том, что им было сделано до моего прибытия. Я узнал, что 27-й полк участвовал в объединенных действиях против врага. **Врага мне представили в виде большевиков и германских пленных. Я был удовлетворен тем,** что американские войска не отступили от той политической линии, которая была прокламирована правительством Соединенных штатов, **и воздерживались от какого-либо вмешательства в русские дела».**

Американские войска вместе с японскими, английскими и белыми отрядами выжигали деревни, расстреливали сотни рабочих и крестьян, подвергали мучительной казни и дикому террору мирное население, а ген. Грэвс объявляет с «удовлетворением», что тут не было «какого-либо вмешательства в русские дела».

Десятки страниц посвящает Грэвс упорным доказательствам невмешательства Америки во внутренние дела России, но факты всякий раз выпирают сквозь слова, за которые напрасно держится дисциплинированный солдат.

Вслед за стереотипной формулой о «воздержании» Грэвс сам же вынужден признать, что генеральный консул Америки Гаррис. поддерживал Колчака, что все представители Америки полностью следовали за генеральным консулом, что сам Государственный департамент, т. е. министерство иностранных дел Америки, требовал от него прямой поддержки Колчака.

«По мнению Государственного департамента, — телеграфировал Грэвсу начальник Штаба из Вашингтона, — инструкции военного министра ген. Грэвсу... **уполномачивали его сделать все практически возможное для упрочения колчаковского правительства».**

Буквально все официальные представители Америки, даже частные лица, решительно «вмешивались» в русские дела,

лишь ген. Грэвс упорно твердит, что он один стоял на страже инструкции и воздерживался от вмешательства.

И ген. Грэвс после многих попыток доказать непогрешимость принципа невмешательства Соединенных штатов в русские дела вынужден развести руками и признать:

> «Я никогда не мог **примирить заявлений** представителей союзников по вопросу об интервенции в России с **действиями** их представителей в Сибири...»

А между тем, внимательное чтение меморандума избавило бы ген. Грэвса от всего этого «сложного» труда.

Излагая позицию Соединенных штатов в русском вопросе, Вильсон, автор меморандума, после торжественных заявлений о «демократии», «невмешательстве» и других высоких идеалах, одушевлявших разбойников с большой империалистской дороги в их походе против советской власти, пишет:

> «Правительство Соединенных штатов считает, что военные *действия в России* допустимы только для того, чтобы помочь чехо-словакам консолидировать свои силы и вступить в успешное сотрудничество с родственными им славянами, а также для того, чтобы упрочить усилия русских, направленные к установлению самоуправления или к самозащите, поскольку сами русские будут выражать желание принять эту помощь.
>
> ...Единственной законной целью, для осуществления которой могут быть применены американские или союзнические войска как во Владивостоке, так и в Мурманске или Архангельске, является охрана военных складов, которые впоследствии могут пригодиться русским войскам, и оказание такой помощи, которая окажется приемлемой для русских при организации собственной самозащиты».

Меморандум Вильсона вручен Грэвсу 17 июля[1], т. е. через 6 недель после восстания чехо-словаков, когда всему миру стало известно, что чехи выступили против советской вла-

---

[1] Кстати, ген. Грэвс говорит о меморандуме, как об особо секретном документе, вручение которого было обста лено таинственностью, буквально заимствованной из романов типа „Тайны Мадридского двора. А между тем все основные мысли, иногда даже в тех же самых формулировках, были опубликованы в ноте правительства от 3 августа 1918 г. в прессе перед началом интервенции. (Shuman American Policy towards Russia isnce 1917, 1918).

сти, свергли советскую власть на Урале и в Сибири и установили власть контрреволюционных правительств.

Помогая чехо-словакам или охраняя склады боевых припасов для них или русских белогвардейцев, правительство Соединенных штатов тем самым принимало участие в свержении советской власти.

Вильсон предоставил своим генералам переживать мучительный «логический» процесс примирения слов и дел интервентов, а сам сделал из своего заявления тот вывод, который прямо и следует по законам обычной логики:

> «Правительство предоставляет таким образом, — продолжает дальше Вильсон, — решению верховного командования вопрос о посылке небольших сил в Мурманск для охраны военных складов в Коле и **для того, чтобы дать возможность русским безопасно провести организацию своих вооруженных сил на севере...»**

В другом месте того же меморандума Вильсон снова подчеркивает, что помощь **оказывалась чехам, активно выступавшим** против советской власти:

> «Правительство надеется выполнить планы по охране тыла чехо-словаков, **наступающих со стороны Владивостока...»**

Чехо-словаки оказывается сами **атаковали,** а вовсе не находились в положении атакуемого. Что еще можно прибавить к этим ясным заявлениям Вильсона?

«Поистине: невежественному в политике человеку трудно понять язык дипломатов»,— махнул в конце концов Грэвс рукой на все свои попытки оправдать «невмешательство» и занялся «бесхитростным», как характеризует военный министр САСШ, Бекер, изложением фактов, а это как раз и придает особое значение книге Грэвса.

В самом деле. Десятки империалистских политиков и идеологов создавали легенду о «предательстве» России, заключившей сепаратный мир с Германией и тем самым отдавшей «союзников» на милость германского абсолютизма. Даже в учебной литературе молодым поколением вдалбливалось, что Россия «предала союзников» и именно это «предательство» и заставило союзников «наказать» русских ин-

тервенцией. Оказывается, что «союзники» до поездки нашей делегации в Брест несколько раз получали приглашение от Советской России заключить «справедливый и демократический мир». Это, впрочем, давно известно не только из советских источников, а также из признаний самих империалистов. Но ген. Грэвс вскрывает и те мотивы, которые заставили «союзников» замалчивать предложение Советской России.

> **«Социалистические идеи,** — пишет Грэвс, — **которых придерживалось советское правительство,** были настолько неприемлемы для союзников, что нельзя было ожидать их работы в контакте с Советами, даже в таком важном вопросе, каким был вопрос о продолжении войны».

Дело, как видим, не в «предательстве» и не в сепаратном мире.

Советская Россия сначала обратилась к «союзникам», дважды призывала их к совместному прекращению империалистской войны. Самое предложение демократического мира не носило ультимативного характера, и советское правительство соглашалось принять участие в любых переговорах о мире, но «союзники» не ответили на мирное предложение советской власти именно потому, что уже готовили интервенцию против Советской России для борьбы с социалистическими идеями: 25 декабря 1917 г. Советская Россия, исчерпав все возможности привлечения «союзников» к мирным переговорам, послала своих делегатов в Брест, а еще 23 декабря английские и французские империалисты заключили соглашение о разделе сфер влияния в Советской стране в грядущей интервенции[1].

Самую интервенцию в **большом** масштабе (пока ограничивались подкупом, заговорами, финансированием контрреволюции) не начали только потому, что в Бресте наступил кризис: ген. Гофман предъявил свой ультиматум, и в воздухе запахло разрывом и возможностью войны с Германией.

---

1 Соглашение уже несколько раз приводилось в советской печати Полный текст его опубликован в уже упоминавшейся книге Черчилля.

Как только однако стало очевидным, что мир все же будет заключен, сразу приступили в широком объеме к организации интервенции.

> **«Весной 1918 г.,** — пишет Грэвс теперь как о само собой разумеющемся факте, а б. военый министр Бекер подтверждает в свою очередь в предисловии, — **в то время как союзнические правительства и Соединенные штаты рассматривали вопрос о военной интервенции в России,** Англия и Франция поддержкой некоторых группировок на юго России показали, что они не прочь принять участие во внутренних делах русского народа.
>
> В то же время Англия и Япония поддерживали бандитские казачьи шайки под предводительством Семенова, который заявлял, что он борется с большевиками».

Весной 1918 г. интервенция стала совершившимся фактом. Вскрыв истинный смысл канонизированной версии о «предательстве России», Грэвс попутно разоблачил и другую легенду с тем же упорством, что и первую, распространяемую до сих пор в империалистской литературе—легенду о «Восточном фронте» как основной причине интервенции. Ленин много раз разъяснял «левым» коммунистам, что продолжение войны с Германией, на которую толкали партию и советскую власть «левые» и Троцкий,— есть империалистская ловушка.

> «Англо-французская буржуазия, — писал Ленин, — ставит нам западню: идите-ка, любезные, воевать теперь, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, «заработают» на Востоке, дешевле уступят на Западе, а кстати Советская власть полетит... Воюйте, любезные «союзные» большевики, мы вам поможем» [1].

Ген. Грэвс подтверждает теперь фактами сущность маневра, разгаданного Лениным:

> «Правительство Соединенных штатов... не было склонно согласиться на какие-либо решительные действия, вроде предложения о создании Восточного фронта, ибо **это предложение имело в виду скорее использовать русский народ, чем помочь ему».**

---

[1] Т. XXIII, изд. IV стр. 268.

Создание «Восточного фронта» по существу являлось синонимом интервенции, ибо основной задачей этого маневра являлся разгром советской власти.

Отказ Америки организовать «Восточный фронт»— вызванный главным образом нежеланием раздваивать свои силы и боязнью, что плоды победы над большевиками попадут по преимуществу в руки Японии — собственно и решил вопрос: без помощи Америки Антанта не рисковала итти на такое большое предприятие, а против посылки японцев категорически возражала Америка.

> «Так как Япония, Франция и Англия, — продолжает дальше Грэвс, — были убеждены, что Соединенные штаты не примут участия в военной интервенции в России, то делались попытки выработать другие планы, которые,—так по крайней мере надеялись, — должны были привести к тому же конечному результату».

Этот новый план так или иначе начать интервенцию состоял в использовании чехо-словацкого корпуса.

Ни одна из легенд, созданных империалистами для оправдания интервенции, не была обставлена таким огромным количеством аргументов и доводов, как легенда о чехо-словаках. Тут и показания самих чехо-словаков, тут и огромная литература,— книги, газеты, документы, английские, французские и даже японские. Все одинаково дружно доказывают, что угроза советской власти разоружить чехо-словаков собственно и вынудила империалистов выступить на защиту попранных прав чехо-словаков.

Сейчас ген. Грэвс кладет окончательный предел распространению этой легенды, приводя данные, полностью вскрывающие всю подготовку и весь ход всего чехо-словацкого переворота.

29 мая 1918 г. американский полковник Эмерсон, изучавший состояние железных дорог в Сибири, получив сведения о каких-то «беспорядках» в городе Мариинске, выехал туда для расследования инциндента на месте. В Мариинске полковник вел переговоры с капитаном чехо-словацких войск Кедлетом. На вопрос Эмерсона о причинах захвата Мариин-

ска,— а «беспорядки» в том и состояли, что чехи разогнали Совет и захватили город,— капитан Кедлет после кратковременной попытки увильнуть от прямого ответа заявил следующее, что и было застенографировано:

«Капитан Кедлет признал, что он и другие начальники чешских эшелонов **получили из Пензы инструкции остановиться там, где их застанут эти инструкции, и захватить эти города, что действие являлось согласованным выступлением и что руководство этой операцией находилось в Ново-Николаевске.** Начальники эшелонов должны были остаться со своими войсками в захваченных ими городах до получения дальнейших инструкций. Капитан Кедлет высказал мысль, что полк. Эмерсону следует отправиться в Ново-Николаевск и переговорить с возглавляющим чешские эшелоны ген. Гайда.

Кедлет подтвердил, что эта операция являлась согласованной и что по имеющимся инструкциям в назначенное время все начальники эшелонов должны были захватить в свои руки города, в которых они находились».

Всюду по дороге полковнику попадались чехо-словацкие отряды, занимавшие города, разрушавшие мосты и туннели, как на фронте. Полковник знал к кому обратиться: он бросился к французам и только после этого обратился к ген. Гайда, да и то не с объяснениями, а с просьбой помочь ему в восстановлении дорог. Вот как записал ответ генерала американский полковник:

«Ген. Гайда заявил, что, **как только образуется новое правительство, оно ликвидирует Советы,** и тогда не будет надобности разрушать мосты и туннели... Гайда заявил также, что те пункты, которые чехи уже взяли, были во власти нового правительства, и им было выгодно оставить винтовки в помощь этому новому правительству».

Чехо-словацкий корпус выступал по строго разработанному плану, по чьему-то одному определенному приказу, и Грэвс подтверждает дальше, по чьей именно указке производилось выступление:

«23 июня Эмерсон получил от французского майора Гинэ, отправившегося на Омск, следующее сообщение:

«Французский посол уполномачивает майора Гинэ от имени всех союзников поблагодарить чехо-словаков за их действия.

Они, союзники, в конце июня приняли решение об интервенции; чехо-словацкая армия и французская миссия должны составить авангард армии союзников. В ближайшее время будут даны указания об оккупации и организации как с политической точки зрения, так и с военной».

Франция — вот кто отдал приказ чехо-словакам свергнуть советскую власть, захватить города и восстановить власть контрреволюции.

Но Франция одна не могла решиться на такое крупное предприятие, она действовала в данном случае при полной поддержке других союзников. Затративший столько усилий на доказательство невмешательства Америки, ген. Грэвс в конце концов вынужден признать, что санкция на выступление чехо-словаков была дана также и Америкой.

«С 26 мая не имею связи с внешним миром через Владивосток и со 2 июля — через Пекин, — сообщает Грэвс телеграмму американского генерального консула Гарриса. — Последние полученные сведения указывают на то, что **флот союзников и чехи изгнали большевиков из Владивостока. Последние известия, полученные от нашей миссии в Пекине, подтверждают сведения, полученные французской миссией, на которые вы ссылаетесь»...**

Генеральный консул Америки полностью подтвердил телеграмму майора Гинэ, уполномачивавшую его выразить благодарность чехам за переворот.

«Бесхитростное» изложение фактов, приведенных ген. Грэвсом, разоблачает один за другим мотивы интервенции, канонизированные официальной империалистической прессой. Обескураженный результатами своих собственный разоблачений, ген. Грэвс снова и снова обращается к своему меморандуму, перебирая официальные мотивы интервенции. Выход России из войны, Восточный фронт, разоружение чехо-словаков, участие германских военнопленных в красных частях,—все эти мотивы, фигурирующие в его спасительном меморандуме, им же самим признаны ложными и Грэвс, нехотя, осторожно, но выдает наконец то, что уже давно стало общим местом в советской литературе:

«Мой недостаточный опыт в международных делах сначала заставлял меня слишком доверять заявлениям представителей

различных наций. **Представители Англии, Франции и Японии,** обсуждая в частных беседах цели интервенции в России, **подчеркивали необходимость предупредить распространение большевизма** на Дальнем Востоке».

Грэвс еще выделяет Америку из состава мировых бандитов, стремившихся потопить в крови революцию в России, о самом стремлении говорит как о «частных беседах», но под давлением фактов, им самим приведенных, шаг за шагом приходит наконец к основной причине интервенции.

«Волкий, кто находился в Сибири во время интервенции и знал закулисные стороны, — пишет Грэвс, — может притти к единственному логическому выводу, что основной мотив для интервенции не был сообщен широкой публике.

Поведение представителей союзников, так же как и генерального консула Соединенных штатов, создает полную уверенность в том, что союзные и присоединившиеся нации, отправляя войска в Россию, стремились положить предел распространению коммунизма».

Раз высказав то, что с такой тщательностью хранится в тайне как самими империалистами, так и их лакеями из II Интернационала, ген. Грэвс освободился от необходимости возвращаться к своему меморандуму и совершенно свободно рассказывает о том, что видел.

А видел генерал много. Американские войска были разбросаны по огромной территории на протяжении многих сотен километров. Инспектируя части, расположенные в городах, часто на станциях и в деревнях, ген. Грэвс наблюдал жизнь всего населения, а занимаемая им позиция позволяла наблюдать и всю внутреннюю жизнь колчаковщины.

Картина, нарисованная Грэвсом, давно знакома трудящимся Советского Союза и из многочисленных исследований, рассказов, документов и главным образом из собственного опыта. Но в данном случае свидетельские показания исходят от человека, ответственного за все происходившее в Сибири, от соучастника колчаковского режима, и, если из-под пера участника вырываются столь жуткие признания, то можно себе представить, что происходило на самом деле.

Союзники охраняли тыл Колчака, сохраняли в целости железные дороги [1], снабжали оружием и обмундированием армии Колчака, а опекаемые ими колчаковцы развернули под прикрытием союзников такую дикую картину произвола, террора, массовых убийств, что зачастую сам Грэвс приходит в ужас. Вот что он пишет о Калмыкове:

> «Здесь же, в Хабаровске, я впервые встретил этого знаменитого убийцу, разбойника и головореза Калмыкова. Калмыков был самым отъявленным негодяем, которого я когда-либо встречал, и я серьезно думаю, что, если внимательно перелистать энциклопедический словарь и посмотреть все слова, определяющие различного рода преступления, то вряд ли можно будет найти такое преступление, которого бы Калмыков не совершил».

Ужасаясь сам нарисованной им картине, Грэвс спешит подчеркнуть, что Калмыков целиком был на содержании у японцев, которые снабжали его вооружением и финансами, но дальше приводит данные о других сподвижниках Колчака, грабивших, насиловавших, терроризировавших почти все население. Именно, все,—это—не описка, ибо ген. Грэвс прямо признает, что Сибирь делилась на два резких лагеря: царисты,—узкий круг сподвижников Колчака,—и большевики, куда отнесены были все те, которые не попали в лагерь избранных.

Что происходило с этой второй категорией сибирского населения, можно видеть хотя бы из тех фактов, которые приводит сам Грэвс.

Выжигание деревень, убийство мирных граждан, разбой и погромы, расстрелы без суда всех заподозренных в «образе мыслей», дикое самоуправство,—такова повседневная политика тех, которые поддерживались европейской и американской «демократией». Ген. Грэвс приводит и ряд официальных документов колчаковской администрации, поощряв-

---

[1] „Охраной" дорог были заняты 72 тыс. японцев, 10 тыс. американцев, несколько тысяч англичан, французов, итальянцев, поляков, румын, до 60 тыс чехов,—словом более 150 тыс. интервентов не только охраняли тыл, но и освобождали Колчака от необходимости держать свои войска вдоль Сибирского пути.

ших всю политику своих приверженцев, в том числе знаменитый приказ ген. Розанова о расстреле каждого десятого в селах, где побывали красные партизаны, и полном уничтожении селений, оказавших сопротивление колчаковцам [1].

На десятках страниц перед читателем развертывается яркое полотно колчаковского режима: взяточничество, словно списанное с гоголевского «Ревизора», самодурство, пьянство, произвол, помпадуры, всевозможные Порфиры-реброломатели, Кузьмы-оглушители, Фомы-зубокрошители — словом старая эпоха, так зло охарактеризованная Щедриным. Классовая суть колчаковщины,—буржуазно-помещичья реставрация со всем ее режимом Столыпина-вешателя,—в работе Грэвса дана с тем большей полнотой и сочностью, что охарактеризована человеком, стоявшим близко ко всему режиму.

Чего стоит одна поездка генерала на колчаковский фронт! Ген. Грэвс решил посмотреть снабженные им войска в действии. Обратился в колчаковский штаб с просьбой указать наиболее подходящий пункт. Там долго мялись, отказывались под всяким предлогом, уговаривали Грэвса отложить поездку, наконец, когда генерал все же решил ехать, долго не давали поезда. По дороге в поезд к генералу приходили чуть ли не с угрозами, тормозя его поездку; командующий войсками отказал в каком-либо содействии, и генерал рискнул добраться на своем автомобиле в Петропавловск, чтобы посмотреть на ход мобилизации в колчаковскую армию. Добравшись после всех этих мытарств на место, генерал нашел вместо названных ему десятков тысяч всего... несколько солдат.

Мало того, когда Грэвс по возвращении сообщил об этом ген. Дитрихсу, начальнику главного штаба, последний, не смущаясь, ответил, что... войска находились в 10 милях западнее Петропавловска.

---

[1] Этот же приказ частью был опубликован Е. Колосовым в его книжке „Сибирь при Колчаке", стр. 125.

Колчаковские генералы шантажировали самих своих покровителей, во всем повторяя свою старую дореволюционную практику.

Неудивительно, что под влиянием всего виденного Грэвс приходит к выводам, оправдывавшим в глазах колчаковского соучастника партизанское движение против Колчака.

«Во всех странах мира, будь то страна цивилизованная или нецивилизованная, население всегда принимает все возможные меры самозащиты от подобного рода бесчеловечного и жестокого обращения».

Таковы разоблачения ген. Грэвса, делающие его книгу одним из самых значительных документов по истории интервенции.

Что однако вызвало разоблачения американского генерала?

II

... Интервенция вовсе не исчерпывается вводом войск, и ввод войск вовсе не составляет основной особенности интервенции. При современных условиях революционного движения в капиталистических странах, когда **прямой** ввод чужеземных войск может вызвать ряд протестов и конфликтов, интервенция имеет более **гибкий** характер и более **замаскированную форму**. При современных условиях империализм предпочитает интервенировать путем **организации гражданской войны внутри зависимой страны, путем финансирования контрреволюционных сил против революции, путем моральной и финансовой поддержки своих... агентов против революции.**

СТАЛИН.

Когда в 1853 г. у берегов Японии появилась американская эскадра под командой Перри с предложением открыть порты Японии для торговли, среди подарков сиогуну, фактически управлявшему страной, находилась картина, изображавшая один из эпизодов американо-мексиканской войны. Подарок оказался символическим: с тех пор отношения между Японией и САСШ развивались под знаком войны.

Покончив под угрозой пушек со своим долгим затворничеством, Япония быстро пошла по пути капиталистического

развития. Пулуфеодальный режим и большие остатки феодальных отношений не помешали молодой хищной буржуазии быстро нагонять своих американских и европейских учителей.

Опутанный густой сетью феодальных отношений, японский империализм использовал военную силу и феодальный режим для беспощадной эксплоатации разоряемого крестьянства и пролетариата внутри и для грабительской колониальной политики во вне.

> «В Японии и России, — писал Ленин по поводу японского империализма и старой царской России, — монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала» [1].

В 1894 г. Япония сумела разгромить китайские армии и по Симокосекскому миру добилась от Китая отказа от Кореи («независимость» Кореи) и передачи Японии Ляодунского полуострова. Но другим хищникам, особенно царской России, это показалось слишком большой добычей: под давлением России, Германии и Франции молодой хищник ограничился островами Формозой и Пескадорскими, послужившими ему первыми колониями.

Десять лет спустя японский империализм сумел разгромить соперника, помешавшего захватить всю китайскую добычу. Правда, за спиной Японии стояла Англия и отчасти Америка, надеявшиеся пообломать когти царскому медведю, самому крупному и прожорливому противнику на Дальнем Востоке.

Но обожравшийся медведь дал себя слишком побить: Япония не только отрубила дальневосточные когти, но и грозила совсем повалить царского колосса, оказавшегося на глиняных ногах. Подстрекавшие и помогавшие Японии Англия и особенно Америка и на сей раз заставили Японию умерить аппетит: угрозой прекратить финансовую поддержку американцы заставили Японию заключить мир с Россией, оставив за Японией только южную часть Сахалина и неболь-

---

1 Т. XIII, изд. 1, стр. 478.

шую контрибуцию, да и то под предлогом оплаты за содержание русских пленных.

Разгром русского царизма резко изменил положение Японии в мировом концерте империалистических грабителей: Япония превратилась в мировую державу.

Новая великая держава скоро столкнулась с препятствием, клавшим предел ее бурному развитию.

Хищническая эксплоатация полуфеодальной деревни и колониальные методы высасывания прибавочной стоимости из пролетариата сузили до крайних пределов внутренний рынок. Узость домашнего рынка, задерживавшего развитие капитализма вглубь, толкала японский капитализм на расширение во вне, на активную колониальную политику. Но борьба за новые рынки требовала нефти, угля, руды как для развития самой промышленности, так и для армии и флота, а промышленное сырье лежало тут же под боком на континенте, на территории слабого Китая или на русском Дальнем Востоке. Японский империализм, едва переварив плоды победы над царизмом, снова жадно кинулся на континент.

В 1910 г. Япония полностью оккупировала Корею, вторую крупнейшую колонию, на этот раз уже на континенте: вход в Желтое море и связь с континентом твердо оказались в руках Японии, не говоря уже о естественных богатствах Кореи и новых миллионах трудящихся как объекте колониального грабежа.

Во время мировой бойни 1914—1918 гг. Япония почти без затрат стала наследником всех земель, награбленных до этого германским империализмом: Япония захватила Кио-Чао и почти все германские острова в Великом океане, далеко вдающиеся в океан по направлению к Америке — Каролинские, Маршальские и др.

Пользуясь отвлечением всего внимания Англии, Америки и др. на Западный фронт, Япония в 1915 г. предложила Китаю «21 условие», фактически превращающее Китай в японскую колонию. По секретным пунктам этого ультиматума Япония получала в свои руки распоряжение китайской армией и флотом. Китай обязывался покупать у Японии более

50% всего своего военного снаряжения, отказывался без согласия Японии или помимо Японии заключать займы и т. п.

Грандиозный размах грабежа,— а ведь Китай выступал союзником Японии в войне против Германии,— вынудил Англию, Россию, Францию и др. опротестовать секретные пункты ультиматума, но и несекретные пункты ультиматума оставили за японским империализмом широчайшие возможности для безраздельного хозяйничанья в Китае.

Даже и по несекретным пунктам китайское правительство «обязывалось не уступать третьей державе никакого порта или залива на китайском побережье, а также не давать на них концессий».

Года три спустя Японии удалось навязать Китаю военное и морское соглашение, предусматривавшее совместные военные действия, единство оперативных и воинских уставов, объединение транспорта, обмен навигационными картами и сведениями, необходимыми для ведения боевых операций,— словом полный контроль Японии над китайскими армиями и флотом, чего собственно она и добивалась по секретному соглашению. Недаром в новом соглашении подчеркивалось, что ни оно само, ни «подробности его применения не должны быть опубликованы ни в Японии, ни в Китае, а будут рассматриваться как военноморские тайны» [1].

Япония добилась санкционирования всех захватов: 2 ноября 1917 г. Америка, занятая лихорадочной подготовкой к решающему сражению с Германией, подписала соглашение, известное под названием: «соглашение Лансинг-Иши», по имени подписавшихся, в котором признала «специальные интересы» Японии и Китае. Правда, к соглашению десятки раз подчеркивалась территориальная целость Китая, но Япония знала цену этим заявлениям: в ноте, переданной пекинскому правительству, «специальные интересы» были подменены более сильным выражением «приобретенные преимущества»,

[1] Bywater. Sea Power in the Pacific. Boston and N. Y. 1921. стр. 50—51.

не оставлявшим сомнений в полном контроле Японии над Китаем [1].

Война 1914 — 1918 гг. однако еще в одном отношении укрепила позиции японского империализма. Целиком занятые войной Америка, Англия, тем более Германия, очистили свои рынки на Дальнем Востоке для Японии. Японские товары заменили американские и английские не только в Китае, но и по всему побережью Тихого океана, проникли на Филиппины, Малайский архипелаг, в Австралию и даже стали вытеснять Америку почти «дома» — в Мексике. Промышленность Японии выросла за годы войны вчетверо, а в некоторых областях в десять раз.

Противоречия между японским империализмом и его союзниками и учителями гигантски обострялись: под угрозой японского засилья оказались английские доминионы — Новая Зеландия, Австралия, а Америка увидела своего способного ученика буквально на пороге дома.

С особой резкостью однако сказался антагонизм Японии и Америки.

> «Вторым противоречием, — говорил Ленин на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета 14 мая 1918 г., — определяющим международное положение России, является соперничество между Японией и Америкой. Экономическое развитие этих стран, в течение нескольких десятилетий, подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно [2]».

Совместная война с Германией временно притупила противоречия между Японией и Америкой: Япония добилась головокружительных успехов в силу отвлечения Америки на Западный фронт, но к 1918 г. новые факторы—революция в

---

[1] Special interest были подменены special acquired advantages. („Тихоокеанская проблема в XX столетии. Ген. Головин и адмирал А. Бубнов. Прага. 1924 г. Есть советское издание: Стратегия американо-японской войны. 1925 г.).

[2] XXIII изд. II, стр. 5.

России и германская оккупация Украины, Белоруссии, Прибалтики—вновь поставили под сомнение японскую добычу.

Революционные события в России в первый период оказались на-руку японскому империализму: ослабленная Россия не мешала хозяйничать в Китае, но слабость России таила в себе новую опасность для Японии, ибо, по мнению Японии, могла сделать Россию добычей в руках крупного соперника. Наступление германского империализма на молодую Советскую республику как-будто подтверждало опасения Японии, и японский империализм попытался быстро переориентироваться: заключить соглашение с Германией за счёт Советской России для борьбы с молодой республикой. Антанта опередила это соглашение, предложив Японии интервенцию в Советскую страну, но против японской интервенции высказалась Америка, испугавшаяся чрезмерного усиления соперника.

Америка представляла слишком большую силу, чтобы с ней не считаться в критические месяцы кампании против Германии: японцы, высадившиеся было 4 апреля 1918 г. во Владивостоке, под давлением Америки вынуждены были уйти.

Разгром Германии вскрыл с новой силой противоречия: кончилась совместная война с Германией, прикрывавшая японо-американский антагонизм, и оба соперника стали лицом к лицу.

> «Америка и Япония, — говорил Ленин, — накануне того, чтобы броситься друг на друга, потому что Япония отсиделась во время империалистской войны и забрала себе почти весь Китай, а там 400 миллионов человек... Япония и Америка накануне войны, и удержать эту войну, в которой еще будет убито 10 миллионов и 20 искалечено, нет никакой возможности» [1].

О японо-американской войне имеется уже огромная литература. Пишут японцы, каждый год выбрасывают на рынок книги американцы, тщательно следят за ходом разгорающегося конфликта англичане. Не так давно два русских генерала, которым революция подвела итог, попытались подвести итог революции, опираясь на литературу о дальневосточном антагонизме. Оставленный революцией без армии ген. Головин и посаженный на мель адмирал Бубнов исследо-

[1]) III, XXV, изд. II, стр. 57.

вали стратегическое положение держав на Тихом океане и пришли к выводу, что даже объединенный флот Англии и Америки не сможет сломить Японии, если последняя сохранит связь с континентом. Америке остается одна только возможность — везти с собой на огромное расстояние, более 5 тыс. миль, и всякие запасы и самую армию. Генерал без армии и сухопутный адмирал, опираясь на английского специалиста Байотера высчитали, что для 6-месячного запаса американскому флоту придется тащить с собой более 200 пароходов. В таких условиях японский флот, обладающий судами на 2—6 узлов быстрее американского, естественно допустит к Филиппинам только остатки этой новой Великой Армады.

Оба генерала несомненно сгустили краски, ибо исходили из определенной цели: убедить Америку, что только восстановление старой России может решить исход войны. Контрреволюционные генералы не учли того, что Америка обладает колоссальным перевесом эскадронных миноносцев, которые более или менее быстро помогут ей очистить океан от подводных лодок, ибо неизмеримые глубины океана не дают возможности подводным лодкам в поисках спасения от миноносцев опускаться на дно. К тому же отставленные от дел стратеги не учли, что Америка может значительно сократить расстояние, отделяющее ее от Японии: Америка переносит базу своего тихоокеанского флота в Бремертон на границе с Канадой и лихорадочно укрепляется в Аляске, а оттуда через Алеутские острова рукой подать до Японии. Бывший начальник военной авиации, Вильям Митчель, в статье: «Готовы ли мы к войне с Японией?» хвастал: «Аляска по своему статегическому положению является ключом ко всему Тихому океану. Из Аляски можно непосредственно атаковать Японию с воздуха».

Но если в этом вопросе мы имеем стратегический просчет у контрреволюционных генералов, то область социально-экономических отношений осталась для царских стратегов за семью печатями: оба они оставили в стороне гигантскую технику и уровень развития производительных сил Америки.

Легкий крейсер строится около 12 месяцев, миноносец и подводная лодка 6—8 месяцев, и Америка с ее грандиозной техникой в первые же годы шутя удвоит и даже утроит свой морской флот и особенно воздушный[1].

В одном однако генералы несомненно правы: стратегическое положение Японии настолько превосходно, что «шапками закидать» ее Америка не сумеет. Достаточно указать, что качество живой силы,—фактор, играющий, как показал опыт 19-й армии под Шанхаем, и в нашу эпоху гигантской техники первостепенную роль,—у Японии намного выше, чем у Америки. Мало того, Америка может построить новый флот в короткое время, но ей некого будет сажать на него: ее обученные резервы только на 10—20% больше японских.

Американским политикам уже в 1918 г. было ясно, что сохранение Японией всего приобретенного за последние годы делает ее позиции почти неприступными: имея сырье в неограниченном количестве, законопатив все проходы в Японское и Желтое море, Япония выдержит не только борьбу с флотом Америки, но и отсидится в длительной блокаде. Сломить Японию можно, только порвав ее связь с континентом,—отсюда та роль, которая падает на советский Дальний Восток в борьбе за Тихий океан.

Причины, заставлявшие Антанту считаться с несогласием Америки на японскую интервенцию, отпали ко второй по-

---

[1] Сравнительная величина трех флотов периода 1925—1929 г. г.

	Япония			САСШ			Англия		
	В строю	В постройке и проекте	Всего	В строю	В постройке и проекте	Всего	В строю	В постройке и проекте	Всего
Линейные корабли .	10*	—	10	10	—	10	20	—	20
Легкие крейсера . .	16	12	28	10	8	18	46	11	57
Миноносцы	65	27	92	288	—	288	199	4	203
Подводные лодки . .	80	—	80	123	4	127	64	1	65

* В строю 18, но 8 из них не могли вести бой на дистанции в 25 *км.*

ловине 1918 г. Германия сдала в своем сопротивлении, дело ясно шло к ее разгрому, и с претензиями Америки можно было меньше считаться. Да и сама Америка понимала, что японское выступление уже предрешено, к тому же она надеялась, что поход в Сибирь отвлечет японцев от Китая. Ген. Грэвс сообщает, что военные представители верховного военного совета прямо говорили:

> «Если Япония просит компенсаций за употребляемые ею усилия, то можно успокоить ее, дав ей возможность оккупировать небольшую часть Восточной Сибири. Вполне вероятно, что Япония во всяком случае получит часть Сибири, и **это обстоятельство может помешать ей стремиться к экспансии где-либо в другом месте».**

Какие надежды возлагали на отвлечение внимания Японии в Сибири, можно было судить по иллюзиям, широко распространяемым в литературе, например в книге Coleman, Japan Moves North. London, N. Y. 1918.

К тому же, — об этом мы уже писали, — основной задачей интервенции ставилось разгромить революционизирующий весь мир большевизм. К тому, что говорил по этому поводу Грэвс, добавим только замечание б. военного министра САСШ.

> «Во время третьей беседы со мной, — сообщает Бекер о разговорах Штаба и Вильсона по поводу интервенции, — президент сказал, что он признает правильность точки зрения военного министерства (высказавшегося против распыления сил и посылки войск в Сибирь и в Архангельск. **И. М.**), на что по *некоторым* соображениям он считает себя обязанным участвовать в ограниченной форме в обеих предположенных экспедициях».

Америка согласилась выступить вместе с Японией.

Япония обманула все надежды: вместо 10 тыс. войск, оговоренных в соглашении Америки и Японии, она отправила 72 тыс.; притом вела себя так, что явно стремилась закрепить за собой и старые блага в Китае и Восточную Сибирь. Все выгоды интервенции попадали в руки японского империализма, поддержанного Англией и Францией.

Дело сводилось уже не столько к тому, чтобы «отвлечь»

Японию, сколько к тому, чтобы вышибить ее из новых позиций, делавших ее неприступной.

Центральную часть книги как раз и занимает у Грэвса разоблачение Японии и поддерживавших ее Англии и Франции. Грэвс рассказывает о поддержке японцами Семенова и Калмыкова, о захвате японцами стратегических пунктов в Сибири, о диком терроре против мирного населения, приводит засвидетельствованные факты зверской расправы японцев с русскими рабочими.

> «Пятеро русских, — сообщает Грэвс выдержку из официального донесения о казни, — были приведены к могилам, вырытым в окрестностях железнодорожной станции; им завязали глаза и приказали встать на колени у края могил со связанными назад руками. Два японских офицера, сняв верхнюю одежду и обнажив сабли, начали рубить жертвы, направляя удары сзади шеи; в то время как каждая из них падала в могилу, от трех до пяти японских солдат добивали ее штыками, испуская крики радости.
>
> Двое были сразу обезглавлены ударами сабель; остальные были повидимому живы, так как наброшенная на них земля шевелилась».

Пролетариат и трудящиеся Советского Союза из вражеского источника получают подтверждение тому, что они испытали сами на своем кровавом опыте: огнем и кровью проходили японские, английские, французские интервенты по советской земле.

Яркие страницы посвятил Грэвс деятельности самих интервентов: участию англичан в перевороте Колчака, организации и снабжению колчаковских армий, гнусной лжи, практиковавшейся в донесениях высоких бандитов, борьбе противоречий в лагере интервентов и наконец объяснению причин участия в интервенции отдельных стран.

Но Грэвс в пылу разоблачений всех и всякого скрыл о поведении самих американцев. Пока пойманные с поличными бандиты японского, английского и французского империализма будут восстанавливать нарушенное «равновесие» и расскажут об американцах, мы приведем несколько докумен-

тов, заполняющих «провал памяти» у американского генерала.

Тем более, что провал в памяти у генерала оказался неслучайным. В апреле месяце 1932 г. ген. Грэвс дал интервью, напечатанное во всех газетах концерна «United Presse».

«Эти события, — говорил Грэвс по поводу современной японской политики на границах Советского Союза, — особенно зловещи, ибо это — репетиция, а может быть продолжение международного конфликта, начавшегося в 1918 г., **когда японцы, поддержанные британцами и белогвардейцами, едва не впутали САСШ в дальневосточную ссору ужасающих размеров».**

Ген. Грэвс изображает САСШ в роли невинной Маргариты,—«нас чуть не впутали!»—хотя, как мы сейчас увидим, им больше подстать греховница Марта.

Помощь контрреволюции велась Америкой с конца 1917 г., но особо большие размеры она приняла после решения об интервенции. Вот например сообщение русского посла в Америке:

АМЕРИКА
ПЕРЕПИСКА С ПОСОЛЬСТВОМ
И ФИНАНСОВЫМ АГЕНТОМ
ПО РАЗНЫМ ВОПРОСАМ.

Копия.

ВЫПИСКА ИЗ СЕКРЕТНОЙ ТЕЛЕГРАММЫ ПОСЛА В ВАШИНГТОНЕ НА ИМЯ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ[1].

Выяснил, что до большевистского переворота в России открыт основной кредит в 450 млн. долл. и добавочный на железнодорожное снабжение 150 млн. Использовано всего около 200 млн. Остальные суммы не отпущены, ввиду большевистского переворота.

Посольство и его финансовые заготовительные отделы были вынуждены приступить к ликвидации заказов, сделанных соответственно сообщениям Америки и отпущенным средствам. Ликвидация почти закончена. В счет имущества, полученного от ликвидации, выслано чехам 100 000 винтовок, 100 пулеметов, 22 полевых орудия, 4 400 000 оружейных патронов, 150 0000 башмаков, 611 кип подошвенной кожи.

---

[1] Центральный архив Октябрьской революции — М. Ф. ф. 198, д. 7—15, 1919 г.

Высылаем Вам 100 000 винтовок, 200 000 башмаков, железнодорожное снаряжение, 10 000 000 облигаций выигрышного займа 1917 г. и на 3 500 000 000 напечатанных здесь кредитных билетов.

18/XII-32 г. № 123. *П. Бахметьев.*

Американское правительство постоянно подчеркивало, что оно не признавало Колчака, а между тем правительство полностью перевело на имя Колчака те суммы, которые в свое время предложило в кредит Временному правительству. Как видно из сообщения Бахметьева, Колчаку и чехам еще в 1918 г. не только переслали более 200 тыс. винтовок, 100 пулеметов, 22 пушек и тому подобных снаряжений, но и напечатали денег более чем на 3½ млрд. рублей.

Этого, видно, нехватило, ибо уже в июле 1919 года финансовый агент колчаковского правительства заключил сделку с американской фирмой на приобретение новой партии винтовок. *Копия.*

СПРАВКА
НА ПРИОБРЕТЕНИЕ ВИНТОВОК ОТ ФИРМЫ «РЕМИНГТОН»[2].

Соглашение подписано 29. июля 1919 г. финансовым агентом в Америке С. А. Угетом и фирмой «Ремингтон-Армо-Юнион. Металлик-Катридж-К°».

Основы соглашения, согласно телеграмме поверенного в делах от 30 июля 1919 года № 112, следующие:

1. Ремингтон уступает нам 112 945 винтовок. Цена винтовки 26 долларов 75 центов.

2. Расчет должен быть произведен до 15 сентября 1919 г.

3. В качестве обеспечения открывается во Владивостокском отделении Гонконг-Шанхайского банка депозит в размере 2 547 558 долларов 75 центов.

4. Ружья вывозятся Ремингтоном из Бридж-порта в Сиатль, где остаются до погрузки на пароход.

Начальник отделения *Д. Перцов.*

Эта сделка оплачивалась уже золотом, захваченным контрреволюцией в Казани. В документах архива имеется телеграмма колчаковского министерства финансов о депонировании в отделении Гонконг-Шанхайского банка во Владиво-

[1] Русский посол в Америке.
[2] АОР, ф. 1932, оп. 3, д. № 6, 1919 г., л. 67.

стоке 235 п. 6 ф. золотников 69 долей чистого золота, составляющих по нашему исчислению 2 560 169 долларов 9 центов.

Золото, захваченное у советской власти, расходовали в огромных размерах на приобретение оружия и амуниции. В делах колчаковского правительства сохранились десятки документов о получении пулеметов (например в августе 1919 г. от фирмы «Морлинроквель»—963 пулемета[1], пушек, сотен тысяч комплектов белья и т. п.

Ген. Грэвс, который уже доказал свое умение держаться буквы, и тут попробует сослаться на формальности: оружие покупалось у **частных** фирм. Однако этой увертки хватит не надолго. Вот донесение о сделке колчаковцев с самим американским правительством:

К. № 4201.

ТЕЛЕГРАММА НА ИМЯ МИНИСТРА ФИНАНСОВ И. А. МИХАЙЛОВА ОТ УГЕТА 26 ИЮЛЯ 1919 г.[2].

Счастлив сообщить, что сегодня принципиально закончена мною с военным ведомством сделка на приобретение 268 тыс. винтовок на следующих основаниях: золото депонируется в размере 10% общей стоимости имущества в Америке в качестве общей гарантии уплаты, 40% стоимости уплачивается до 15 января 1920 г., а 20% до 15 июля. В случае, если до 15 июля сможем уплатить лишь 50%, последние 10% оплачиваются депонированным золотом. При уплате же всех 60% золото возвращается правительству. На этом порядке депонирования золота я настаивал на случай, если бы надо было правительству золото показывать до июля по балансу государственного банка, как находящееся за границей. Повидимому золото можно будет отправить из Владивостока на американском военном транспорте для хранения Сан-франциском отделении казначейства, что избавит правительство от расходов по страховке и железнодорожного фрахта Америке. Об этом мною возбуждается соответствующее ходатайство. К сожалению добиться более легких оснований невозможно, так как Американское Правительство не располагает такими конституционными правами, как Британское или Японское Правительства, а потому связано

---

[1] АОР, ф. 1932, оп. 3, д. № 6, 1919 г., л. 136.
[2] АОР, ф. 1932, оп. 3, д. № 6, 1919 г., л. 180.

своих действиях конгрессом. Однако предполагаю как только Правительство будет формально признано, все невыплаченные суммы будут консолидированы.

Тоннаж предоставляется Американским правительством на Владивосток и Новороссийск, причем расчет по железнодорожному и морскому фрахтам аналогичен платежам за имущество. Генерал Марч во избежание политических вопрооов и связанных с сим задержек признал действительным заключить сделку со мной как поверенным в делах, на что считал себя уполномоченным Вашим № 9. Имущество отправляется адрес генерала Грэвса и передается им представителям правительства. Прошу немедленно сообщить мне имена представителей для инструктирования Грэвса Штабом.

Совершенно доверительно. Лично.

Крайне необходимо, полагаю, чтобы президент по техническим соображениям решился внести русский вопрос в конгресс впредь до ратификации мирного договора, вследствие резкой оппозиции Сената по партийным счетам к договору и Лиге Наций.

Угет.

Самое пикантное в этом документе то, что ружья американского правительства для Колчака шли в адрес... самого Грэвса, выступающего сейчас в роли обольщаемого Японией.

Конфуз генерала должен быть тем больше, что его непосредственный начальник б. военный министр САСШ официально признает факт снабжения Колчака самим правительством. Правда, Бекер не предполагал, что его документ очутится в советских архивах, но это уже не его вина, как и не вина Грэвса, что его ружья и пулеметы пошли на вооружение... Красной армии.

Копия.

ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО
ВАШИНГТОН
М. ВИЛЬЯМУ Т. ХОНЭДЭЙ.
НЬЮ-ИОРК СИТИ.

19 июля 1919 года.

Дорогой сэр!

В ответ на Ваше письмо от 7 июля 1919 г. я спешу сказать, что все усилия прилагаются правительством Соединенных шта-

тов для выполнения соглашения Межсоюзнической Конференции в Париже, касающегося снабжения правительства Колчака военными материалами. Как вооружение, так и обмундирование в значительном количестве поставляются теперь правительством Соединенных штатов. Не следует упускать из виду, что правительство Соединенных штатов еще не признало ни одного существующего русского правительства.

Искренне Ваш (подпись). Ньютон Д. Бекер.

В таких размерах снабжали Колчака без официального признания, как подчеркивает Бекер,—можно себе представить, что было бы после признания.

Не следует однако думать, что Колчака снабжало лишь военное ведомство. Отнюдь нет. В этом участвовало все правительство в целом. Вот сообщение поверенного в делах в Вашингтоне.

Об отношениях союзных государств и по делам Междусоюзного Комитета. Управл. Делами Рос. Прав.

Копия.

СЕКРЕТНАЯ ТЕЛЕГРАММА ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ В ВАШИНГТОНЕ НА ИМЯ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ.

Знаменский просит передать Управляющему делами Верховного правителя и Совета Министров, Тальберг, копии: министрам Снабжения и Продовольствия, Торговли и Финансов.

Ездил в Вашингтон, где был у управляющего министерством иностранных дел, финансов, начальника отдела по русским делам того же министерства, Мальса, управляющего отделом, ведующим русскими делами в министерстве снабжения, Ули (1 пр.), его помощника Станнерта, лиц непосредственно ведущих русскими делами...

Вышеупомянутые официальные лица восторженно отзываются об успехах нашего правительства как в области внутреннего устройства, так в особенности более понятным им — крупными военными успехами...

Руководители ведомств готовы и сейчас содействовать мне в наилучшем исполнении возложенного на меня Советом Министров поручения и **предлагают нам из своих, совершенно свободных от назначения, великолепных по качеству, колоссальных запасов, количественно превышающих нашу потребность в несколько раз, запасы военной амуниции и снаряжения как в готовом виде, так и в материалах на льготных условиях де-**

[1] АОР, ф. 176 Арх. № СМ—15—1033, 1919 г., л. 303.

нежного расчета за них с сказанием солидного кредита при первоначальной плате 10—20 процентов с погашением остальных сумм по частям и в течение от 9-го до 12-го месяцев.

Подп. *Угет.*

Какую огромную помощь оказывала Америка контрреволюции, можно судить по размеру отправляемого и по количеству адресатов. Посылали Колчаку в Сибирь, Юденичу на запад, Деникину в Новороссийск, Миллеру на север. 29 августа сообщают об отправке Деникину 28 тыс. винтовок, патрон, снарядов, обмундирования, 11 октября новая партия в 28 тыс. винтовок, сотни тысяч пар сапог, сто вагонов и тормозных комплектов [1].

А вслед за правительством тянулись всякие частные кампании, наперебой предлагавшие свои услуги в деле подавления революционного движения. Крупнейшие меховые фирмы Нью-Йорка представили Колчаку заем под обеспечение будущих благ мехами, выколачиваемыми от трудящихся Сибири. Десятки представителей, официальных и неофициальных, посещали Колчака или его министров, выполняя работу, о характере которой можно судить по следующему документу:

ВРЕМЕННО

УПРАВЛЯЮЩИЙ МИНИСТЕРСТВОМ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ.

Милостивый государь Иван Андрианович!

Покидающий Омск консул С. А. Соединенных штатов г. Эмбри, относящийся с искренней симпатией к России и Российскому правительству, изъявил желание, по приезде своем в Америку, ознакомить американское общественное мнение, путем докладов и лекций в различных городах штатов, а также при посредстве периодической печати с положением дел в России, действительной сущностью большевизма и с программою и характером деятельности Российского правительства.

Признавая справедливым возместить г. Эмбри расходы, связанные с означенною его деятельностью, могущей принести нам значительную пользу, Министерство Иностранных Дел находит необходимым выдать ему на путевые издержки и другие расходы, сопряженные с выполнением намеченной выше про-

[1] АОР, ф. 198, МФ, оп. 12, д. № 10, 1919 г., л. 2—5.
[2] Там же, оп. 9, д. № 25, л. 14.

1117231
ВИБЛИСТЕКА
им. А.С. ПУШКИНА

граммы, пять тысяч (5000) американских долларов, ассигнованных на секретные расходы ведомства.

Сукин.

Какое значение придавали этой деятельности официальные представители, можно судить по той настойчивости, с которой требовали денег для консула: по поручению министра несколько раз запрашивали, когда же выдадут деньги.

Мало того, что посылали помощь оружием, деньгами, снаряжением,— брали на себя роль колчаковских агитаторов. Вот от кого черпали газеты Америки свои сведения о положении дел в Советской республике!

Почему из помощи и деятельности агентов Колчака ничего не вышло, на это мы тоже находим ответ не у Грэвса, а в наших документах. Колчаковский посол так обясняет одну из самых действенных причин провала помощи контрреволюции:

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.
IV Политический отдел.

Копия.
398.

Получена 29 октября.
На имя Управл. М-ством Иностран. Дел.
Секретная телеграмма посла в **Вашингтоне.**
От 22 октября 1919 г. № 331.

Угет просит сообщить м-страм: Военному, Путей Сообщения, Морскому, Новицкому. Пароходом «Далайт», ушедшим из Сиятля 18 октября, отправлено: 115 тысяч 945 винтовок Ремингтона, 426 ящиков запасных ружейных частей, 17 ящиков патронов пушкам Максима, возвращенных нам Американским Морским ведомством... Распропагандированные стиворды отказались грузить винтовки, о прибытии коих Сиятль они были предупреждены рабочими из Бридтс-порта. Американское правительство прилагало все усилия, чтобы помочь нам скорейшей погрузке, но не могло принять никаких эффективных мер, будучи связано федеральным законом применять военную силу местном штабе... Благодаря большевистской пропаганде пароход был задержан на три недели... Погрузка была произведена

[1] АОР, ф. 198, М. О., оп. 9, д. № 25, л. 14.

лишь только по категорическим требованиям Вашингтона местным владельцам доков... помощью членов патриотической организации Американлегиона, состоящей из демобилизованных солдат и согласившихся целях помощи нашему правительству в борьбе с большевиками работать качестве стивидоров.

Бахметьев.

Интервенцию срывали американские пролетарии, чья революционная работа и самоотверженная преданность связала американским империалистам инициативу.

Как видим, не японский змий-искуситель едва не «запутал» империалистскую Еву Америку, — американский империализм сам принимал самое активное участие в интервенции и несет полную ответственность за все ее кровавые последствия. И если американские интервенты играли в Сибири роль фрондеров, чуть-чуть оппозиционно настроенных и к Колчаку и к остальным интервентам, то объясняется это только особо сложившимися обстоятельствами.

Дело не в разноголосице Военного и Государственного департаментов, так мучившей генерала: в обстановке послевоенного революционного кризиса ни одна страна **официально** не осмеливалась говорить об открытой интервенции, тем более, что САСШ без разрешения Конгресса и не могли объявить войны, а Конгресс со своим республиканским большинством выступал против политики Вильсона, ставленника демократов.

Когда Америка высадила свои войска в Сибири, все позиции там оказались уже занятыми Англией, Францией и Японией, использовавшими весь предыдущий период для соответствующей подготовки. Колчак твердо находился в руках Англии — его так и называли «Ноксовское правительство»,—по имени английского представителя ген. Нокса,— а Япония выдвинула Семенова и Калмыкова, дирижируя которыми она фактически командовала Восточной Сибирью. Америка попробовала было, опираясь на Италию, потеснить Японию и Англию, поддерживаемую Францией. Отношения между интервентами принимали такой острый характер, что порою дело доходило буквально до стычек между американскими солдатами и японскими, а с британским верховным

комиссаром Чарльзом Эллиотом у Грэвса не раз происходил разговор, далеко выходивший за рамки дипломатического этикета. Эллиот прямо заявил, что подозревает Америку в пособничестве восстаниям против колчаковского правительства, а ген. Нокс назвал в письме американские войска «сторонниками большевиков».

Отстраненная от руководящего влияния, наблюдавшая закрепление в Сибири Японии, Америка пыталась было опереться на элементы, фрондирующие против Колчака—на земство, находившееся в руках эсеров и беспартийных либеральничающих интеллигентов. Но эти группы только истекали резолюциями и просьбами, но на какое-либо решительное выступление оказались неспособными, даже тогда, когда их поддержал ген. Гайда. Положение несколько изменилось только к самому концу 1919 г., когда Колчак, тщательно скрывая это от англичан, обратился к американскому генеральному консулу за поддержкой, нащупывая почву для смены ориентации. Но обращение явно запоздало: Колчак был разбит наступающей Красной армией и сам удирал под охраной чехов на Дальний Восток.

Америке оставалось убрать свои войска, тем более, что дома развернулось массовое революционное движение, приковывавшее все внимание правительства.

Япония опять надула Америку. Пообещав уйти вместе с американцами, японцы 5 апреля 1920 г., ровно через пять дней после отъезда ген. Грэвса, спровоцировали нападение на японскую контору и произвели переворот во Владивостоке, а потом и во всем Приморье.

Борьба Америки с Японией возобновилась с новой силой и в новой обстановке: на помощь Америке пришел послевоенный кризис. Сама шатаясь под ударами кризиса, Америка сумела все же поставить под угрозу экономическую систему Японии, изнывавшую от тяжелых последствий кризиса и чрезвычайного бремени военных расходов: одна интервенция в Сибири обошлась ей в 1 млрд. иен. Позиция Америки облегчалась тем, что она могла выступить в демагогической

роли противника интервенции и защитника неприкосновенности России.

«Продолжающаяся оккупация стратегических центров Восточной Сибири,— можно прочитать в американской ноте Японии от 31 мая 1921 г.,— влекущая за собой владение Владивостокским портом, размещение войск в Хабаровске, Николаевске, де-Кастри... и других военных пунктах, захват русской части Сахалина и установление японской гражданской администрации, вызывающей неизбежно недоразумения и конфликты, скорее усиливают, чем успокаивают волнения и беспорядки в названной области... Ни теперь, ни впоследствии, они (САСШ) не могут признать основательными какие-либо претензии, возникшие из нынешней оккупации, и не могут согласиться на действия японского правительства, которые могли бы нарушить существующие договорные правила или политическую независимость и территориальную неприкосновенность России».

Между прочим, в этой роли американской дипломатии, характерной для всей внешней политики американского империализма, позже других вышедшего на мировую сцену, где все места давно заняты, и следует искать объяснения иллюзиям, иногда проникающим и в нашу печать о незаинтересованности Америки в интервенции.

В 1922 г. Америка собирает Вашингтонскую конференцию, чтобы дипломатически закрепить результаты послевоенного кризиса, меньше всего отразившегося на ней. На конференции Америка поставила себе задачей ликвидировать англо-японский союз и закрепить статус-кво на Тихом океане ценою приостановки вооружений, таким грузом лежавшим и на Японии, и на Англии. Сама Америка надеялась, что со своей техникой она шутя наверстает задержку десятилетней передышки в вооружениях, намеченной конференцией.

Америка добилась поставленной цели — с 1922 г. перестал существовать англо-японский союз, и Япония сократила свое дальнейшее вооружение, но результаты конференции скоро обернулись против ее инициатора,— так наглядно ска-

зался основной закон империализма — неравномерное развитие.

Вашингтонская конференция позволила Японии сократить военный бюджет с 50% всего бюджета до 35%, а десятилетнюю передышку Япония использовала для закрепления своих позиций на континенте в Китае. Результаты этого закрепления сказались на наших глазах. Даже поверхностный взгляд на карту Китая сразу вскрывает характер японского вторжения в Китае. Северный Китай, главным образом Манчжурия,— район японского капиталовложения; интересы Англии теснее всего связаны с Южным Китаем; Франция твердо сидит на юго-западе, у границ Индо-Китая; Америка же распространяется по течению реки Янцзы, имея главный выход в океан через Шанхай. В 1910 г. только 1% торговли Шанхая падал на Америку, в 1928 г.—16%, а в 1930 г. Америка по торговому обороту стоит на первом месте в Шанхае. За последние годы Америка усилила свое влияние в Нанкине. Американский профессор является главным финансовым экспертом при нанкинском правительстве, а ряд американских миллионеров вроде Форда, Юнга и др. состоят в звании «почетных экономических советников Китая»; американец Мантель приглашен главным советником железных дорог. Америка стала выходить даже за пределы долины Янцзы, добиваясь права строить железные дороги в Манчжурии и в Монголии.

Оккупировав Манчжурию и разгромив Шанхай, Япония одним ударом добилась того, что потеряла по Вашингтонскому соглашению: закрепила за собой огромную колонию с неисчерпаемым запасом естественных богатств и нанесла сильный удар по американским интересам в Шанхае.

Американская дипломатия осталась у того же разбитого корыта, у которого она в раздумьи сидела в период первой интервенции.

Как и в 1918 г. Япония засела в Манчжурии, обезопасив свои тылы, получив огромные сырьевые запасы, достаточные и для ее промышленности и для военных целей, захватив плацдарм, откуда она может угрожать с тыла и Анг-

лии в Гонконге. Единственное слабое место, открывающее доступ к Японии, это советский Дальний Восток. Можно натравить Японию на Дальний Восток, втянув ее в новую интервенцию, тем более, что бурно строящийся социализм в Советском Союзе революционизирует американский пролетариат. Но захват Дальнего Востока сделает Японию неприступной, превратит мечты Танака, изложенные им в меморандуме императору, в действительность: с помощью Америки Япония превратится в такую мощную колониальную державу, которая шутя выгонит тогда Америку со всего Дальнего Востока и из всех областей Китая.

Американская буржуазия мечется теперь между двумя полюсами. Подгоняемые кризисом, чувствуя под ногами колебание почвы, слыша топот многомиллионных масс, подымающихся на борьбу за повторение русского опыта, американские империалисты ведут самую бешеную кампанию против Советского Союза. Америка снабжает Японию огромными военными запасами на сотни миллионов долларов и притом в кредит. Десятки газет развернули энергичнейшую кампанию, стремясь вовлечь Японию в интервенцию.

Но опыт первой интервенции и опасения, что Япония пожнет опять все плоды интервенции, заставляют другую часть американских империалистов выступать с разоблачениями Японии, требовать признания Советского Союза, выступать против японской интервенции,— ярким выражением такого настроения и является книга Грэвса.

Американский империализм вертится в заколдованном кругу. Что касается позиции Советского Союза, то она нашла свое выражение в ярком и четком заявлении **т. Сталина,** заявлении, ставшем программой всего пролетариата и трудящихся Союза: **«чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».**

Американскому же империализму, мечущемуся между двумя выборами, мы на этот и на другой случай напомним следующее:

В 1918 г. интервенты напали на страну, только что вышедшую из империалистской войны с расстроенным транспортом и разрушенным хозяйством. В 1918 г. только небольшие

организованные группы преданных революции пролетариев боролись в тылу империалистов против интервенции. И тем не менее под руководством партии и ее вождя Ленина Советская страна не сдалась, выдержала, победила.

Сейчас Советский Союз—страна Днепростроя, Волгостроя, страна мировых гигантов. Сейчас в тылу империалистов испытанные боевые коммунистические партии поднимут на борьбу против интервенции миллионные массы. Сейчас противоречия империализма несравненно глубже, а экономический кризис ускоряет назревание революционной ситуации. В грядущей интервенции героический пролетариат и трудящиеся Советского Союза вместе с международным пролетариатом и миллионами угнетенных трудящихся колониальных и полуколониальных стран, под знаменем ленинской партии и ее вождя. г. Сталина сумеют не только устоять, не сдаться, а победить и на-голову разгромить интервентов.

К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале 1918 г. президент Вильсон сообщил мне, что от него требуют участия американских войск в совместной военной экспедиции союзников на север России и в Сибирь, и просил меня подумать о том, какой ответ он мог бы дать по этому поводу британскому и французскому представительствам. По словам Вильсона, союзники обосновывают свое предложение в отношении севера России указанием на то, что по соседству с Архангельском имеются большие военные склады, которые попадут в руки немцев, если союзники не возьмут на себя их охрану, и что значительная часть населения на севере России сочувствует делу союзников, стремится объединиться вокруг их военного ядра, чтобы восстановить Восточный фронт или по крайней мере заставить Германию держать на Восточном фронте значительное количество войск. В отношении экспедиции в Сибирь в качестве одного из обоснований выдвигалось то, что большой отряд чехов откололся от австрийской армии на русском фронте и через всю страну пробивает себе дорогу во Владивосток, откуда он должен отправиться во Францию, чтобы в рядах союзников снова принять участие в военных действиях против Германии. Говорилось, что чехи недостаточно вооружены, не имеют продовольственных запасов, кроме тех, которые они могут достать в пути, и нуждаются в защите от нападения германских и австрийских военнопленных, которые после Октябрьской революции в России освобождены из лагерей и при помощи германских офицеров организованы во внушительные воинские части с задачей предоставить в распоряжение Германии и Австрии русские запасы и, где возможно, бороться с русскими — сторонника-

ми союзников. Кроме того говорилось, что жертвы, понесенные во время войны Россией, дают ей право рассчитывать на всяческую помощь, которую союзники в состоянии оказать ей в деле поддержания внутреннего порядка, пока русский народ занят установлением новых форм правления. В силу этого последнего соображения в Сибирь была отправлена так называемая комиссия Стивенса с задачей помочь наладить эксплоатацию железной дороги, от функционирования которой зависела жизнь страны.

Через несколько дней мы с президентом обсуждали более подробно эту же проблему. Я отстаивал точку зрения военных кругов, сводившуюся к тому, что вопрос о выигрыше войны должен решиться на Западном фронте, что следует употребить все усилия для сконцентрирования там подавляющих сил, необходимых для достижения быстрого успеха, что всякое отвлечение сил на другие театры военных действий только отдалит достижение конечного успеха, не давая в то же время возможности добиться где бы то ни было достаточно важных результатов. Эта точка зрения настолько заинтересовала президента, что он послал за начальником Штаба, с которым и обсудил как вопрос о возможности воссоздания боеспособного Восточного фронта, так и вопрос о том, как повлияет предполагаемая экспедиция на силы союзников на Западном фронте. Во время третьей беседы со мною президент сказал, что он признает правильность точки зрения военного министерства, но что по некоторым соображениям он считает себя обязанным участвовать в ограниченной форме в обеих предположенных экспедициях. Причины, побуждавшие президента принять такое решение, были дипломатического характера, и я воздержусь от их обсуждения. В то время я считал,—да и теперь считаю, — что представленные президенту соображения оправдывали принятое им решение, хотя дальнейший ход событий доказал правильность точки зрения генерального штаба.

Описанная командующим американскими силами ген. Вильямом Грэвсом в книге „America's Siberian Adventure"

сибирская экспедиция, которая почти ежедневно попадала в весьма затруднительные и опасные положения, была наиболее серьезной из этих двух экспедиций. До известной степени мы предвидели эти трудности, и кандидатура ген. Грэвса на должность командующего американскими силами, предложенная начальником Штаба, ген. Марчем, встретила мое полное одобрение. Когда я был военным министром, ген. Грэвс являлся секретарем Генерального штаба, вследствие чего мы с ним находились в постоянном деловом контакте. Опыт совместной работы показал мне, что ген. Грэвс был уверенным в себе, воспитанным и прекрасно дисциплинированным солдатом, одаренным ясным умом и твердой волей — качествами, необходимыми для преодоления тех многочисленных трудностей, возникновение которых я мог предвидеть. Теперь, когда эта нелепая авантюра отошла в область прошлого, я более чем когда-либо удовлетворен выбором командующего американскими силами. Темпераментный, безрассудный или недостаточно твердый в своем поведении офицер, поставленный во главе американских войск в Сибири, легко мог создать такое положение, которое вызвало бы необходимость непосильных для союзников, в особенности для Соединенных штатов, военных действий и создало бы для нашей страны крайне неблагоприятные осложнения. В бесхитростном изложении всех этих событий, которое дает Грэвс, такие возможности проглядывают почти на каждой странице.

Президент Вильсон лично составил тот «меморандум», который ген. Грэвс приводит на стр. 5 своей книги, и копию которого я лично передал Грэвсу, как он и отмечает, на железнодорожной станции в Канзасе. Так как мне прекрасно были известны ограничительные оговорки президента об участии Америки в сибирской экспедиции и те цели и политические соображения, ради которых наше правительство приняло в ней участие, я не хотел позволить ген. Грэвсу уехать из Америки без личной беседы со мною, чтобы фиксировать его внимание на некоторых трудностях, с которыми он должен был встретиться, и на той твердости, кото-

рую ожидал от него президент при проведении в жизнь заранее установленной политической линии; я предпринял поездку для инспектирования дисциплинарных казарм в Ливенворсе и предложил ген. Грэвсу встретить меня в городе Канзасе. Этим я оберегал необходимое ему для приготовлений время, которое было бы потеряно, если бы он проделал весь путь до Вашингтона. К несчастью поезд, с которым ехал Грэвс, запоздал, и наша беседа оказалась менее продолжительной, чем я предполагал.

С этого момента и до возвращения в Соединенные штаты из Сибири американских экспедиционных войск ген. Грэвс, несмотря на всегда крайне запутанную и способную раздражить всякого обстановку, неуклонно придерживался политической линии своего правительства. В Вашингтоне мне часто приходилось слышать от военных атташе союзников и иногда от представителей Государственного департамента [1] жалобы на то, что ген. Грэвс не хочет сотрудничать с другими союзниками; однако каждый раз, когда я просил представить конкретные доказательства, я неизменно устанавливал, что невыполнение якобы генералом его долга в действительности являлось лишь отказом с его стороны отступать от буквы и духа данных ему инструкций. В июне 1919 г. я встретился в Париже с президентом Вильсоном, который совместно со мною обсудил сделанные ему французами и англичанами представления о том, что ген. Грэвс был упрямым, тяжелым по характеру и лишенным способности сотрудничества командиром. Я напомнил президенту об изложенной в «меморандуме» политической линии Соединенных штатов и сообщил подробности аналогичных представлений, сделанных мне в Вашингтоне. Мне удалось убедить Вильсона, что поведение ген. Грэвса полностью соответствует политической линии президента, несмотря на упорные попытки союзного командования превратить сибирскую экспедицию

---

[1] Министерство иностранных дел САСШ.

Прим. пер.

в военное вмешательство во внутренние дела России, против чего президент высказывался с самого начала. В конце нашей беседы президент улыбнулся и сказал: «Это старая история, Бекер: люди иногда приобретают репутацию упрямых только потому, что они всегда оказываются правы».

Как в то время, так и позднее президент во всех случаях полностью одобрял поведение ген. Грэвса. И если сибирская экспедиция по существу ничем не оправдывалась и ни к каким существенным результатам не привела, то в значительной степени верно также то, что ее действия не только объяснялись выявившимися тогда условиями, но не удержали нас самих от военной авантюры, удержали от военной авантюры других и создали такое положение, при котором одновременно с эвакуацией из Сибири американских войск должны были эвакуироваться и войска остальных союзников. Это в свою очередь сделало невозможным захват русской территории теми государствами, интересы которых на Дальнем Востоке легко могли побудить их к захвату, — сначала в целях умиротворения, а затем в целях введения там постоянного управления колониального характера, — огромных пространств русского Дальнего Востока.

Если отвлечься от того запутанного положения, которое царило во всем мире, то сибирская авантюра представляется какой-то мистификацией. Действительно, даже сам ген. Грэвс никогда «не мог сколько-нибудь удовлетворительно ответить на вопрос, почему Соединенные штаты приняли участие в такой интервенции». Но если учесть международное положение того времени, то объяснение найти нетрудно. Весь мир пылал в огне войны. Главный центр этого ужасного военного столкновения находился на Западном фронте, от Ла-Манша до швейцарской границы, но отзвуки этого столкновения распространялись по всему миру: повсюду в отдаленных местах земного шара совершались не совсем понятные операции второстепенного значения. Все эти операции так или иначе являлись периферийными отзвуками глубокого потрясения центральной нервной системы всего мира. Одни из этих операций проводились с обдуманным на-

мерением, для того чтобы помешать концентрации сил противника или прекратить подвоз продовольствия для его войск. Другие — имели своей целью оказать союзникам моральную поддержку в их затяжной и какой-то безысходной борьбе на Западном фронте. Были операции, от которых веяло романтикой; таким было взятие Алленби Иерусалима и изгнание неверных из святых мест Палестины. Наконец некоторые операции вызывались напряженной атмосферой, создавшейся в колониях благодаря ослаблению административной власти тех государств, которые сосредоточили свои силы на борьбе в Европе и не имели ни времени, ни средств охранять порядок в своих отдаленных владениях. Две последовательные революции в России ослабили власть Москвы на Дальнем Востоке и дали полную волю грабительским настроениям таких предводителей казачьих войск, как Семенов и Калмыков. Окраины Сибири долгое время являлись ареной столкновений коммерческих и военных интересов Германии, Англии, Франции и Японии. Сама же Сибирь была населена отчасти малокультурными народностями, отчасти политическими ссыльными; кроме того в Сибири оказалось много военнопленных, освобожденных из лагерей. Перемена правительства в Москве изменила отношение к вопросу о мировой войне и об участии в ней России: все эти противоречивые мнения, о которых в отдаленных местностях Сибири имели лишь слабое представление, искажали здесь уже вырисовывавшиеся национальные стремления русского народа. Усилия наций, занятых борьбой на Западном фронте, были направлены к одной единственной цели, но в таких местах, как Сибирь, одинаково отсутствовали как понимание стремлений, которыми была охвачена Европа, так и подчинение их единой цели. Сибирь походила на простака-солдата, который не отдает себе отчета в том, что вокруг него происходит, а знает только, что в мире вместо заведенного порядка воцарились полнейший беспорядок и хаос. Нет ничего удивительного, что при описанных выше условиях интервенция союзников в Сибири изобиловала трудностями, обычными в подобных случаях. Для заинтересованных на-

ций не представляло труда каждый день придумывать новые обстоятельства, если не требующие, то вызывающие необходимость изменения их политики. Большинство государств, имевших в Сибири свои вооруженные силы, слишком было занято у себя дома, чтобы уделять много внимания тому, что происходило вокруг Байкала. Вследствие этого военным руководителям в Сибири было предоставлено право решать вопросы политического характера. Поэтому не следует удивляться, если ген. Ои и ген. Нокс считали, что, воспользовавшись выгодным для них оборотом событий, они должны нанести сильный удар в интересах дела союзников и в дальнейшем добиться тех коммерческих и территориальных выгод, к которым, по их мнению, их правительства должны были стремиться.

В книге ген. Грэвса можно найти подтверждение того, что эти мнения высказывались порой даже в официальных кругах Соединенных штатов. Я сам не могу объяснить тот открытый конфликт, который произошел между Военным [1] и Государственным департаментами Соединенных штатов по вопросу о сибирской авантюре, так же как не могу понять, почему Государственный департамент счел нужным, — как он повидимому это иногда делал, — проводить свою точку зрения на политику в Сибири непосредственно через ген. Грэвса. Быть может на Государственный департамент больше, чем на меня, влияли мнения союзников о желательности сотрудничества войск союзников за пределами, очерченными в американском меморандуме. Возможно, некоторые из этих мнений являлись лишь отдаленными отголосками направленной по нашему адресу критики союзников, являлись теми мнениями, которые не были предварительно представлены на одобрение государственному секретарю или были признаны последним противоречащими той установке, которую дали Соединенные штаты, соглашаясь на участие в сибирской авантюре.

Несомненно, когда-нибудь все эти вопросы будут внимательно изучены, будут обнаружены новые документы, новые

[1] Военный департамент—военное министерство САСШ. *Прим. пер.*

сообщения о беседах и о призывах к изменению политики, вызывавшихся якобы новыми обстоятельствами; пока же этого нет, все происшедшие в Сибири события всегда будут служить иллюстрацией того, во что выливается на отдаленной периферии безумие, царящее в ведущих войну государствах.

Прежде чем закончить это предисловие, я не могу не выразить, насколько сумею, благодарность нашей страны тем солдатам, которые в заброшенных и окутанных таинственностью уголках Сибири безропотно и отважно несли выпавшее на их долю бремя войны. Даже солдаты демократической страны не всегда могут понять существо того или иного стратегического положения. Вопросы политического и военного характера разрабатываются в тиши кабинетов и в генеральных штабах; солдаты лишь выполняют приказания. И те солдаты, которые находились на берегах Белого и Желтого морей, выполняли свой долг наравне с солдатами, сражавшимися на берегах Марны. Тем не менее, если с точки зрения американского народа все же пришлось бы подыскивать оправдание для сибирской авантюры, то американские солдаты, принимавшие в ней участие, могут чувствовать себя удовлетворенными, сознавая, что американские войска в Сибири вели себя гуманно и отважно, повинуясь приказаниям командира, который действовал согласно высоким задачам своей страны, стремившейся создать какую-то стабилизацию и принести пользу на обширных, заброшенных пространствах земли, населенных беспокойным, несчастным, но дружеским народом. Я думаю, эти солдаты могут быть уверены, что если экспедиция и не принесла никаких положительных результатов, то история все же извлечет известную пользу из отрицательных результатов участия американских войск в сибирской авантюре. Те события, которые не произошли только потому, что среди войск союзников находились американские войска, усложнили бы весь русский вопрос в целом и создали бы серьезную угрозу для всеобщего мира.

Ньютон Д. Бекер.

ВСТУПЛЕНИЕ

Крайне трудно писать или даже говорить о России, не вызывая обвинений в том, что находишься под влиянием советского правительства. Во время моего пребывания в Сибири русский Дальний Восток был совершенно отрезан от всех частей России, находившихся под властью советского правительства. Вследствие этого я не имел соприкосновения ни с советским правительством, ни с какими-либо определенными лицами, представляющими это правительство.

Единственным правительством, в соприкосновении с которым я находился в течение всей моей службы в Сибири, было правительство Колчака, если только его можно назвать правительством. Я сомневаюсь, чтобы без поддержки иностранных войск Колчак или его правительство обладали достаточной силой для осуществления верховной власти. В документе, известном под названием «Межсоюзнического железнодорожного соглашения» и касающемся эксплоатации и управления сибирскими железными дорогами, все государства, имевшие свои войска в Сибири, признали Колчака в качестве представителя России; и это признание является самым широким признанием, которое когда-либо получал Колчак, ибо ни одно государство не признало Колчака в качестве главы **фактического** или **юридического** правительства России.

Основной причиной того, что я решился напечатать свои воспоминания о связанных с интервенцией обстоятельствах и фактах, является мое убеждение, что не только в Соединенных штатах Америки, но и повсюду существует ошибочное представление о том, под чьим командованием оперировали американские войска в Сибири. Другой причиной является тот факт, что некий англичанин, полк. Джон Уорд, выпустил книгу, которая создает — и, по моему мнению, намеренно — неправильное представление о поведении американских войск и честном выполнении ими своего служебного

долга. Книгу Уорда можно найти в американских библиотеках; поэтому мне представляется неправильным, если американцы, честь командовать которыми выпала на мою долю, допустят, чтобы эти несправедливые обвинения перешли к потомству без опровержения.

Я написал эту книгу не для того, чтобы оправдать какие-либо свои действия в Сибири или действия американского военного ведомства. В самом деле, как видно из приводимых ниже документов, военный министр, Ньютон Бекер, и начальник Штаба, ген. Пейтон С. Марч, занимавшие эти руководящие должности в течение всего периода пребывания в Сибири американских войск, сделали излишними какие-либо оправдания, полностью и без исключения одобрив действия американских военных сил в Сибири. 31 августа 1920 г. я получил от военного министра личное письмо следующего содержания:

«Я только что закончил ознакомление с вашим обстоятельным докладом от 26 мая, охватывающим операции американских экспедиционных сил в Сибири с 1 июля 1919 г. по 31 марта 1920 г. Поскольку в настоящее время наши экспедиционные войска полностью отозваны из Сибири и их заключительные операции являются теперь лишь достоянием наших воспоминаний, я рад поздравить вас как с успехом, так и с тактом и энергией, проявленными вами в качестве командующего этой экспедицией.

Данные вам инструкции были направлены к осуществлению целей, изложенных в меморандуме Государственного департамента, в котором всему миру было заявлено о целях и пределах использования американских войск в Сибири. В чрезвычайно запутанной обстановке стоявшая перед вами задача зачастую была и трудной и деликатной; находясь на огромном расстоянии от Соединенных штатов, вы могли рассчитывать только на свои силы и свою собственную инициативу; обстановка стала еще более тяжелой благодаря трудностям связи, отсутствию возможности опровержений и в особенности благодаря различного рода тенденциозным искажениям, которые влияли на условия работы в Сибири и на вашу деятельность.

Вам будет приятно узнать, что Военный департамент с самого начала с полным доверием полагался на ваши суждения, и я счастлив, что могу теперь заверить вас, что вся ваша деятельность в Сибири получила одобрение департамента».

Начальник Штаба в своем докладе военному министру в связи с окончанием 20 июня 1920 бюджетного года отмечает в отношении сибирской экспедиции:

«Положение, в котором находился главнокомандующий, подчиненный ему командный состав и войска, было крайне трудным и опасным. То, как эта трудная и ответственная задача была выполнена, достойно лучших традиций американской армии».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЦЕЛЬ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В СИБИРИ

6 апреля 1917 г., т. е. в тот день, когда Соединенные штаты вступили в мировую войну, я состоял на службе в Военном департаменте в качестве секретаря Генерального штаба. В то время я был подполковником Генерального штаба, занимая должность секретаря с августа 1914 г.; секретарем Генерального штаба я был и раньше, с января 1911 по июль 1912 г.

Как и все офицеры Военного департамента, я надеялся, что мне дадут назначение на фронт во Францию; однако моя просьба об этом была отклонена начальником Штаба, ген.-майором Скоттом. 22 сентября 1917 г. ген. Скотт достиг того возраста, когда по закону офицер действительной службы увольняется в отставку; его место занял ген. Таскер Блисс, занимавший должность помощника начальника Генерального штаба.

Ген. Блисс вышел в отставку 31 декабря 1917 г., и во главе Генерального штаба был поставлен ген.-майор Пейтон С. Марч, который находился во Франции, где он и узнал о своем новом назначении. Ген Марч вступил в свою новую должность около 1 марта 1918 г.

Тотчас же по своем прибытии ген. Марч сказал, что он хотел бы, чтобы я остался в занимаемой мною должности месяца четыре, а затем он разрешит мне отправиться во Францию. Однако в мае 1918 г. он вдруг заметил: «если кому и надо ехать в Россию, так это вам». Эти слова ошеломили меня, но так как об этом было сказано только как о возможности, я не стал углублять этого вопроса; ген. Марчу было известно о моем желании получить службу в Европе, и я стремился использовать каждый случай, какой только допускала работа в канцелярии, чтобы получить воз-

можность изучить обстановку и операции на французском фронте. В то время я даже не думал о возможности отправки американских войск в Сибирь и, когда ген. Марч упомянул об этом, я не обратил на его слова большого внимания, считая, что выбор не может пасть на меня. Во второй половине июня 1918 г. ген. Марч сообщил мне, что я буду произведен в чин ген.-майора национальной армии и смогу получить командование любой дивизией в Соединенных штатах, не имеющей постоянного командира. Это убедило меня в том, что мысль об отправке войск в Сибирь оставлена и что во всяком случае меня не собираются туда посылать. На другой день я сказал Марчу, что хотел бы получить 8-ю дивизию, в лагере Фремон, Palo Alto, в Калифорнии. Он согласился, и вскоре моя фамилия была сообщена в сенат для утверждения меня в чине ген-майора, что и произошло 9 июля. Тотчас же сообщив Марчу о своем желании отправиться в дивизию, командиром которой меня назначили, 13 июля я покинул Вашингтон. 18 июля вступил в командование 8-й дивизией и начал знакомиться с моими новыми обязанностями; с большой радостью узнал я, что 8-я дивизия назначена к отправке во Францию в октябре месяце.

2 августа 1918 г. к вечеру мой начальник штаба доложил, что из Вашингтона получена шифрованная телеграмма, начинавшаяся фразой: «Вы не должны сообщать никому из членов вашего штаба и никому другому содержание этой телеграммы». На мой вопрос, кто подписал эту телеграмму, начальник штаба ответил, что телеграмма подписана Маршаллом. Я заметил, что Маршалл едва ли мог иметь ко мне какое-либо дело, и приказал начальнику штаба и его помощнику расшифровать телеграмму. Телеграмма предлагала мне «с первым и самым скорым поездом отправиться из Сан-Франциско в город Канзас, направиться в отель «Балтимора», спросить военного министра и дожидаться его, если его не окажется к моменту моего приезда». Я глядел на эту телеграмму как самый замечательный документ, который когда-либо исходил из Военного департамента, и если бы я не думал, что телеграф по ошибке передал подпись «Маршалл» вместо «Марч», я попал бы в затруднительное положение, вынужденный выбирать между невыполнением приказа и тем, чтобы покинуть город, в котором я служил, никому не говоря о своей отлучке и об ее цели. Никаких указаний, по какому делу меня вызывали в Канзас, на какой срок и вообще вернусь я

обратно или нет в телеграмме не содержалось. Некоторые из этих сведений имели значение для моих личных приготовлений в дорогу. Я не знал, какое платье следует взять с собою, и не знал, обозначает ли полученный мною приказ перемену места моей службы. Заглянув в расписание, я увидел, что поезд на Санта Фе отходит из Сан-Франциско через два часа; уложив кое-какие вещи в чемодан и небольшой коффр, я отправился в Сан-Франциско. На поезд я попал, но не мог получить спальное место. По дороге в Канзас я телеграфировал Бекеру, военному министру, в адрес отеля «Балтимора» о том, с каким поездом я прибываю. Во время путешествия я старался догадаться, какова причина этого загадочного вызова, и в глубине души опасался, что дело касается Сибири, хотя в газетах не было ничего, что указывало бы на возможность отправки Соединенными штатами своих войск в Россию.

Когда около 10 час. вечера я прибыл в Канзас, ко мне подошел человек в красной фуражке и сообщил, что г. Бекер, военный министр, ждет меня в одной из комнат вокзала. Так как поезд Бекера вскоре отправлялся, Бекер сразу мне сказал, что к своему большому сожалению он должен послать меня в Сибирь. Он был, как всегда, очень вежлив, выразил свое сочувствие и добавил, что ему известно мое нежелание ехать в Сибирь, но когда-нибудь он объяснит мне, почему я все же должен туда ехать. Бекер сообщил также, что ген. Марч принял все меры к тому, чтобы помочь мне избавиться от этой поездки, и хотел послать меня во Францию. «Если когда-нибудь вы захотите проклясть человека, пославшего вас в Сибирь, знайте, это был я». С этими словами он передал мне запечатанный пакет. «Здесь вы найдете,—сказал он,—указания о политике Соединенных штатов в России, которым вы должны следовать. Будьте осторожны: вам придется сидеть на бочке с порохом; малейшая неосторожность может вас погубить. Бог благословит вас и... всего лучшего».

По возвращении в отель я немедленно вскрыл пакет и нашел документ на семи страницах, озаглавленный «Меморандум». Вместо подписи под документом было напечатано: «Государственный департамент, Вашингтон, 17 июля 1918 г.». Внимательно прочитав этот документ и усвоив политическую линию Америки, я лег спать. Но мне не спалось: мне хотелось знать, что делали другие государства и почему меня совсем не информировали о том, что происходит в Сибири. На следующий день я вновь несколько раз перечитал

этот документ, пытаясь проанализировать и проникнуть в смысл каждой фразы. Я ясно понимал политику Соединенных штатов и не чувствовал необходимости просить объяснений по каждому пункту. Указания, заключавшиеся в документе, состояли в следующем:

МЕМОРАНДУМ

Все стремления населения Соединенных штатов направлены к тому, чтобы выиграть войну. Основная цель правительства Соединенных штатов состоит в том, чтобы сделать все необходимое для выигрыша войны. Правительство желает участвовать — и притом с полной готовностью — во всех практических мероприятиях вместе с союзными правительствами; оно не стремится при этом достигнуть каких-либо своих целей и считает, что войну можно выиграть только посредством общей договоренности и тесной согласованности действий. Правительство постаралось изучить каждую из предложенных политических линий или действий, участие в которых ему предлагалось, и пришло к нижеследующим выводам, будучи уверенным, что если оно сочтет необходимым уклониться от участия в каком-либо предприятии или действии, то другие правительства признают, что оно уклоняется только в силу серьезных политических или тактических соображений.

В полном согласии с союзными правительствами и в соответствии с единогласным решением Верховного военного совета, правительство Соединенных штатов с момента своего вступления в войну приняло план участия в боях на Западном фронте, в которых должны были принять участие возможно скорее все его людские и материальные ресурсы; оно энергично, с успехом и все более и более быстрыми темпами осуществляло этот план, вложив в него буквально всю энергию и творческую силу нации.

Таков был его ответ, — вполне добровольный и искренний, — на то, что являлось непоколебимым решением как его военных руководителей, так и военных руководителей союзников. В настоящее время, в соответствии с высказанным Верховным военным советом пожеланием, правительство рассматривает вопрос о возможности значительного расширения этой и без того огромной программы действий, которое, если бы оно оказалось осуществимым, потребует крайнего напряжения промышленности Соединенных штатов и

торгового флота всех объединившихся государств. Поэтому правительство сосредоточило все свои силы и все свои планы именно на этой абсолютно необходимой цели.

При этих условиях оно считает своим долгом заявить, что пока военное положение на Западном фронте остается критическим, оно не может согласиться на то, чтобы путем использования какой-либо части вооруженных сил в других местах или для другой цели прекратить или ослабить делаемые им в настоящее время усилия. Соединенные штаты отделены огромным расстоянием от театра военных действий на Западном фронте; от других театров военных действий их отделяют еще большие расстояния. С большими затратами и с огромным трудом Соединенные штаты создали во Франции аппарат для управления своей армией и складами. Этого аппарата не существует в других странах. Американская армия может многое сделать во Франции; в то же время практически она не в состоянии предпринять что-нибудь важное или что-нибудь более значительное на каком-либо другом театре военных действий. Вследствие этого американское правительство почтительно просит своих союзников согласиться с его обдуманным мнением, сводящимся к тому, что не следует распылять своих сил, втягивая их в серьезные операции на каких-либо других участках.

Правительство все же считает итальянский фронт непосредственно связанным с Западным фронтом и готово перебросить часть своих вооруженных сил из Франции в Италию, если таково желание Верховного военного совета. Правительство хотело бы по этому вопросу, как и по другим, выждать решения главного командования, в особенности потому, что оно рассматривает оба эти фронта, вследствие их взаимной связанности, как две части одной линии фронта. Кроме того надо иметь в виду, что в случае необходимости перебросить на итальянский фронт американские войска эти последние должны быть выделены из войск, оперирующих во Франции, и перевезены через французскую территорию из портов, которыми в настоящее время пользуются Соединенные штаты.

После неоднократного и очень внимательного изучения положения в России правительство Соединенных штатов пришло к вполне определенному и твердому выводу, что военная интервенция в России могла бы лишь способствовать происходящим в этой стране печальным волнениям, а не устранить их, скорее повредить России, чем помочь ей, и не принесла бы пользы для выполнения нашего основного

плана, т. е. для достижения победы над Германией. Ввиду этого правительство Соединенных штатов не может принять участия в такой интервенции или принципиально одобрить ее. Если даже допустить, что военная интервенция явится действительным средством для достижения непосредственной, открыто признанной цели, т. е. для осуществления возможности нанесения удара Германии с востока, правительство все же полагает, что интервенция является только способом использования России, а не формой оказания ей помощи. Интервенция не избавит русский народ от переживаемых им бед, и его ресурсы уйдут на поддержание иностранных войск, а не на создание своих армий. В связи с этими обстоятельствами правительство Соединенных штатов считает, что военные действия в России допустимы только для того, чтобы помочь чехо-словакам консолидировать свои силы и вступить в успешное сотрудничество с родственными им славянами, а также для того, чтобы упрочить усилия русских, направленные к установлению самоуправления или к самозащите, поскольку сами русские будут выражать желание принять эту помощь. Правительство отмечает, что единственной законной целью, для осуществления которой могут быть применены американские или союзнические войска как во Владивостоке, так и в Мурманске или Архангельске, является охрана военных складов, которые впоследствии могут пригодиться русским войскам, и оказание такой помощи, которая окажется приемлемой для русских при организации ими собственной самозащиты.

Для оказания помощи чехо-словакам существует настоятельная необходимость и имеются достаточные оправдания. Последние события совершенно ясно показали, что оказание помощи чехо-словакам соответствует стремлениям русского народа; правительство Соединенных штатов радо предоставить небольшую часть своих сил в распоряжение русского народа для этой цели. Правительство предоставляет таким образом решению верховного командования вопрос о посылке небольших сил в Мурманск для охраны военных складов в Коле и для того чтобы дать возможность русским безопасно провести организацию своих вооруженных сил на севере. Однако правительство считает нужным откровенно заявить, что оно не может итти далее этих скромных и практических планов. Оно не в состоянии, — и нет оснований ожидать, что оно сможет в будущем, —принять участие соответствующими силами в организованной интервенции, будь то со стороны Владивостока или со стороны Мурман-

ска и Архангельска. Оно считает необходимым добавить, что оставляет за собой право применять те незначительные силы, которые оно сумеет выделить только для указанных в настоящем меморандуме целей, и будет считать себя вынужденным отозвать эти силы и отправить их на подкрепление своих армий на Западном фронте, если планы, выполнение которых правительство в настоящее время имеет в виду, разовьются в другие планы и мероприятия, не совместимые с политикой, которой правительство Соединенных штатов считает себя вынужденным придерживаться.

Вместе с тем правительство Соединенных штатов желает вполне искренно и доброжелательно заявить, что ни один из выводов, изложенных в настоящем меморандуме, не следует рассматривать как заключающий в себе хотя бы малейшую степень критики того, что считают необходимым предпринять другие правительства, объединившиеся в борьбе против Германии. Правительство никоим образом не желает стеснять их в выборе той или иной политической линии. Целью настоящего меморандума является вполне искреннее и определенное заявление о той политике, которую Соединенные штаты считают нужным принять как в отношении себя, так и при использовании своих вооруженных сил. Правительство Соединенных штатов не желало бы быть понятым в том смысле, что, ограничивая вышеуказанным образом свою деятельность, оно в какой бы то ни было мере пытается ограничить этим деятельность или определить политическую линию своих союзников.

Правительство надеется выполнить планы по охране тыла чехо-словаков, наступающих со стороны Владивостока, таким образом, что оно создаст и будет поддерживать тесное сотрудничество с такими же незначительными силами Японии и — если это окажется необходимым — других союзных государств и что оно обеспечит дружественное согласие всех союзных держав; оно предлагает всем державам, участвующим в настоящем действии, выступить с совместными заверениями русского народа в самой торжественной и наиболее гласной форме, что ни одно из правительств, принимающих участие в операциях в Сибири или на севере России, не имеет в виду интервенцию, направленную против политического суверенитета России, и не стремится к вмешательству во внутренние дела России или к нарушению ее территориальной цельности как теперь, так и в дальнейшем; следует заявить, что единственной целью всех объединившихся держав является оказание такой помощи, которая будет

соответствовать стремлениям русского народа вернуть себе вновь руководство своими делами, осуществить свою власть на своей территории и распоряжаться своею собственной судьбой.

Правительство Соединенных штатов желает при первой возможности послать в Сибирь комиссию из представителей торговых кругов, экспертов по сельскому хозяйству, советников по организации труда, представителей Красного креста и агентов Союза христианской молодежи, которые имеют опыт наилучшего обслуживания населения, предоставляя ему скромную культурную помощь, для того чтобы начать систематически удовлетворять экономические потребности народа в тех формах, в которых это представится возможным. Выполнение этого плана будет сопутствовать и не помешает оказанию военной помощи в тылу продвигающихся к западу сил чехо-словаков.

Государственный департамент
Вашингтон, 17 июля 1918 г.

Последующая фаза политики Соединенных штатов является выполнением этих указаний меморандума, которых американские войска придерживались в течение всего нашего девятнадцатимесячного пребывания в Сибири; это именно и связано с торжественным и объявленным ко всеобщему сведению заверением русского народа в том, что ни одно из правительств, принимающих участие в операциях в Сибири или на севере России, не стремится к интервенции, направленной против политического суверенитета России, и не имеет в виду вмешательства в ее внутренние дела... Все это совершенно ясно заставляло агентов Соединенных штатов придерживаться особой линии поведения, до тех пор пока оставались в силе эти торжественные заверения. Один из этих вопросов — об интервенции и о невмешательстве — или оба вместе практически возникали каждый раз, когда мне приходилось иметь дело с различными русскими группировками. Заверения нашего правительства всегда выдвигались при обсуждении спорных вопросов с другими государствами, и практически они принимались во внимание при обсуждении всех спорных вопросов в Сибири.

Для того чтобы дать правильное представление об истории сибирской экспедиции, необходимо вкратце рассмотреть происходившие тогда в России события, в результате которых было принято решение об интервенции союзников.

С падением династии Романовых в марте 1917 г. народные массы, долгое время притеснявшиеся своим правительством, проявляли весьма мало интереса к продолжению войны. Солдаты русской армии под разлагающим руководством царского офицерства испытали гораздо больше лишений и нужды, чем солдаты других армий, и больше, чем другие, потеряли убитыми и ранеными, и устали от ужасов войны, перенесенных ими. Хотя революционные настроения уже давно существовали в России, война чрезвычайно ускорила распад царского режима; окончательное его падение вызвало у союзников серьезнейшее беспокойство за влияние всех этих событий на исход войны.

Обычно применявшейся союзниками пропаганды о неизбежности торжества автократического режима и гибели демократического образа правления в случае победы центральных держав нельзя было придерживаться в России до революции, так как царское правительство являлось самым автократическим в мире.

После событий в марте 1917 г. эта пропаганда имела в течение короткого времени некоторый успех среди интеллигенции; что же касается масс, то их невозможно было заставить продолжать войну, пока они не считали ее революционным конфликтом, а этого в данном случае не было.

Революционное движение в России, начавшееся в первой четверти XIX в., вылилось в форму революций 1905 и 1917 гг., с широко распространившейся оппозицией против царского правительства, охватившей даже часть имущих классов.

Земельная аристократия держала крестьян в невежестве и бедности, а рабочий класс подвергался безжалостной эксплоатации. Естественно, что при этих условиях наибольшим влиянием среди масс пользовались различные социалистические партии, которые проявляли интерес к улучшению участи крестьян и рабочих, требуя безвозмездного перехода земли к крестьянам и лучших условий работы для рабочих. Защитники этих перемен в государственном строе были принуждены работать или за границей или тайно в России, но в постоянном внушении массам русского народа социалистических идей они несомненно достигли бо́льших успехов, чем об этом думали за границей. Правительство, образовавшееся после низвержения царя, известное как правительство Керенского[1], было либеральным, демократи-

---

[1] Грэв: объединяет под этим названием Временное правительство всех составов. *Прим. пер.*

ческим и вначале очень популярным. Однако благодаря отсрочке разрешения земельной проблемы, столь важной для русского крестьянства, и благодаря заявлениям о намерении правительства продолжать войну, оно становилось все менее и менее популярным, пока не было без труда сброшено социалистами крайнего левого крыла, т. е. большевиками.

Первоначальные опасения представителей союзников в России до некоторой степени были рассеяны заявлением, сделанным 18 марта министром иностранных дел в правительстве Керенского, которое гласило:

«Верная договору, неразрывно соединяющему ее с ее славными союзниками, Россия, подобно им, решила без перерыва и без колебаний сражаться до конца против общего врага» [1].

Это заявление нового русского правительства было успокоительным, но по мере того как укреплялись рабочие и солдатские организации, представители союзников стали готовиться к всевозможным неожиданностям.

22 марта 1917 г. Соединенные штаты признали правительство Керенского, и в Россию была отправлена миссия, возглавлявшаяся почтенным Эллиу Рутом и состоявшая из выдающихся американских деятелей, для обсуждения, как об этом было объявлено, «лучших и наиболее практических способов сотрудничества обоих народов для успешного завершения ведущейся ими борьбы во имя свободы всех народов».

Э. Рут в качестве главы американской миссии заверил представителей нового Временного правительства России, что оно может рассчитывать на прочную дружбу Соединенных штатов. Другие союзные правительства, следуя примеру Соединенных штатов, стремились выразить свое дружественное отношение к новому Временному правительству России, однако, как показали последующие события, соответственные представления этих государств были мало полезны, ибо они являлись слишком консервативными для революционных масс народа. Чем более радикальные течения проявлялись в России, тем большее беспокойство чувствовали союзники и Соединенные штаты. Наиболее существенной чертой положения в России была деморализация армии и развал всей экономической жизни страны, о чем вполне ясно, заявил русский премьер-министр, князь Львов, 9 апреля 1917 г.:

---

[1] Current History, том V, часть I, стр. 13.

«Граждане! Временное правительство, обсудив военное положение русского государства, во имя долга перед страной решило прямо и открыто сказать народу всю правду. Свергнутая ныне власть оставила дело обороны страны в тяжелом, расстроенном положении. Своим преступным бездействием и своими неумелыми мерами она внесла разруху в наши финансы, в дело продовольствия, в дело снабжения армии, Она подорвала наш хозяйственный строй» [1].

Более чем шесть месяцев спустя, 1 ноября 1917 г., когда появились слухи о том, что Россия выбывает из числа воюющих стран, в интервью, данном представителям «Associated Press», Керенский обрисовал картину того отчаянного положения, в котором находилась Россия. Приводим выдержки из этого интервью.

«Россия стойко сражалась, начиная с первых дней войны,— сказал он. — Она в самом начале военных действий спасла Францию и Англию от катастрофы. Она обессилела от перенапряжения и считает себя вправе требовать, чтобы союзники взяли на себя бремя войны».

Корреспонденты обратили внимание Керенского на противоречивые сведения о положении в России и попросили премьера откровенно сообщить им о положении дел.

«Лица, возвращающиеся в Америку из Англии и других стран, говорят, что повсюду существует мнение, правда официально не подтверждаемое, что Россия фактически вышла из войны».

«Вышла ли Россия из войны?»—Керенский повторил обращенный к нему вопрос и усмехнулся. «Этот вопрос, — ответил он,—нелеп. Россия принимает огромное участие в войне. Вспомните только недавнее прошлое. Россия начала войну ради союзников. В то время когда она уже сражалась, Англия только готовилась к войне, а Америка была простым наблюдателем. Россия с самого начала войны приняла на себя главные удары противника, спасая тем самым Великобританию и Францию. У тех, кто заявляет, что Россия вышла из войны, — очень короткая память. Мы держались с первых дней войны и имеем право требовать, чтобы союзники теперь взяли на себя наиболее тяжелую часть бремени войны».

Премьера спросили о том, в каком состоянии находится русский народ и русская армия. Он ответил: «Народ экономически истощен. Дезорганизация всей жизни оказала пси-

[1] Documents of Russian History, 1914–1917, Frank Golder, Standford University, Century Company, стр. 329—330.

хологическое влияние на народ. Народ сомневается в возможности осуществить свои надежды» [1].

Это интервью, имевшее место за шесть дней до Октябрьской (большевистской) революции, ясно указывало на положение дел в России. Хотя Керенский говорил по преимуществу о прошлом и избегал упоминать о будущем, смысл его слов был ясен, и невозможность для России продолжать войну была несомненной. Можно сказать, что это было делом немногих недель.

7 ноября 1917 г. Временное правительство было свергнуто большевиками, которые выступили с лозунгами: «вся власть Советам» и «немедленное прекращение войны».

9 ноября 1917 г. представители советского правительства предложили всем участвовавшим в войне народам приступить к переговорам о заключении справедливого и демократического мира [2]. В связи с радикальными идеями сторонников Советов это предложение являлось серьезной проблемой для обсуждения представителей союзных и объединившихся государств. Русский вопрос уже вышел за рамки вопроса о продолжении войны. Распространение таких радикальных идей, которых придерживалось советское правительство, угрожало интересам Англии и Японии на Дальнем Востоке, а Франция была крайне враждебно настроена и решительно возражала против мирного предложения.

Этот призыв заключить «справедливый и демократический мир» вызвал со стороны тех, кто противился заключению мира на осуществимых в то время условиях, утверждения, что предложение Советов не было искренним, хотя опубликованные Советами заявления об их намерениях и их запрос о той помощи, которую союзники могут оказать им в случае, если они откажутся подписать Брест-литовский договор, не давали оснований сомневаться в их искренности. Социалистические идеи, которых придерживалось советское правительство, были настолько неприемлемы для союзников, что нельзя было ожидать, чтобы они могли работать в контакте с Советами, даже в таком важном вопросе, как вопрос о продолжении войны.

23 ноября военные атташе союзников, состоявшие при русском штабе, отправили следующее сообщение русскому военному командованию:

---

[1] Russian-American Relation, March 1917.—March 1920, стр. 39—40.

[2] Таким миром по мнению правительства должен был быть немедленный мир без аннексий (т. е. без захватов чужих территорий и без насильственного присоединения части населения чужих территорий) и без контрибуций.

«Начальники военных миссий, состоящих при русском верховном командовании, действуя на основании вполне точных инструкций, полученных ими от их правительств, по принадлежности, через полномочных представителей в Петрограде, имеют честь заявить русскому верховному командованию самый энергичный протест против нарушения условий договора от 5 сентября 1914 г., заключенного союзными державами, согласно которым союзники, в том числе и Россия, торжественно договорились не заключать сепаратного мира и не прекращать военных действий» [1].

27 ноября 1917 г. военный атташе Соединенных штатов заявил русскому командованию аналогичный протест. 1 декабря 1917 г. Троцкий, бывший в то время народным комиссаром по иностранным делам, заявил, что русское правительство не может допустить, чтобы кто-либо из военных представителей других правительств обращался к военному руководству русских сил, отстраненному от командования.

8 января 1918 г. в своем обращении к Конгрессу президент Вильсон заявил:

«Верят или не верят в это их теперешние руководители, но самым искренним нашим желанием является найти какую-нибудь возможность помочь русскому народу осуществить его сокровенные надежды на свободу и мир». В этом заявлении нашли свое выражение хорошо известные взгляды Вильсона, который был противником монархического строя и всякого угнетения народа его правительством.

Представители Англии, Франции и Японии, поскольку дело шло о линии поведения их правительств по вопросу о «самоопределении» народов, придерживались иного мнения, чем президент Вильсон. Их взгляды по этому поводу нашли особенно яркое выражение, когда дело дошло до обсуждения вопроса о советском правительстве, и причиной этого была боязнь радикальных течений в европейских странах, а в особенности на Дальнем Востоке. В тот момент, когда пришлось конкретизировать планы и исправить вред, причиненный уходом русских войск с Восточного фронта, эти различные точки зрения правительств естественно вызвали коренное расхождение в вопросе о направлении политики, проводившейся четырьмя наиболее заинтересованными в дальневосточных делах государствами, а именно — Соединенными штатами, Англией, Францией, и Японией. Эти четыре державы должны были в деле получения сведений с

---

[1] Russian-American Relations, March 1917—March 1920.

положении в России полагаться на соответствующих своих представителей, а последние имели свое собственное мнение о позиции своих правительств. Генерал британской армии Альфред Нокс несомненно оказывал большое влияние на направление британской политики в России. Во время царского режима он служил в Петрограде в качестве военного атташе; он говорил по-русски и был лично знаком со многими чиновниками царского правительства. Естественно, что у него был монархический образ мыслей и он не мог, если бы даже и хотел, дать положительную оценку требованиям русских крестьян, которых он сравнивал со свиньями.

Офицеры русской царской армии и флота естественно были настроены против Советов и были готовы принять всякое предложение, которое обещало сохранить за ними их прежнее положение.

Эти люди убедили ген. Нокса, — и я думаю, он вполне искренно верил в это, — что если союзники вооружат, снарядят, будут оплачивать, одевать и кормить русскую армию, то Восточный фронт можно создать из русских добровольцев. Эта восточная армия должна была находиться под командой союзнических и русских офицеров, причем Нокс считал, что потребуется только незначительное количество союзнических офицеров. Французы относились благосклонно ко всякому предложению, которое обещало задержать германские войска на Восточном фронте и тем самым ослабить ожидавшийся нажим центральных держав на Западном фронте. Японцы естественно были крайне заинтересованы в Дальнем Востоке, но их рвение не простиралось дальше Байкала, а Соединенные штаты не считали реальным предложение о создании Восточного фронта из русских добровольцев. Возражения Соединенных штатов основывались на том, что коммуникационная линия фронта с его базами на Тихом или Северном Ледовитом океане будет слишком длинной; кроме того они опасались, что русские будут думать, — или немцы их убедят в этом, — что союзники никогда не покинут их страны. Если бы русские стали думать, что союзники или кто-либо из них намереваются аннексировать какую-нибудь часть территории России, то возникла бы большая опасность превращения симпатий русского народа к делу союзников в симпатии к центральным державам. Правительство Соединенных штатов выражало большое сочувствие по адресу русского народа, который так много выстрадал ради общего дела союзников, и казалось желало помочь ему; но оно не было склонно согласиться на какие-

либо решительные действия вроде предложения о создании Восточного фронта, ибо это предложение имело в виду скорее использовать русский народ, чем помочь ему. Таким образом, если бы создание Восточного фронта заставило Америку участвовать войсками и материалами в этой операции, потребовалось бы изменить уже принятые планы, поскольку это было осуществимо уже после нашего вступления в войну, и разделить наши силы, что казалось не соответствовало интересам общего дела союзников. Восточный фронт требовал огромного количества средств, и его нельзя было хорошо организовать без согласия и помощи Соединенных штатов.

Так как Япония, Франция и Англия были убеждены, что Соединенные штаты не примут участия в военной интервенции в России, то делались попытки выработать другие планы, которые, — так по крайней мере надеялись, — должны были привести к тому же конечному результату.

Знаменательно, что предложение Англии — прибегнуть к вооруженной силе — всегда соединялось с мыслью о сотрудничестве с союзниками Англии — японцами. В марте 1918 г. Великобритания предлагала Японии послать войска до Урала и дала согласие на то, чтобы Япония компенсировала себя за эту операцию за счет России. Однако союзники несколько опасались, что выступление одной Японии может принести больше дурного, чем хорошего, ибо в России не изгладилась еще окончательно из памяти русско-японская война.

Япония была согласна оккупировать Владивосток, Китайско-восточную железную дорогу и Амурскую железную дорогу, но при этом снова возникало опасение, что русские могут рассматривать эту операцию как попытку Японии захватить часть Сибири. Казалось, что всегда, когда предлагались какие-либо выступления в отношении России, возникали опасения или недоверие между союзниками, внешне находившимися в дружественных отношениях, и было очевидно, что эти опасения распространятся и на период после окончания войны.

Относительно занятия японцами Сибири полк. Локкарт 5 марта 1918 г. телеграфировал британскому министерству иностранных дел из Москвы следующее:

«...Если однако союзники позволят Японии занять Сибирь, то общее положение становится безнадежным. Все классы населения России предпочтут немцев японцам... Я убежден, вы совершенно не представляете себе тех чувств, которые вызовет японская интервенция. Даже кадетская пресса, ко-

торую нельзя обвинить в симпатиях к большевикам, громко кричит об этом как о преступлении против России и проповедует поддержку всякой партии, которая будет бороться с немцами и спасет революцию... Теперь, когда намерения Германии разоблачены перед всем миром, союзники собираются уничтожить всю выгоду этого, позволив Японии ввести свои войска в Россию...»

Американский посол в России Фрэнсис также высказал опасения по поводу японской интервенции в Сибири, телеграфируя 9 марта 1918 г. Государственному департаменту в Вашингтоне:

«2... Московский и петроградский советы дали своим делегатам на конференции 12 марта инструкции поддержать утверждение мирных условий. Я боюсь, что это является результатом угрожающего вторжения японцев в Сибирь... Троцкий заявил Робинсу, что по его сведениям союзники, в особенности Америка, относятся сочувственно к такому вторжению и что это обстоятельство не только заставит советское правительство склониться в пользу ратификации унизительных условий мира, но до такой степени разъединит политические группировки в России, что дальнейшее сопротивление Германии станет абсолютно невозможным...»

В одном из отчетов Конгресса (от 27 июня 1919 г., стр. 2336) была опубликована копия ноты советского правительства, переданной Троцким полк. Робинсу для американского правительства. В этой ноте, датированной 5 марта 1918 г., между прочим говорится:

«В случае: а) если Всероссийский съезд советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией или б) если германское правительство, нарушив мирный договор, возобновит наступление с целью продолжить свой разбойничий набег...

1) может ли советское правительство рассчитывать на поддержку Соединенных штатов Америки, Великобритании и Франции в своей борьбе против Германии;

2) какого характера помощь может быть оказана в ближайшем будущем и на каких условиях — военное снаряжение, транспортные средства, продовольствие;

3) какого характера помощь может быть оказана, в частности и в особенности, Соединенными штатами...»

Я не имею сведений, дали ли Соединенные штаты ответ, а если дали, то какой именно, на все эти вопросы. В то время ненависть и подозрительность были развиты настолько сильно, что мало можно было надеяться на то, что поверят

в полную искренность вопросов Троцкого, министра иностранных дел.

Еще за 6 месяцев до отправки американских войск в Сибирь — Англия, Франция и Япония оказывали всяческое давление, на какое они только были способны, на Соединенные штаты с целью добиться согласия последних на военную интервенцию в Сибири в той или иной форме. Это давление осуществлялось через Верховный военный совет, дипломатическим путем и всеми способами, которые были доступны для пропаганды этой мысли. Верховный военный совет хотел использовать войска в России для борьбы против большевиков. Правильность этого подтверждается следующей цитатой из одной статьи ген. Першинга, в которой автор говорит:

«Верховный военный совет был готов выслушать предложения об использовании союзнических войск в различных местах кроме Западного фронта. Одним из этих предложений, на котором повидимому в особенности настаивали англичане, было предложение послать войска на помощь так называемой белой армии в России, чтобы держать в своих руках сообщение с Архангельском через Мурманск». (Washington Evening Star), (7 марта 1931 г.).

Среди аргументов, приводившихся в защиту необходимости отправки войск в Сибирь, наибольшее значение имело утверждение, что Советы выпустили всех германских и австрийских военнопленных, находившихся в лагерях Сибири, и что эти военнопленные организуются в воинские части с целью захватить сначала военные склады во Владивостоке, а затем — Сибирскую железную дорогу. Этот маневр, в случае его удачи, не только дал бы немцам большие запасы боевого снабжения, а также резины, хлопка, железнодорожных материалов и много другого ценного имущества, но и открыл бы им доступ к хлебным запасам Сибири.

Соединенные штаты естественно хотели уточнить эти сообщения; Фрэнсис, действуя через полк. Робинса, своего представителя в Москве, также спрашивал Троцкого о достоверности этих докладов. Полк. Робинс передал Фрэнсису, что Троцкий предлагает Соединенным штатам послать ответственных представителей на Дальний Восток до Иркутска для соответствующего обследования. Троцкий предлагал дать этим представителям в качестве сопровождающего официальное лицо и обеспечить им полную возможность для производства такого обследования.

В результате этих переговоров Уэбстер, представитель американского Красного креста в Москве, и Хикс, капитан британской армии, отправились из Москвы на Дальний Восток для обследования лагерей военнопленных. Одновременно с этим Соединенные штаты послали майора Вальтера Дрисдела, американского военного атташе в Пекине, для обследования лагерей военнопленных в восточной части Сибири. 31 марта 1918 г. Уэбстер и Хикс, произведя порученное им обследование и переговорив с майором Дрисделом об условиях, существовавших в лагерях Восточной Сибири, сделали из Иркутска по телеграфу следующий доклад:

«Мы имели продолжительную беседу с представителями Иркутского совета, в том числе с Янсоном, Штернбергом и другими; все они были с нами очень любезны. Они сообщили нам факты, в достоверности которых мы не сомневаемся, и которые подтвердили имевшуюся у нас информацию. Во всей Сибири имеется не больше 1 200 вооруженных военнопленных, большинство — из Омского лагеря. Их используют для охраны других пленных и в особенности пленных германских офицеров, к которым Советы не питают доверия... Советы заявляют, что они не могут думать о предоставлении оружия военнопленным, которые обратят его против них же, раз их интересы так противоположны интересам Советов. Далее Советы нас официально заверили, что по всей Сибири будет вооружено не больше 1 500 военнопленных... Они заявили также, что не будут возражать против того, чтобы старший из консульских представителей союзников в Сибири имел право свободно и во всякое время производить обследования» [1].

1 апреля 1918 г. Уэбстер и Хикс телеграфировали британскому посольству в Москве о положении в лагерях военнопленных следующее:

«Мы только что посетили большой лагерь военнопленных под Иркутском, где нам была предоставлена возможность все осмотреть и побеседовать с военнопленными... Мы видели старших военнопленных офицеров и многих солдат, играющих руководящую роль, и со всеми ними мы имели продолжительные беседы. Во время этих бесед мы всегда ставили следующие вопросы. Первый вопрос: Оказывают ли на вас какое-либо давление, чтобы заставить вступить в ряды Красной гвардии или присоединиться к социалистам? Ответ: Никакого давления на нас не оказывают. Второй вопрос:

---

[1] Russian-American Relations, March 1917 – March 1920.

Как вы относитесь к тем вашим командирам, которые выражают симпатии по адресу большевиков? Ответ: Крайне неодобрительно. Третий вопрос: Вооружен ли кто-нибудь из военнопленных из вашего лагеря? Ответ: Около семи человек, которые помогают охранять лагерный склад продовольствия»[1].

Майор Дрисдел после произведенного им обследования донес, что Советы не освободили военнопленных из лагерей, в которых они находились, и что слухи о том, что немцы якобы организовали фронт в Сибири, были лишь формой пропаганды, направленной к тому, чтобы повлиять на Соединенные штаты в вопросе о военных мероприятиях.

Довольно трудно понять, почему Соединенные штаты послали своих представителей с целью собрать специальную информацию о положении военнопленных, а затем решили послать войска в Сибирь, чтобы расстроить планы, предпринятые организациями германских и австрийских военнопленных в Сибири, — организациями, которые, согласно донесениям представителей Соединенных штатов, не существовали. Дальнейшие события показали, что сведения, полученные Соединенными штатами от посланных ими обследователей, были абсолютно правильными. Сибирь представляла собою огромную арену для всякой пропаганды, и даже консульские представители различных правительств находились в большом затруднении при решении вопроса о том, до какой степени следует доверять получаемым ими сведениям. На этой обширной территории, на которой средства для получения информации были развиты крайне слабо, получение точных сведений было весьма трудным делом.

С того момента, как большевики заговорили о мире с центральными державами, Франция стала непримиримым врагом Советов. Представители Франции после подписания соглашения с представителями русского правительства о продолжении войны до победного конца считали, что Россия, сделав мирное предложение без обсуждения этого вопроса со своими союзниками, совершила низкий акт предательства интересов Франции; Клемансо шел даже дальше и определял этот поступок России как измену союзу с Францией.

Отношения Англии с царской Россией в прошлом были не очень хорошими, и все же сотрудничество Англии со старыми царскими чиновниками было более возможным,

---

[1] Russian-American Relations, March 1917—March 1920.

чем сотрудничество ее с Советами, хотя представителям союзников было ясно, что всякое правительство в России, установленное в это время народом, неизбежно будет социалистическим.

Д-р Леонид Страховский, в своей статье в номере «Current History» в марте 1931 г., говоря об интервенции в России, пишет следующее:

«При этих обстоятельствах (заключение Россией мира) правительства союзных держав были готовы предпринять военную интервенцию в России. Это является объяснением и оправданием политики союзников; однако были и другие причины интервенции, причины, которые действовали в течение всего XIX в., а именно — страх Великобритании перед растущим могуществом России, которое проявлялось в проникновении России в центральную Азию и в экспансии России на восток. В то время как Великобритания преследовала главным образом политические цели, Франция напротив стремилась получить экономические выгоды, хотя конечно и Великобритания едва ли была склонна пренебречь возможностью получения тех или иных экономических выгод.

Франция и Великобритания пришли к соглашению и договорились о расчленении России; это было зафиксировано в англо-французском соглашении от 23 декабря 1917 г., которое определяло зоны действий французов и англичан».

Страховский в подтверждение своих утверждений ссылается на выдержки из работ ген. Деникина и Уинстона Черчилля. Поскольку Страховский в настоящее время является профессором университета в Джорджтауне и сражался в 1919—1920 гг. вместе с французами и Врангелем против большевиков, вряд ли можно заподозрить его в том, что он написал свою статью в интересах советского правительства.

Англия не могла не придавать значения своим интересам в Индии, и с ее точки зрения было желательным препятствовать проникновению в Индию социалистических идей, которые проповедывало советское правительство.

Как только выяснилось, что нельзя рассчитывать на то, что Россия будет давать для союзников на Восточном фронте людской материал и снаряжение, Англия стала пользоваться всякой возможностью, чтобы парализовать попытки Германии перебросить войска с Восточного фронта на Западный и кроме того помешать Германии воспользоваться имевшимися в Сибири запасами. В защиту предложения о военной интервенции в Сибири Англия выдвигала именно оба эти соображения.

В Соединенных штатах пропаганда о вредоносном влиянии большевизма в то время не нашла себе еще достаточно твегдой почвы, чтобы поддержать стремления Англии к военной интервенции в России; однако эта пропаганда оказала известное давление в вопросе о необходимости защиты военных складов в Архангельске и Владивостоке и об оказании помощи чехам.

Япония была согласна помочь чехам защищать чью бы то ни было собственность и охранять железную дорогу к востоку от Байкала; однако она не соглашалась посылать свои войска к западу от Байкала, в особенности, если на нее лягут расходы, связанные с этой операцией.

Действия представителей Англии, Франции и Японии во время последующих операций в Сибири с убедительностью показали, что страх перед радикальными течениями, известными под именем большевизма, играл немалую роль в усилиях союзников достигнуть соглашения по вопросу о военной интервенции в Сибири.

Согласно официальным отчетам около 15 марта 1918 г. президент Вильсон послал телеграмму Всероссийскому съезду советов, в которой в частности говорилось следующее:

«Население Соединенных штатов всей душой на стороне русского народа в его попытках навсегда освободиться от монархического правительства и стать хозяином своей судьбы»[1]. Эта фраза показывает, что президент Вильсон лелеял мечту о том, что Советы откажутся от социалистических идей, соединятся с союзниками и Соединенными штатами и все вместе будут работать для создания либерального и демократического правительства в России. Совершенно очевидно однако, что в то время ничто не могло заставить советское правительство последовать каким-либо указаниям об изменении тех планов, которые Советы имели по вопросу о форме правления в России.

Это заявление, сделанное Вильсоном более чем четыре месяца спустя после свержения Советами правительства Керенского, находилось в соответствии с хорошо известными взглядами президента Вильсона на представительную форму правления. Последовавшие за этим события показали, что точка зрения президента не разделялась представителями Соединенных штатов в Сибири. Действительно, в то же самое время когда президент Вильсон высказывал приведен-

---

1 New York Times Current History, том VII, часть I, стр. 49.

ное выше мнение и упорно противодействовал усилиям союзников заставить Соединенные штаты согласиться на военную интервенцию в Сибири, Фрэнсис, американский посол в России, заявил, что донесения Мак-Говэна, американского консула в Иркутске, указывают на подготовку Германией захвата Сибирской железной дороги.

22 марта 1918 г. Фрэнсис сообщил: «Согласно сообщениям, полученным мною от Мак-Говэна и из других надежных источников, Штернберг, германофильски настроенный швед, уличен в помощи военнопленным, их организации и вооружении. Мак-Говэн недавно телеграфировал, что из-под русских военных шинелей бывает видна форменная одежда германских офицеров».

25 марта 1918 г. Фрэнсис телеграфировал полк. Робинсу, представителю Красного креста, в Москву:

«...Телеграмма, зашифрованная моим личным шифром, показывает, что в министерстве имеются сведения о том, что руководители Советов действуют по указаниям германского генерального штаба...»

В ответ на эту телеграмму Робинс заявил:

«Предположение, что советское правительство действует по указанию немцев, считаю абсурдным и невозможным. Если Вашингтон верит в такую возможность, зачем мы тогда теряем тут время».

6 апреля 1918 г. Робинс телеграфировал Фрэнсису, причем в этой телеграмме говорилось в частности следующее:

«Советское правительство считает, что Америка может предупредить враждебную интервенцию и что если Япония все же выступит, то это будет означать, что Америка дала свое согласие на такое выступление».

15 марта 1918 г. Мак-Говэн из Иркутска телеграфировал шифром Фрэнсису:

«Установлено, что 12-го поезд с военнопленными и 12 пулеметами проследовал в восточном направлении. Две тысячи осталось здесь. Имеются сведения о том, что прибывают трехдюймовые и шестидюймовые орудия, причем 2 шестидюймовых орудия уже угрожают железнодорожному мосту и станции. Осведомитель, на которого до сих пор можно было полагаться, сообщает, что прибыли германские генералы, другие офицерские чины (пропуск) и свыше тридцати военнопленных и что генеральный штаб ожидает из Петрограда указаний о разрушении мостов, туннелей и об осуществлении плана обороны. Германские, турецкие и австрийские офицеры заполняют станции и улицы, причем признаки

их воинского звания видны из-под русских военных шинелей. Каждый военнопленный, независимо от того, находится он на свободе или в лагере, имеет винтовку»[1].

Позднейшие события показали, что обстоятельства, о которых Мак-Говэн сообщал правительству, оказались плодом чьей-то фантазии. Однако цель этих донесений совершенно ясна. Представители Англии, Франции и Японии нашли в лице Мак-Говэна человека, который всегда охотно готов был выслушивать сообщения, касающиеся той опасности, которой следовало ожидать от находившихся в сибирских лагерях германских и австрийских военнопленных.

Весною 1918 г., в то время как союзнические правительства и Соединенные штаты рассматривали вопрос о военной интервенции в России, Англия и Франция поддержкой некоторых группировок на юге России показали, что они не прочь принять участие во внутренних делах русского народа.

В то же время Англия и Япония поддерживали бандитские казачьи шайки под предводительством Семенова, который заявлял, что он борется с большевиками.

Для меня — и я думаю для каждого американского читателя — всегда было трудно понять, почему Соединенные штаты уступили желанию Англии, Франции и Японии послать американские войска в Сибирь. Здесь следует иметь в виду, что президента Вильсона буквально заваливали со всех сторон информацией, имевшей целью дать нужные факты. Все донесения, исходившие от представителей Англии, Франции и Японии и от некоторых представителей Соединенных штатов, в особенности от консула Мак-Говэна, указывали, что для защиты интересов союзников необходимо предпринять в Сибири какие-то меры. Весьма вероятно, что в политических и финансовых вопросах президент Вильсон продолжал бы стойко бороться с настояниями союзников; однако в вопросах военного характера, каковым являлся вопрос о посылке войск в Сибирь, ему было крайне трудно отстоять свою точку зрения перед мнением всех союзников.

В напряженной атмосфере, которая всегда вызывается войной, во всех генеральных штабах получаются преувеличенные и ложные донесения, оценить которые очень трудно. Однако Мак-Говэн, посылая свои донесения из Иркутска о том, что делалось именно в этом городе, должен был удостовериться в правильности сведений о военнопленных и о

[1] Russian-American Relations.

БИБЛИОТЕКА
А. Ф. Палашенкова.

тех офицерах германского генерального штаба, которые, судя по его донесениям, почти не заботились о том, чтобы скрыть свое действительное воинское звание. Поскольку, в противоположность донесениям Мак-Говэна, этих военнопленных и германских офицеров в действительности в Иркутске не было, я должен придти к выводу, что Мак-Говэн желал получить такую информацию, которая могла бы оправдать его донесения в Государственный департамент. Все его коллеги — консульские представители других государств—были заинтересованы в том, чтобы заставить его поверить в опасность, создаваемую этими военнопленными; таким образом все сведения, которые давались Мак-Говэну, были конечно рассчитаны на то, чтобы создать впечатление, желательное для представителей союзников.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОМОЩЬ ЧЕХАМ

3 августа военное министерство дало телеграфный приказ генералу, командовавшему войсками на Филиппинах, послать с первым транспортом Соединенных штатов для службы в Сибири следующие войсковые части: 27-й и 31-й пехотные полки, один полевой госпиталь, одну санитарную роту и роту «Д» 53-го телеграфного батальона, причем войска, поскольку это возможно, должны быть снабжены зимним обмундированием. Необходимое снабжение и продовольствие должно было быть обеспечено складами в Манилле, до тех пор пока не будет организовано снабжение непосредственно из Сан-Франциско во Владивосток.

Об этих распоряжениях мне тогда же было сообщено, и я получил приказание отправить во Владивосток 5 тыс. человек из состава 8-й дивизии, расположенной в лагере Фремон.

Для выбора людей мне были даны следующие инструкции:

«Следует выбрать людей сильных, смелых, пригодных для напряженной работы, уроженцев всех областей Соединенных штатов; желательно, чтобы среди них не было слишком много людей, происходящих из штатов, расположенных по побережью Тихого океана».

Солдаты 8-й дивизии должны были пополнить оба филиппинских полка до численности военного времени. Мне было разрешено или договориться с командующим войсками

на Филиппинах об офицерах для моего штаба или же — если я того хотел — взять офицеров из моего штаба в лагере Фремон.

Вопрос об обмундировании и продовольствии для войск причинил мне много забот. Мне ничего не было известно о той работе, которая предстояла войскам; я ничего не знал о том, будут ли мне даны какие-либо помещения для размещения войск по их прибытии в Сибирь, и в дополнение ко всему этому я представлял себе Сибирь как холодную, бесплодную и безлюдную страну.

Пока я возвращался из города Канзаса, командир бригады, ген. Лейч, командовавший лагерем в Фремоне, получил распоряжения об отправке войск и энергично стал готовиться к их перевозке. Для отправки войск мне оставалось только проверить, все ли в исправности, и сделать кое-какие приготовления личного характера. 11 августа 1918 г. я сообщил военному министерству, что для перевозки войск все готово.

Посоветовавшись с ген. Деволем, исполнявшим обязанности генерал-квартирмейстера в Сан-Франциско, я по телеграфу испросил у Военного департамента разрешение рассчитывать на Деволя в отношении снабжения. Военный департамент удовлетворил мою просьбу, и заботы о моих войсках были таким образом сняты с Управления оберквартирмейстера в Вашингтоне; последнее естественно было занято главным образом снабжением американских войск во Франции. Позднее я был весьма признателен за установление такого порядка, так как он обеспечивал мне непосредственные сношения, а это способствовало быстрому снабжению войск.

По этому поводу мне хочется выразить от имени всего отряда и от моего имени благодарность г-же Штерн из Калифорнии за все те предметы, которые она присылала отряду, как например фрукты, сласти и пр. Благодаря ее любезности на Рождество каждый из чинов отряда получил по два апельсина, что в условиях жизни в Сибири являлось угощением, которое, я уверен, мы всегда будем вспоминать с благодарностью.

13 августа военное министерство разрешило мне и моему штабу отплыть из Сан-Франциско на транспорте «Томас», который взял 40 офицеров и 1 889 солдат. 14 августа в 12 ч. 30 м. и 12 ч. 35 м. дня мы покинули лагерь Фремон в Калифорнии на двух специальных поездах и в 2 ч. 30 м. дня погрузились на пароход; однако морские власти не разрешили нам отплыть раньше наступления темноты, в результате чего мы покинули порт только в 8 ч. 30 м. вечера. При

нашем отплытии очевидно опасались, что мир может узнать об этом передвижении американских войск, и прожекторы на «Томасе» были прикрыты, до тех пор пока мы не миновали «Золотые ворота». Очевидно для защиты нас от германских подводных лодок или из каких-либо иных, мне неизвестных, соображений безопасности нас сопровождали старый американский броненосец «Орегон» и канонерка «Виксбург». Конечно транспорт «Томас» был не из числа тех судов, на которых можно было ставить рекорд быстроты, но он все же был быстроходнее «Орегона» и «Виксбурга». Я не был уведомлен о том, как долго нас будут сопровождать эти суда, но в полдень 15 августа мне надоело наконец постоянно задерживать ход и дожидаться, пока не подойдет наш эскорт; я приказал передать им сигнал, что мы желаем им счастливого пути, и полным ходом пошел прямо на Владивосток.

Поскольку одной из основных причин отправки наших войск в Сибирь было желание «помочь чехо-словакам консолидировать свои силы и вступить в успешное сотрудничество с родственными им славянами», интересно проанализировать положение, в котором находились чехо-словаки к 17 июля 1918 г., т. е. к тому моменту, когда писались предназначенные для меня директивы. Следует вспомнить, что лица, заинтересованные в военной интервенции в Сибири, в качестве основного довода выдвигали соображения о необходимости оказать срочную помощь чехам, которые, как говорили, пытались пробиться через Сибирь во Владивосток и затем отправиться на Западный фронт для соединения с союзниками.

26 апреля 1918 г. Джон Стивенс, возглавлявший русскую железнодорожную комиссию, получил от Государственного департамента телеграмму следующего содержания:

«Посол (г. Фрэнсис) в Вологде советует немедленно послать туда Эмерсона с двумя-пятью инженерами для совещания по поводу перевозок... Департамент одобряет».

Эмерсон, о котором упоминается в телеграмме, был полк. Георг Эмерсон, первый помощник Стивенса в русской железнодорожной организации, о которой будет говориться в одной из следующих глав. 4 мая 1918 г. полк. Эмерсон и его группа отправились из Харбина во Владивосток с целью организовать поездку. 6 мая он заявил о полученных им приказаниях американскому консулу во Владивостоке и адмиралу Остину Найту, командующему тихоокеанским флотом у берегов Азии. Оба они — и Колдуэлл и адмирал

Найт — заявили, что им ничего не было известно о приготовлении поезда для полк. Эмерсона, и дали понять, что поскольку они не имели никаких дел с Советами во Владивостоке, в руках которых тогда находилось управление, полк. Эмерсону следует непосредственно договориться с местными властями о перевозке как его самого, так и его группы. Здесь я впервые встретился с фактом упоминания официальными представителями Соединенных штатов о том, что они имели инструкции не вступать в сношения с Советами; я полагаю, что американский консул во Владивостоке действовал конечно по инструкциям своего правительства.

9 мая полк. Эмерсон встретился с представителями Советов, сообщил им об имевшихся у него инструкциях отправиться в Вологду и попросил их снабдить его необходимыми средствами снабжения. Железнодорожные чиновники заявили, что немедленно будут приняты необходимые меры, для того чтобы комиссия Эмерсона могла отправиться дальше. Советские представители заметили полк. Эмерсону, что они оказались не в состоянии сразу наладить железнодорожный транспорт и что они надеялись в этом деле на помощь Америки; Советы нуждались в людях, которые могли бы должным образом организовать работу транспорта и руководить ею.

Полк. Эмерсон говорит, что в это время он нашел во Владивостоке «большое количество чешских войск 5-го и 8-го полков и имел сведения о том, что около 8 тыс. чешских солдат было расположено в бараках».

Представители Китайско-восточной железной дороги во Владивостоке не оказали содействия в деле добывания транспортных средств для группы Эмерсона и настаивали на том, чтобы ничего из принадлежащего этой дороге железнодорожного имущества не было взято. Полк. Эмерсон обратил внимание советских представителей на это обстоятельство; тем пришлось преодолеть известные затруднения и потратить определенное количество времени, для того чтобы достать нужный Эмерсону подвижной состав. В конце-концов Эмерсону был предоставлен находившийся в распоряжении советских представителей вагон № 1 Амурской железной дороги и закреплен за ним спальный вагон Международного общества № 2036. Далее полк. Эмерсон рассказывает, что советские представители испытали затруднения в получении вагона с подходящим оборудованием для приготовления пищи; наконец они сказали ему, что если он возьмет вагон № 2015 Восточно-китайской железной до-

роги до Никольска или Хабаровска, то они, советские представители, дадут вперед по пути нужные распоряжения и найдут для него вагон-ресторан, после чего вагон № 2015 можно будет вернуть. В результате представители Советов составили специальный поезд, и полк. Эмерсон и его группа отправились из Владивостока 19 мая 1918 г. 20 мая в 9 час. утра специальный поезд прибыл в Хабаровск, где представители Китайско-восточной железной дороги сообщили полк. Эмерсону, что у них нет для него вагон-ресторана и что вагон № 2015 должен остаться в Хабаровске. В то же утро, в 10 ч. 30 м. утра, посыльный от советского комиссара принес полк. Эмерсону письмо, в котором его просили прибыть в Управление; за ним был прислан автомобиль.

Когда полк. Эмерсон прибыл в Управление комиссара, он обнаружил, что тот хорошо говорил по-английски, лишь с небольшим акцентом; он выразил свое удивление по поводу того, что здесь в Сибири, в Советской России, он встретил представителя власти, так хорошо знакомого с английским языком. Комиссар на это ответил: «Чего-нибудь да стоило превратиться за 2 месяца из ничтожного адвоката в Чикаго в советского комиссара в Восточной Сибири». Полк. Эмерсон довел до сведения комиссара об имеющихся у него приказаниях и получил заверения, что дело будет улажено. Позднее действительно все было улажено, и на рассвете на следующий день поезд вместе с вагоном № 2015 продолжал свой путь. Полк. Эмерсон попросил, чтобы поезд двигался только днем, дабы иметь возможность осматривать линию; эта просьба была советскими властями удовлетворена.

26 мая, около 1 часа дня, поезд этот прибыл в Иркутск, где полк. Эмерсон нашел американского генерального консула Гарриса, находившегося здесь уже две недели. Здесь находился также американский консул Мак-Говэн, сообщивший, как об этом говорилось выше, Фрэнсису в Вологду о фактах, подтверждающих активность германских организаций и снаряжение военнопленных.

Полк. Эмерсон рассказывает далее, что представители советской власти встретили поезд, чтобы узнать, что нужно полковнику. Им было сообщено, что полк. Эмерсон желает как можно скорее отправиться дальше, вследствие чего немедленно были отданы соответствующие распоряжения, и полк. Эмерсон покинул Иркутск в 2 часа дня. 27 мая вечером он прибыл в Красноярск, где начальник станции сообщил ему о том, что «впереди на пути были беспорядки, и он не может позволить Эмерсону двигаться дальше». Эмерсон

разыскал американского вице-консула, который познакомил его с председателем местного Совета; этот последний сообщил, что чехи сражаются под Мариинском, в 300 верстах к западу от Красноярска, и что он послал уже отряд в 1 000 красноармейцев, чтобы водворить порядок, так как он хотел пропустить чехов на Владивосток без дальнейших осложнений. Полк. Эмерсон предложил свою помощь и помощь майора Слоутера в качестве посредников; предложение это было принято, и председатель Совета согласился послать командующему чешскими войсками в Мариинске подписанную майором Слоутером телеграмму, в которой к чехам обращались с просьбой воздержаться от каких бы то ни было действий, пока они не переговорят с полк. Эмерсоном. Поезд полк. Эмерсона отправился далее к западу, на Мариинск, и, не доезжая 12 миль до этого места, достиг месторасположения главного штаба русских войск. Командующий русскими войсками заявил, что виновными в беспорядках являются чехи и что русские будут добиваться разоружения чехов, прежде чем этим последним будет разрешено двигаться дальше на восток. Кроме того русское командование выдвинуло еще следующие предварительные условия, которые должны были быть приняты, прежде чем чехам будет разрешено движение на Владивосток:

1. Русские разрешают лишь быстрое следование разоруженных чехов на Владивосток.

2. Чехи дают обещание ни прямо ни косвенно не вмешиваться во внутренние дела России и в правительственные распоряжения.

3. Русские и чехи назначат комиссию для расследования беспорядков в Мариинске, с тем чтобы виновные были наказаны.

4. Русские соглашаются возвратить чехам во Владивостоке все иностранное снаряжение, которое было у них отнято.

Советские власти согласились дать чешским поездам охрану из русских солдат, с тем чтобы обеспечить безопасное следование чехов на Владивосток.

Полк. Эмерсон вместе со своей группой отправился из главной квартиры русских в Мариинск для переговоров с чехами; приводимые ниже строки являются выдержками из стенографического отчета этого совещания:

«Совещание состоялось между полк. Эмерсоном с одной стороны и капитаном Кедлетом с другой в Мариинске (Сибирь) 29 мая 1918 г. по вопросу о чешских солдатах, завла-

девших гор. Мариинском; полк. Эмерсон предложил свои услуги в качестве посредника для урегулирования споров, о которых говорилось выше. Капитан Кедлет поблагодарил Эмерсона, но в короткой речи заявил, что чехи не будут разоружаться. Полк. Эмерсон спросил, не испытал ли чешский отряд какого-либо дурного обращения или беспокойства на пути из южной России до Мариинска. Капитан Кедлет ответил, что они не испытывали дурного обращения, с тех пор как покинули южную Россию, находящуюся под непосредственным влиянием Германии, но что они опасаются в результате германских влияний быть захваченными в плен. Эмерсон заявил, что во Владивостоке находится около 12 тыс. чехов; около 3 тыс. чехов находится на пути между Мариинском и Владивостоком и все они говорят, что не подвергались в России дурному обращению; капитан Кедлет признал, что он и другие начальники чешских эшелонов получили из Пензы инструкции остановиться там, где их застанут эти инструкции, и захватить эти города, что эти действия являлись согласованным выступлением и что руководство этой операцией находилось в Ново-Николаевске. Начальники эшелонов должны были остаться со своими войсками в захваченных ими городах до получения дальнейших инструкций. Капитан Кедлет высказал мысль, что полк. Эмерсону следует отправиться в Ново-Николаевск и переговорить с возглавлявшим чешские эшелоны ген. Гайда.

Кедлет подтвердил, что эта операция являлась согласованной операцией и что по имеющимся инструкциям в назначенное время все начальники эшелонов должны были захватить в свои руки города, в которых они находились. Капитан Кедлет согласился пропустить поезд полк. Эмерсона в направлении на Ново-Николаевск для совещания с ген. Гайда, но добавил, что если в течение 3 дней он не получит из Ново-Николаевска новых указаний, он начнет враждебные действия».

Полк. Эмерсон не поехал к Гайда, а вернулся в советскую главную квартиру и сообщил о результатах своих переговоров с чехами. Лицо, стоявшее во главе советского штаба, было сильно взволновано полученным сообщением и сказало:

«Франция в 24 часа захватила Сибирь с помощью согласованных действий чешских войск».

Чувствуя, что никто кроме французов не сумеет договориться с чехами, полк. Эмерсон решил попытаться связаться с французским консулом или военным атташе в Иркутске.

Он обратился к генеральному консулу Гаррису и попросил его использовать свое влияние в этом направлении и таким путем спасти железную дорогу от разрухи. 30 мая 1918 г. полк. Эмерсон вместе с майором Слоутером послали генеральному консулу Гаррису телеграмму, в которой между прочим говорилось:

«На совещании командир чехов в Мариинске заявил категорически, что чехи не сдадут оружия и боевых припасов, признал, что операция является согласованным выступлением чешских войск в Сибири и Европейской России и что имеются инструкции захватить города, по соседству с которыми расположены чешские войска».

31 мая генеральный консул Гаррис телеграфировал из Иркутска:

«У меня имеется следующее предложение, одобренное французским генеральным консулом. Я предлагаю, чтобы Красноярский совет и Советы других городов к западу разрешили чешским эшелонам следовать дальше к востоку до Иркутска, где французский генеральный консул и я с белым флагом встретим чешских делегатов. И наконец по соглашению между чехами и советскими властями три поезда с чехами будут обезоружены и отправлены к востоку, на Владивосток, имея только по 30 винтовок для охраны каждого поезда».

Это были как раз те чехи, которых ген. Гайда обещал наказать, как только он соединится с ними, за то, что они оставили Иркутск.

31 мая генеральный консул Гаррис телеграфировал полк. Эмерсону, что у вокзала в Иркутске произошло столкновение между чешскими и советскими войсками и что два других поезда, в которых находилось около тысячи чехов, прибыли на первую станцию к западу от Иркутска, где также произошло столкновение. После этих стычек генеральному консулу Гаррису и французскому консулу удалось разоружить чехов и отправить их дальше на восток с тридцатью винтовками на каждый поезд, причем каждый эшелон шел в сопровождении представителя советской власти. Генеральный консул Гаррис сказал, что русские обязались беспрепятственно отправлять всех чехов к востоку и что русские власти в Иркутске спрашивают, почему чехов не отправляют дальше из Владивостока. Наш ответ: «Нет транспортных средств».

Если союзники действительно хотели перебросить чехов во Францию, на Западный фронт, то представляется стран-

ным, что не принималось никаких мер к их отправке из Владивостока. Для меня совершенно ясно, что до 28 мая 1918 г. не существовало планов переброски чехов на Западный фронт. Я не могу точно сказать, когда такое решение было принято, но прошло по крайней мере 66 дней до того момента, как я получил мои инструкции, в которых было сказано, что «для оказания помощи чехо-словакам существует настоятельная необходимость и имеются достаточные основания».

Все иностранные представители были извещены о намерениях чехов только спустя месяц.

В это время естественно как на советской стороне, так и на стороне чехов состояние было напряженным. Чехи двигались по неизвестной им стране, атмосфера в которой была насыщена слухами о заговорах и различных планах. Советы же не только испытывали тревогу в отношении намерений чехов в Сибири, но они несомненно сознавали, что проход через их территорию вооруженных иностранных войск принижает их достоинство и является нарушением их суверенных прав. Полк. Эмерсон не только стремился добраться до Вологды, но заботился также и о том, чтобы Сибирская железная дорога не была выведена из строя; чтобы помочь этому делу, он сказал ген. Гайда, что если чехи действительно хотят добраться до Владивостока, то силой оружия они ничего не выиграют. Ген. Гайда заявил, что как только образуется новое правительство, оно ликвидирует Советы, и тогда не будет надобности разрушать мосты и туннели.

Капитан Кедлет, участвовавший в совещании с полк. Эмерсоном и Гайда, говоря о новом правительстве, заявил: «Как только будет образовано новое правительство, мы получим возможность дальнейшего продвижения вперед». Полк. Эмерсон ответил: «Это можно устроить независимо от какого бы то ни было нового правительства. Вы должны признать, что в настоящее время власть находится в руках Советов. Советы конечно в состоянии воспрепятствовать вашему продвижению на Владивосток». Гайда возразил: «Через десять дней здесь, в Иркутске, может быть уже другая власть». Гайда заявил также, что те пункты, которые чехи уже взяли, были во власти нового правительства, и им было выгодно оставить винтовки в помощь этому новому правительству.

Это было вполне ясным указанием на то, что чехи участвовали в свержении Советов в городах и в замене Советов «новым правительством», о котором часто упоминалось во время совещания.

1-го или 2 июня французский генеральный консул послал ген. Гайда из Читы следующую телеграмму: «Эшелоны седьмого полка. Советское правительство принимает все меры к тому, чтобы ускорить движение. Не позволяйте вовлечь себя во внутреннюю политическую борьбу».

Этот французский консул очевидно не был информирован о планах французов.

4 июня тот же консул вновь телеграфировал американскому консулу Томасу, который находился в одном поезде с полк. Эмерсоном: «Понимает ли ген. Гайда, командующий чешскими войсками, что он должен думать только о продвижении своих эшелонов к востоку; посоветуйте ему поэтому не предпринимать никаких мер, не обеспечив себя предварительно инструкциями французского и американского консулов, скажите ему, что он не должен забывать важных и ясных директив профессора Массарика».

3 июня, около 8 час. вечера, представители обеих сторон встретились на железнодорожных путях, и в вагоне полк. Эмерсона состоялось совещание. В 3 часа утра 4 июня в отношении Мариинска было подписано соглашение о перемирии, которое должно было продолжаться 6 дней. 4 июня полк. Эмерсон и майор Слоутер послали в Иркутск генеральному консулу Гаррису телеграмму, в которой в частности говорилось:

«Отправляемся на запад вместе с представителями Советов и чехов для обеспечения окончательного соглашения. Советы согласны разрешить проезд чехам в полном вооружении. Белые владеют Ново-Николаевском, Томском и Мариинском; воспользовавшись благоприятной обстановкой, они вооружились и захватили указанные города. Чехи отказываются до своего отъезда дать Советам восстановить их власть в этих местностях».

Поезд полк. Эмерсона прибыл в Ново-Николаевск вечером 5 июня. Эмерсон имел совещание с возглавляющим командование чешскими войсками ген. Гайда, двумя его помощниками и американским консулом Реем. До начала совещания произошли некоторые пререкания по вопросу о полномочиях Эмерсона заниматься всем этим делом, но последний терпеливо объяснил, почему случилось так, что он оказался втянутым в столкновение между чехами и советскими войсками. Во время совещания американский консул спросил Эмерсона, когда в Иркутске произошло столкновение между чехами и советскими войсками. Эмерсон ответил, что это столкновение явилось частью согласованной

операции чехов по захвату городов, в которых были расположены чешские эшелоны. Присутствовавший чешский представитель ответил: «Неделю тому назад, в воскресенье, 28 мая».

Представитель нового белого правительства зашел к полк. Эмерсону и сказал: «Я заходил недели две тому назад к послу Фрэнсису, в Вологде, и заявил, что новое правительство было связано с центральным сибирским правительством, организованным в Харбине во главе с Остроуховым; это правительство, как мне было сообщено, было признано союзниками».

Немедленно после отъезда из Ново-Николаевска полк. Эмерсон получил телеграмму от генерального консула Гарриса, который сообщил, что он хотел бы присутствовать на заключительной мирной конференции, которая, как он предполагал, состоится в Омске. Чехи предлагали устроить конференцию не в Омске, а в Каргате. Полк. Эмерсон остановился в Каргате, где 8 июня он встретился с генеральным консулом Гаррисом. Гаррис имел совещание с представителями чехов в полдень 8 июня. В самом начале совещания капитан Кричек, чех, спросил Гарриса, что он думает о новом правительстве. Гаррис ответил.

«Когда я уезжал из Иркутска, там ничего не было известно о каком-либо контрреволюционном движении. Я имею поручение выступить только в качестве посредника между чехами и большевиками. Борьба различных партийных группировок в России, борьба между большевиками и контрреволюционным движением не касается данного мне поручения... Президент Соединенных штатов дал специальные инструкции представителям Соединенных штатов в России не вмешиваться во внутреннюю борьбу, не позволять вовлечь себя в борьбу каких-либо политических группировок в Сибири или в России и не признавать этих группировок».

Это заявление генерального консула Гарриса весьма важно, так как оно устанавливает истину по вопросу о том, были ли использованы американские войска в Сибири в соответствии с желаниями президента Соединенных штатов. Текст моих инструкций, которые я привел выше, показывает, что не было абсолютно никакой разницы между имевшимися у меня инструкциями и теми инструкциями, которые, по словам Гарриса, были даны всем представителям Соединенных штатов в Сибири; надо отметить, что в имевшихся у меня инструкциях не было изменено ни слова в течение всего времени моего пребывания в Сибири. Как только ге-

неральный консул Гаррис был уведомлен о контрреволюционном движении против Советов во всех городах, занятых чехами, он отказался выступать в качестве посредника и не участвовал более ни в каких конференциях. В оправдание такого своего поведения он повторно сослался на инструкции, полученные им от правительства Соединенных штатов.

Полк. Эмерсон, продолжая свои попытки добраться до Вологды, прибыл 13 июня в Челябинск, где было много чехов и где он встретил майора Гинэ. Ему сообщили, что к западу от Челябинска затруднено железнодорожное движение; только 16 июня Эмерсон прибыл в Миасс, причем оказалось, что дальше двигаться было невозможно. 23 июня Эмерсон получил от французского майора Гинэ, отправившегося на Омск, следующее сообщение: «Французский посол уполномочивает майора Гинэ от имени всех союзников поблагодарить чехо-словаков за их действия. Они, союзники, в конце июня приняли решение об интервенции; чехословацкая армия и французская миссия должны составить авангард армии союзников. В ближайшее время будут даны указания об оккупации и об организационных мероприятиях как политического, так и военного характера».

Я не имею сведений о том, кто был этот «французский посол», на которого ссылается майор Гинэ, но вероятно это был посол в России.

25 июня полк. Эмерсон отмечает: «Майор Гинэ зашел к нам и показал нам сообщение, касающееся интервенции; он заявил, что это сообщение было достаточно, для того чтобы начать действовать, и высказал предположение, что мы возьмем в свои руки эксплоатацию железной дороги». Полк. Эмерсон и его группа до такой степени хотели иметь подтверждение той части сообщения французского посла, в котором было сказано «это делается от имени всех союзников», что они вернулись в Омск, куда и прибыли 26 июня. Первой информацией, которую полк. Эмерсон получил в Омске, было сообщение от 13 июля, присланное из Иркутска от чешского командующего Гайды; в этом сообщении последний доводил до сведения Эмерсона о начале оккупации Иркутска.

15 июля полк. Эмерсон получил из Иркутска от генерального консула Гарриса следующее сообщение:

«С 26 мая не имею связи с внешним миром через Владивосток и со 2 июля — через Пекин. Последние полученные сведения указывают на то, что флот союзников и чехи изгнали большевиков из Владивостока. Последние известия,

полученные от нашей миссии в Пекине, подтверждают сведения, полученные французской миссией, на которые вы ссылаетесь и которые были переданы здесь полковнику Гайда».

Это сообщение было первым из полученных полк. Эмерсоном, в котором указывалось на участие Соединенных штатов в интервенции, назначенной на конец июня. Эмерсон немедленно прекратил свои попытки добраться до Вологды, чтобы сделать доклад послу Соединенных штатов Фрэнсису, и решил возможно скорее отправиться в Иркутск и предложить свои услуги для поддержания регулярного движения по железной дороге; Эмерсон покинул Омск 16 июля.

19 июля на ст. Половина он отмечает следующее: «Мы заметили, что вдоль линии железной дороги существует полный порядок и что только незначительное количество чехов оставлено в каждом городе для несения полицейской службы». Это сообщение подтверждает то, что было очевидно еще в момент, когда чехи посредством согласованного выступления 28 мая захватили города, лежащие на Сибирской железной дороге, т. е. что Советы или не были в состоянии или не хотели оказывать сопротивления вторжению чехов.

Следует отметить достойное внимания совпадение: сообщение от генерального консула Соединенных штатов Гарриса о том, что Соединенные штаты принимают участие в интервенции в Сибири, полк. Эмерсон получил 15 июля, в то время как имевшиеся у меня инструкции, датированные 17 июля, указывают на абсолютную решимость президента Вильсона не принимать участия в военной интервенции в России. Эта решимость явствует из следующей фразы в имевшихся у меня инструкциях: «Ввиду этого правительство Соединенных штатов не может принять участия в такой интервенции или принципиально одобрить ее». Полученные мною инструкции приведены выше. Они показывают, что Соединенные штаты приняли настолько твердое решение не участвовать в военных операциях в России, что предупредили союзников о том, что, если те будут настаивать на своих интервенционистских планах и пойдут дальше осуществления целей, объявленных Соединенными штатами, т. е. посылки небольшого количества войск в Сибирь или Архангельск, то Соединенные штаты могут признать себя обязанными полностью устраниться от какого бы то ни было сотрудничества с союзниками в России.

Поскольку вопрос идет об использовании войск Соединенных штатов в Сибири, было бы крайне трудно при помо-

щи слов яснее доказать намерения Соединенных штатов в этом отношении. Выдержки, сделанные нами в таком большом количестве из стенографических отчетов полк. Эмерсона, показывают, что чехам никогда не грозила опасность агрессивных актов со стороны Советов. Безусловно, чехам ничто не угрожало, до тех пор пока они стремились к достижению объявленной ими цели, т. е. добраться до Владивостока по Сибирской железной дороге. Чехи были нападающей стороной, и доклад полк. Эмерсона показывает, что Советы хотели избавиться от присутствия чехов в Сибири и были готовы во многом пойти им навстречу и помочь им достигнуть той цели, к которой чехи, по их собственным словам, стремились. Однако чехи не только завладели городами, в которых к 28 мая оказались расположенными их эшелоны, но по крайней мере в одном из городов, а именно в Мариинске, они завладели принадлежащим Советам складом военных припасов, полностью снабдили своих солдат винтовками, боевым снаряжением, пулеметами и всем тем, что им было нужно и что возможно было достать.

Поскольку вытекающее из доклада полк. Эмерсона заключение коренным образом отличается от повсеместно распространенного мнения о том, что чехам грозила серьезная опасность, представляется желательным дать некоторые сведения из жизни полк. Эмерсона и характеристику его, чтобы читатель правильно мог оценить его доклад. Полк. Эмерсон, в сущности говоря, вырос на большой северной железной дороге. Он начал работать на этой железной дороге, когда еще был мальчиком и в тот момент, когда отправился в Сибирь, занимал должность директора-распорядителя этой дороги. До нашей встречи во Владивостоке я не знал полк. Эмерсона, но Джон Стивенс говорил мне, что он считает Эмерсона лучшим знатоком железнодорожного дела Соединенных штатов. Эмерсон был человеком, слова которого, его внешность и отношение к порученному ему делу вызывали полную уверенность в честности преследуемых им целей, и чем больше приходилось знакомиться с ним и с его работой, тем глубже становилась эта уверенность.

Полк. Эмерсон меньше чем кто-либо из тех, кого я встретил в Сибири, был заинтересован в политических распрях русских группировок. Единственной целью его пребывания в России было оказать помощь русским в организации железнодорожного движения, и он совершенно не интересовался какой-либо другой деятельностью.

Все те, кто находился в Сибири, в то время когда там пребывали войска Соединенных штатов, и кто знает атмосферу предубеждений, царствовавшую тогда в Сибири,— поймут, почему я попытался охарактеризовать здесь некоторые отличительные черты полк. Эмерсона.

Сообщение генерального консула Гарриса полк. Эмерсону, подтвердившее сведения о намерениях союзников и Соединенных штатов начать интервенцию в Сибири, и последующие действия этого консула в согласии с этой информацией создали совершенно невероятное положение. Следует помнить, что заявления, на которые ссылался Гаррис, были сделаны всего лишь за два дня до 17 июля 1918 г., когда политическая линия Соединенных штатов была определена Государственным департаментом, а соответствующие инструкции были мне даны для руководства спустя немногим больше двух недель.

В тот самый момент, когда политика Соединенных штатов в отношении России была определена Государственным департаментом, когда русский народ торжественно заверяли и нотифицировали всем союзным правительствам, что Соединенные штаты не будут вмешиваться во внутренние конфликты русского народа, генеральный консул Соединенных штатов в Сибири Э. Гаррис, представитель Государственного департамента, заявлял населению Сибири, что Соединенные штаты являются участником предполагаемого вмешательства во внутренние дела русского народа.

Это положение невозможно опровергнуть, так как всякое выступление, направленное против господствовавшей в то время русской власти в Сибири, должно быть понимаемо как участие во внутренних конфликтах России.

Возникает вопрос: каким образом могло создаться подобное положение? Поскольку Государственный департамент по этому поводу никогда не давал никаких объяснений, поскольку в политике Соединенных штатов в части поведения американских войск в Сибири не произошло никаких изменений, и принимая во внимание действия генерального консула Гарриса, следует предположить, что и инструкции Гарриса, полученные через Пекин, в дальнейшем изменению не подвергались.

Таким образом получилось, что с самого начала военных действий в Сибири представители Государственного департамента Соединенных штатов и представители Военного департамента действовали на основании противоречивых инструкций.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРЕД ПЕРЕМИРИЕМ

16 августа 1918 г. под командой полк. Генри Штейера прибыл в Сибирь из Манилы первый отряд американских войск (27-й пехотный полк) в составе 53 офицеров и 1 537 солдат; 31-й пехотный полк в составе 46 офицеров и 1 375 солдат прибыл на несколько дней позднее. До моего прибытия, т. е. до 1 сентября, командование всей экспедицией принял на себя полк. Штейер.

К моменту моего прибытия во Владивосток я не имел никаких сведений о военном, политическом, социальном, экономическом или финансовом положении России. Перед самым моим отъездом из Сан-Франциско я получил сообщение из Вашингтона, в котором на основании информации характеризовалась политическая линия Японии. Эта последняя, по словам сообщения, будет состоять в том, чтобы держаться в стороне от различных русских борющихся сил и противодействовать всякой сильной русской центральной власти; некоторые же слабые группировки русских сил, которые могли бы оказаться для операций Японии как бы ширмой, будут поддерживаться. Если бы тогда, когда я получил это сообщение из Вашингтона, я знал о японской военщине все то, что мне стало известным позднее, это сообщение вызвало бы у меня гораздо больше мыслей. Я часто думал, до какой степени было неудачно, что в тот момент, когда я сразу попал в этот водоворот во Владивостоке, я не знал о положении в Сибири всего того, что узнал позднее. В иное время я считал, что в подобном положении неведение было не только желательно, но и выгодно.

Отчасти вследствие моего незнания обстановки я высадился во Владивостоке без каких-либо предубеждений в отношении того, что следует и чего не следует делать; не было у меня и никаких предубеждений против каких бы то ни было русских политических группировок, и я предполагал, что буду в состоянии согласованно и в духе дружеского сотрудничества работать вместе со всеми союзниками.

Рано утром 2 сентября полк. Штейер и несколько американских офицеров поднялись на борт «Томаса», а адмирал Остин Найт через одного из офицеров прислал мне приглашение позавтракать с ним утром на борту «Бруклина».

Первое, что мне бросилось в глаза при высадке в стране, где не существовало правительства, было то, что нас никто

не беспокоит таможенным осмотром и выполнением карантинных формальностей. Правда, Владивосток в это время находился в руках чехов, но их власть в этом городе была установлена силой, а не соглашением, а поэтому лица всех национальностей, попадавшие в город, пользовались одинаковыми правами.

Я оставил «Томаса» и отправился на «Бруклин» где я увидел адмирала Найта. Я встретил с его стороны крайне любезное и весьма полезное для меня отношение, поскольку он находился во Владивостоке уже около 6 месяцев и был как никто хорошо информирован о существующем положении в Сибири. Он любезно поделился со мною всей информацией и оказал всяческую помощь всем прибывшим во Владивосток американским войскам; каждый офицер и каждый солдат, прибывшие во Владивосток с первым эшелоном американских войск, весьма обязаны Найту и его офицерам за оказанную ими помощь, в которой мы тогда так нуждались и которая имела для нас такое огромное значение.

После завтрака, как только это оказалось возможным, я отправился в главный штаб американских войск, который был расположен в здании, принадлежавшем одному германскому торговому обществу. Кое-кто из русских заявлял о своей заинтересованности в делах этой компании, но я никогда не был уверен в том, что эта заинтересованность не появилась уже после начала мировой войны, когда немцы уже ушли из Владивостока. Здание это прекрасно подходило для штаба; оно было достаточно обширно для размещения служебных помещений и устройства квартир для офицеров.

Полк. Штейер в течение этого дня всесторонне информировал меня о том, что им было сделано до моего прибытия. Я узнал, что 27-й полк участвовал в объединенных действиях против врага. Врага мне представили в виде большевиков и германских пленных. Я был удовлетворен тем, что американские войска не отступили от той политической линии, которая была декларирована правительством Соединенных штатов, и воздерживались от какого-либо вмешательства в русские дела.

Ген. Отани (японец) был старшим по чину среди лиц союзного командования. Вечером 2 сентября я зашел к ген. Отани. Через несколько минут после моего прихода он спросил меня, имею ли я инструкции о том, что он, Отани, будет командовать американскими войсками. Я ответил на это, что таких инструкций у меня не имеется и что, напротив того, имеющиеся у меня инструкции возлагают на меня обязательство

ограничительного использования американских войск, благодаря чему совершенно необходимо, чтобы все распоряжения о дальнейших передвижениях американских войск исходили от меня. Отани возразил, что Государственный департамент Соединенных штатов нотифицировал ему, что командовать американскими войсками будет он, Отани. Мне было известно, что когда полк. Штейер высадился во Владивостоке, он явился к старшему из командующих союзными силами и спросил его, имеются ли какие-либо планы для наилучшего сотрудничества всех войск. В то время ген. Отани еще не было во Владивостоке и старшим из командующих союзными силами был ген. Ои (японец). Ген. Ои сказал полк. Штейеру, что **по просьбе американского правительства** ген. Отани был назначен верховным главнокомандующим и что следует подождать его прибытия, которое ожидается в ближайшие дни. 18 августа ген. Отани издал следующий приказ:

«Я имею честь сообщить, что его величество император Японии назначил меня командующим японской армией во Владивостоке и что мне единогласно всеми союзными державами поручено также командование их армиями на русской территории Дальнего Востока.

Командование полагает, что дух сотрудничества и дружбы, существующий между нашими армиями, даст возможность без затруднений произвести нужные и успешные действия. От всей души надеюсь, что наши армии будут совместно работать для достижения общей цели».

(Подписано) *генерал Отани*,
главнокомандующий союзными армиями.

Полк. Штейер был ошеломлен этим приказом, так как не имел никаких инструкций от правительства Соединенных штатов. Он запросил Вашингтон и получил ответ, что генерал Грэвс скоро прибудет во Владивосток с инструкциями по этому поводу; этот ответ еще больше поставил втупик полк. Штейера. Я до сих пор не могу понять смысла этого замечательного приказа Отани. Ген. Отани мне привелось узнать довольно хорошо. Мне думается, кто-то уверил его в том, что он будет командовать всеми союзническими войсками. Он не был таким человеком, чтобы присвоить себе не принадлежащее ему право, и кроме того он был военным и прекрасно понимал, что без специальных инструкций командующие союзнических войск не предадут ему командование над своими войсками. К этому вопро-

су больше никогда не возвращались, кроме одного случая, в феврале 1920 г., когда его вновь поднял ген. Ои, принявший от Отани командование японскими войсками. Приказ относился ко всем войскам союзников, но поскольку мне известно, в течение всего периода пребывания моего в Сибири он никогда не применялся на практике. Я думаю, что кто-нибудь из дипломатических чиновников, не понимая разницы между термином «союзный командующий» и «старший из лиц союзного командования», желая сделать приятное, сказал японским представителям, что ген. Отани будет командовать союзными войсками. Ген. Отани оказался весьма приятным человеком, с которым было очень легко улаживать все вопросы, касающиеся непосредственно войск каждого из союзников. Неприятно было только то, что каждому, кто хотел видеть его, приходилось затратить много усилий и настойчивости, чтобы застать его в штабе. Японский штаб был настроен очень агрессивно и пользовался или пытался пользоваться всякой возможностью, для того чтобы увеличить свой престиж в глазах того класса, который японцы поддерживали.

Ген. Отани рассказал мне забавный случай, происшедший с ним, когда ген. Грант посетил Японию во время своего кругосветного путешествия. Отани, только что выпущенный из военной школы, был приставлен для поручений к ген. Гранту. Отани очень старался как можно лучше выполнять свои обязанности, но никак не мог решить вопроса, чем он выкажет больше уважения ген. Гранту,— тем ли, что будет носить свою саблю в ножнах, или тем, что будет держать ее обнаженной в руке; он пробовал посоветоваться по этому поводу с другими лицами, но никто не был в состоянии помочь ему в этом деле; поэтому в конце концов Отани решил обнажить саблю во время рапорта и так и носить ее, как бы во время исполнения им служебных обязанностей. В первый же день, когда он отдавал рапорт Гранту, он обнажил саблю и, несмотря на неудобства, так и носил ее в руках до самого вечера. На следующий день, когда он во время рапорта снова обнажил саблю, ген. Грант потрепал его по плечу и сказал: «Молодой человек, спрячьте-ка лучше вашу саблю в ножны, а то, смотрите, уколете еще кого-нибудь».

Так как я прекрасно запомнил торжественное заверение Соединенных штатов, что они не будут вмешиваться во внутренние дела русского народа, то мне очень хотелось узнать, из кого состояли те силы, против которых союзники и Соединенные штаты оперировали к северу от Владивостока. Все

уверяли меня, что большевики были организованы, соединились с германскими и австрийскими пленными и собирались захватить склады во Владивостоке. Полк. Штейер телеграммой от 19 августа сообщил оценку положения, данную японским генеральным штабом. План операций был следующий:

«Прежде всего взять Хабаровск,— там имеются вооруженные силы противника в составе около 15 тыс. чел.; затем двигаться к западу по Амуру и в Манчжурию. Ген. Отани заявил, что, по его мнению, сил, предназначенных для экспедиции, недостаточно для выполнения поставленной задачи. Задача эта состояла в том, чтобы выручить чехов, находившихся к западу от Иркутска, а между Иркутском и нами имелись вооруженные силы противника в составе около 40 тыс. чел. и длинная железнодорожная линия, которую надо было охранять; находившиеся к западу от Иркутска чехи располагали весьма небольшими запасами и могли попасть в крайне тяжелое положение, так что выручить их надо было до наступления зимы, если они дотянут до этого времени. Отани просил всех командиров союзнических войск сделать соответствующие представления своим правительствам, с тем чтобы сами они послали те силы, которые могут быть немедленно выделены, и обратились к Японии с просьбой теперь же отправить такое количество войск, какое требовалось при существующем положении в Сибири. В Японии имеется много готовых к отправке войск».

Когда читаешь такое заявление, невольно возникает вопрос, откуда ген. Отани имел такую информацию. Было ли его заявление основано на имевшихся у него сведениях, или оно является целиком результатом японской пропаганды? В то время было невозможно получать или посылать сообщения в области, расположенные к западу от Иркутска, и когда связь с этими местами была установлена, мы узнали от полк. Эмерсона, что 12 июля чешские войска заняли Иркутск и приступили к работе по упрочению своего контроля над путями сообщения через Байкал и вокруг южной оконечности этого озера. Как было сказано раньше, чехи путем согласованной операции 28 мая захватили сибирские города, находившиеся к западу от Иркутска, 28 июня завладели Владивостоком и в большинстве захваченных ими городов установили новое сибирское правительство. Это новое правительство не было настолько радикальным, как Советы, но оно не было и абсолютистским.

Весною 1918 г. Япония сделала союзным державам следующее представление: «Благодаря специфичности своих интересов Япония находится в особом положении и просит поэтому в случае, если оккупация Владивостока, Китайско-восточной и Амурской железных дорог окажется необходимой, предоставить выполнение этой задачи только ей».

Соединенные штаты — или, вернее говоря, президент Вильсон — возражали против этой просьбы на том основании, что русские вероятно неправильно поняли бы такое выступление Японии.

Если принять во внимание все то, что я впоследствии узнал о действительном положении к западу от Иркутска, то единственным логическим следствием из заявлений ген. Отани будет то, что Япония вопреки своему заявлению от 3 августа 1918 г. действовала, руководствуясь не только чувствами искренней дружбы по отношению к русскому народу. Несомненно Япония не оставила своих притязаний на оккупацию Восточной Сибири. Всякий, кто общался в Сибири с представителями японских военных кругов так тесно, как я, не мог не придти к тому убеждению, что японцы всегда надеялись занять Восточную Сибирь.

Если попытаться проанализировать это положение в том свете, как его изобразил ген. Отани 19 августа, то придется сделать вывод, что японская военная разведка абсолютно не представляла себе действительного положения вещей или что японское командование, преувеличивая значение военных проблем и рекомендуя присылку подкреплений, имело целью пойти навстречу тому, в чем по его мнению состояли желания союзников. Ген. Отани одновременно с просьбой о присылке значительных подкреплений отдал распоряжение начать наступление; это распоряжение свидетельствует о том, что Отани рассчитывал находившимися в его распоряжении войсками разбить противника задолго до прибытия в Сибирь просимых подкреплений; на деле военные действия, произведенные по распоряжению ген. Отани, оказались немногим серьезнее простой перестрелки. Впоследствии японцы так организовывали все военные операции, что они достигали успеха без того, чтобы американские войска попадали на передовые линии. Это лишало американцев возможности проверить непосредственным наблюдением силы противника и понесенные им потери. Один из офицеров американской разведки после внимательного изучения поля сражения у Краевской говорит: «По моему мнению, сообщенные нам японским генеральным штабом и офицерами разведки

союзников сведения о силах, которыми противник располагал до сражения под Краевской, были крайне преувеличенными; весьма преувеличены были также данные о понесенных противником потерях».

6 сентября японское командование издало приказ, по существу заканчивающий уссурийскую кампанию,— если только можно так ее назвать,— и устанавливающий следующий порядок действий:

«В Хабаровске будет сосредоточено главное ядро армии в составе 12-й дивизии и части американских и китайских войск. Задача этих войск состоит в том, чтобы разбить войска австро-германских пленных и большевиков, которые находятся к востоку от Зеи и занимают важные пункты вдоль Амурской железной дороги».

Другим доказательством неискренности японцев в их дипломатических представлениях и действиях являются полученные мною сведения о том, что Соединенные штаты и Япония решили послать в Сибирь по 10 тыч. чел.; однако позднее Япония, ссылаясь на доводы организационного характера, заявила о своем желании послать 12 тыс. чел. Соединенные штаты согласились на это увеличение. Между 11 и 17 октября 1918 г. я инспектировал американские войска, находившиеся в районе к северу от Владивостока — до Хабаровска и до Биры (около 125 миль к западу от Хабаровска); я нашел, что почти все города были заняты хотя бы частично японскими войсками.

Мне было еще раньше сообщено, что японские войска расположены в различных пунктах вдоль южной линии Сибирской железной дороги на запад до Читы. 18 октября я донес Военному департаменту, что Япония имеет в Сибири по крайней мере 60 тыс. войск, и, как это оказалось впоследствии, я преуменьшил их действительную численность на 12 тыс. чел. Военное положение не требовало такого увеличения сил, и если бы Япония считала, что такое увеличение вызывается военным положением в Сибири, то она несомненно нотифицировала бы это Соединенным штатам, с которыми у нее было соглашение о посылке только 12 тыс. чел. Я имею все основания утверждать, что Япония не нотифицировала Соединенным штатам увеличения своих войск в Сибири до 72 тыс. чел.

В результате моей поездки к северу от Владивостока я пришел к заключению, что Япония дала волю своим политическим и военным устремлениям; вскоре стало очевидным, что Япония была не единственной нацией, действовав-

шей наперекор политике, декларированной Соединенными штатами. Известно, что Англия еще в марте 1918 г. не только соглашалась, но сама просила Японию занять Сибирскую железную дорогу. В качестве основания для этой своей просьбы Англия указывала на то, что «Япония может держать под контролем единственную железную дорогу, посредством которой может быть оказана помощь антибольшевистскому движению на юге России». В связи с этим представители Верховного военного совета высказали следующее предположение:

«Если Япония просит компенсаций за употребляемые ею усилия, то можно успокоить ее, дав ей возможность оккупировать небольшую часть Восточной Сибири. Вполне вероятно, что Япония во всяком случае получит часть Сибири, и это обстоятельство может помешать ей стремиться к экспансии где-либо в другом месте».

Когда я отправлялся из Соединенных штатов в Сибирь, я не предполагал, что окажусь вовлеченным в политические распри на Дальнем Востоке; однако, вскоре после моего прибытия во Владивосток я убедился, что каждый акт, исходивший от американца, будь он представителем гражданского или военного ведомства, русскими, а в сущности и всеми союзниками, воспринимался как акт, имеющий целью произвести известный политический эффект на Дальнем Востоке.

К моменту моего прибытия во Владивосток можно было наблюдать следующее: когда представители союзников говорили о русских, то они имели в виду исключительно старых русских должностных лиц, которые чувствовали себя в достаточной безопасности, для того чтобы каждый вечер появляться в пышных форменных мундирах и прогуливаться вдоль Светлановской — главной улицы Владивостока; другой класс — противоположный этому прежнему чиновничеству — называли «большевиками», хотя в сущности говоря старые царские чиновники не претендовали на восстановление царского режима в России, а те русские, которых называли большевиками, не высказывались в пользу советского правительства. Однако грань между этими обоими классами была достаточно отчетлива и не позволяла их смешивать. В той части России, и русского населения, которая не была согласна с действиями, считавшимися необходимыми для возвращения родины к дореволюционному положению, старые царские чиновники видели одну лишь грязь, подлость и вообще всякую гадость. Союзники были настро-

ены крайне враждебно к большевизму; проявление либерализма в той или иной форме рассматривалось ими как проявление большевизма, а потому они имели дело почти исключительно с прежним царским чиновничеством. Слово «большевизм» понималось в настолько широком смысле, что легко применялось и к земствам—выборным народным организациям, в которых право голосования принадлежало всем мужчинам и женщинам, достигшим 21 года. Подобное положение вещей соответственно отражалось на таких сторонах жизни Владивостока, как телеграф, почта, в паспортных вопросах и в гражданском управлении города, поскольку все эти отрасли находились в руках прежних царских чиновников. Последние не замедлили таким образом организовать все эти отрасли управления, чтобы извлечь из них наибольшие выгоды, и вскоре начали мстить тем русским, которые осмеливались поступать несогласно с их мнениями.

Все представители союзников казалось должны были знать, что основной целью, ради которой войска Соединенных штатов были отправлены в Сибирь, было оказание помощи чехам; поскольку же чехи занимали не только Владивосток, но и все города от Владивостока до Урала, надо было иначе обосновать необходимость продвижения американских войск в западную часть Сибири, если бы оно продолжалось.

8 сентября я телеграфировал военному министерству: «Фактически в Сибири больше не имеется никакого организованного сопротивления».

Несмотря на твердую решимость президента Вильсона не участвовать в создании Восточного фронта в России, мысль о создании этого фронта все же не была совершенно оставлена. Американские солдаты попали в Сибирь благодаря тому, что Америка была введена в заблуждение; у представителей союзников, стремившихся, хотя бы и окольным путем, но все же добиться своей цели, естественно возникал вопрос, — почему бы не применить тот же метод для переброски американских войск в Европейскую Россию.

Союзники очевидно понимали, что президент Вильсон был сильно заинтересован в судьбе чехов. Мне не только не были известны все споры, которые привели к интервенции, мне не были известны и политические планы, существовавшие в отношении Дальнего Востока. Первое время я был расположен принимать на веру заявления видных представителей союзников и действовать соответственно этим заявлениям. В моих записках я нашел указания на то, что 12 сентября я

сообщил военному министерству о возвращении чехов на запад с целью помочь тем чехам, которые находились за Уралом. 8 сентября мне было сообщено, что англичане, французы, японцы и чехи хотели до наступления зимы дойти до Волги и желали знать мнение Соединенных штатов.

19 сентября я телеграфировал: «Французы и англичане несомненно хотят, чтобы войска союзников совершили такие действия, результатом которых будет создание Восточного фронта».

9 сентября или около этого времени капитан Гасурак, чех, адъютант ген. Гайды, прибыл с запада во Владивосток и сообщил, что положение чехов, находившихся к западу от Урала, требовало немедленной помощи союзников. 27 сентября я получил телеграмму, в которой говорилось, что американские войска не должны продвигаться западнее оз. Байкала, и что если чехи будут продвигаться в западном направлении, то на моей ответственности будет лежать только поддержание свободной связи по железной дороге. Мне было сообщено, что заявление президента по вопросу об использовании американских войск в России и Сибири было направлено союзным правительствам, и это мне очень помогло в моих отношениях с их представителями.

Однако союзники не хотели действовать в Сибири вразброд; это могло бы дать слишком много поводов для разногласий. В самом начале этой сибирской затеи они указали Соединенным штатам на желательность организации межсоюзнического органа, на обязанности которого между прочим лежало бы обеспечение единства действий в отношении русского народа и решение политических споров. Это предложение было Соединенными штатами отклонено, но, как мы увидим в дальнейшем, этим не закончились попытки союзников добиться единства действий. Такого единства не могло быть уже потому, что представители Англии, Франции и Японии участвовали во внутренних конфликтах в России, а я не участвовал в них; это делало сотрудничество между нами невозможным, до тех пор пока оставались неизмененными полученные мною вначале директивы.

Вскоре после перемирия представители Англии и Франции начали критиковать меня за то, что я не сотрудничал с ними, и продолжали говорить о поддерживаемых ими группировках русских, как о «силах закона и порядка», противопоставляя им в то же время другие группировки, олицетворяющие якобы беззаконие и беспорядок. Такие определения

не соответствовали фактам, и несомненно ими пользовались только потому, что они убедительно звучали для тех, кто не знал истинного положения вещей в Сибири.

На состоявшейся в 1921—1922 гг. в Вашингтоне конференции по ограничению вооружений глава японской делегации заявил, что, в то время когда войска союзников были отправлены в Сибирь, Япония решила оказать Семенову материальную помощь, «чтобы воспрепятствовать распространению большевистского влияния на Дальний Восток»; в этих своих действиях Япония следовала лишь политической линии, принятой некоторыми из союзных держав, именно Великобританией и Францией, и заключавшейся в стремлении возложить на самих русских задачу борьбы с «угрозой большевизма». Это является прекрасным доказательством того, что еще до отправки войск в Сибирь Англия, Франция и Япония предварительно договорились друг с другом и что одной из основных целей интервенции была борьба с большевиками.

Действия представителей Англии, Франции и Японии в течение всего времени моего пребывания в Сибири и те сведения, которые стали достоянием гласности уже после интервенции, неизбежно приводят к выводу, что существовали две основных цели для интервенции в Сибири. Первой целью было желание принять такие меры, которые могли бы помочь союзникам продолжать войну; второй целью было желание бороться с распространением большевистских идей. Я не могу сказать, какая из этих двух целей преобладала при решении союзниками вопроса об интервенции. Мой недостаточный опыт в международных делах сначала заставлял меня слишком доверять заявлениям представителей различных наций. Представители Англии, Франции и Японии, обсуждая в частных беседах цели интервенции в России, подчеркивали необходимость предупредить распространение большевизма на Дальнем Востоке.

В книге Фридриха Луи Шумана «Политика Америки в отношении России» на стр. 96 и 97 мы читаем следующее:

«Американский консул в Омске Грей получил шифрованную телеграмму американского консульства в Самаре от 22 июля 1918 г., которая передавала сообщение от 18 июля, полученное из Москвы от генерального консула Пуля: «Вы можете конфиденциально уведомить руководителей чехословацких войск, что союзники с политической точки зрения будут рады тому, что чехо-словаки удерживают занимаемое ими положение. С другой стороны чехам не

должно ставиться препятствий, если они будут принимать меры, вызываемые требованием военного положения. Желательно прежде всего, чтобы чехи смогли обеспечить контроль над Сибирской железной дорогой и в то же время, если это окажется возможным, удержали в своих руках контроль над занимаемой ими территорией. Сообщите представителю Франции, что французский генеральный консул принимает к руководству эти инструкции».

Г-н Пуль, на которого имеется ссылка в этом сообщении, является тем самым лицом, которое позднее руководило русскими делами в Государственном департаменте в Вашингтоне. Из этого следует, что Пуль, американский генеральный консул в Европейской России, без ссылки на какие-либо полученные им директивы, принял 18 июня 1918 г. сторону одной из борющихся в Сибири группировок, тогда как 8 июня Гаррис, генеральный консул в Сибири, заявил, что представители Соединенных штатов получили особые инструкции не вмешиваться в русские внутренние дела и не участвовать в борьбе партий России. Гаррис придерживался этой политики до 2 июля, когда заявил, что получил через «миссию в Пекине» сведения о намерении Соединенных штатов участвовать в военной интервенции, имевшей целью ведение враждебных действий против Советов независимо от того, какие основания для этих действий открыто выставлялись. Как было отмечено выше, мои инструкции, составленные 17 июля, я получил 3 августа; инструкции эти не были простыми приказаниями, данными военному представителю Соединенных штатов, но являлись выражением политической линии, обязательной для всех представителей Соединенных штатов; в этом документе имелись определенные, ясные и положительные указания о том, что никто из представителей Соединенных штатов не должен вмешиваться в русские дела или становиться на сторону одной из борющихся группировок. Мои инструкции исходили непосредственно из Вашингтона; но я никогда не видал данных, подтверждающих, что Пуль действовал на основании инструкций, полученных им от Государственного департамента. Он не имел никаких инструкций и тогда, когда выступил от имени союзников и дал чехам упомянутый выше совет; этот совет не мог быть понят ими иначе, как заявление старшего из представителей Соединенных штатов в России об участии Соединенных штатов в интервенции в Сибири.

Как на источник своих директив об изменении политики «невмешательства» в сторону политики поддержки одной из борющихся сторон Гаррис ссылается на полученное им через пекинскую миссию подтверждение сообщения, пущенного в оборот по Западной Сибири французским майором Гинэ. Пекинская миссия не имела полномочий давать инструкции генеральному консулу Гаррису, и если в данном случае речь идет о передаче инструкций, полученных из Вашингтона, то почему не было сделано ссылки на Вашингтон, как на источник, откуда исходили указания о перемене политической линии? Благодаря тому, что представители Соединенных штатов в Сибири и России придерживались различных политических линий, создалось мнение, к сожалению основательное, что Соединенные штаты не были вполне искренни и чисты в своих поступках по отношению к русскому народу. Говоря чехам, что «им не должно ставиться препятствий, если они будут принимать меры, вызываемые военным положением», Пуль как бы нарочно вкладывал в эти слова тонкий намек. Если бы мне надо было вскрыть значение этой фразы, я сказал бы без колебания, что она в тонкой форме давала чехам понять, что союзники не будут возражать, если чехи начнут военные действия против Советов. Вместе с тем я должен признать, что эта фраза была построена так, чтобы Пуль в случае необходимости мог отрицать это намерение.

Пуль конечно не мог думать, что военные руководители чехов будут дожидаться одобрения со стороны консульских представителей союзников в Москве, прежде чем начнут принимать в Сибири меры, «вызываемые требованиями военного положения»; ведь для того чтобы письмо Пуля дошло до Грея, в Омск, понадобилось 34 дня. Почему же генеральный консул Пуль сообщал чехам о желаниях союзников? Мне думается, что представители союзников в Европейской России использовали его в своих интересах. Такой поступок Пуля имел своим результатом то, что у чехов, оставшихся в Западной Сибири, возникло заметное чувство негодования против Соединенных штатов. Когда эти чехи прибыли во Владивосток, негодование стало настолько значительным, что я поднял вопрос об этом в чешском главном штабе.

Пуль, послав чехам вышеуказанные сообщения, заставил или помог им поверить, что Соединенные штаты и союзники были готовы начать интервенцию в Сибири. Вследствие этого чехи добровольно остались в Западной Сибири,

все время надеясь и ожидая, что войска Соединенных штатов и союзников скоро придут к ним на помощь.

Эти части чешских войск не только перенесли большие лишения зимой 1918—1919 гг., но многие из чешских солдат отдали жизнь в боях с большевиками, пытаясь обеспечить и удержать в своих руках, по просьбе союзников, контроль над Сибирской железной дорогой. Поставьте себя на место чешских солдат и спросите себя, не появилось ли бы у вас при этих условиях чувство негодования.

Каким образом можно примирить действия генерального консула Пуля с цитированными нами во второй главе заявлениями генерального консула Гарриса, которые были сделаны им 8 июня, за десять дней до того момента, когда сообщение Пуля стало, через посредство консула Грея, известно чехам?

Гаррис 8 июня заявил:

«Президент Соединенных штатов дал специальные инструкции всем официальным представителям Соединенных штатов в России ни в какой форме не вмешиваться в борьбу различных группировок в России или Сибири, не признавать их и не позволить впутать себя в эту борьбу».

В то время когда Пуль был генеральным консулом, в Архангельске находились американские войска, и если верить получавшимся оттуда сообщениям,— а у меня нет оснований сомневаться в их правильности,— руководство американскими войсками перешло к англичанам. Один из участников военных действий на этом фронте делится своими воспоминаниями в книге, озаглавленной «Archangel, The American War with Russia» [1]. На стр. 30 этой книги автор говорит:

«Не было войны! А в Архангельской губернии, на шести разобщенных между собой участках фронта, американские солдаты под британским командованием сидели в снеговых окопах за сделанными наспех прикрытиями; они были в окопах, а с советской стороны по ним гвоздили из орудий, крыли их шрапнелью и снимали неосторожного стрелка, высовывавшего голову из-за прикрытия!»

На стр. 75 той же книги автор говорит:

«Здесь также было американское консульство во главе с американским генеральным консулом де-Витт Пулем, который по временам появлялся, чтобы наблюдать за участием Америки в этой странной войне с Россией».

---

[1] „Архангельск. Война Америки с Россией".

На стр. 28 автор приводит некоторые инструкции американскому послу, переданные по телеграфу Государственным департаментом 3 августа 1918 г. (дата опубликования данных мне инструкций). Эти инструкции, поскольку речь идет о задачах, поставленных перед американскими войсками в Северной России, вполне совпадали с цитированными выше моими инструкциями. Это, думается мне, дает право заключить, что американские войска на севере России имели те же общие инструкции о политической линии, какие были даны войскам в Сибири. Я не имею возможности сделать какое-либо определенное заявление по поводу экспедиции на север России, так как, насколько мне известно, Соединенные штаты не делали каких-либо публичных заявлений, касающихся экспедиции в Сибири или Северной России, но, если обе эти экспедиции имели одни и те же инструкции, то как могло случиться, что архангельскими экспедиционными войсками пользовались для вооруженной борьбы с советскими войсками, в то время как в Сибири этого не было? Враждебные действия против Советов были особенно непонятными, поскольку 26 июня 1919 г. президент Вильсон в послании к Сенату заявил: «Инструкции, данные ген. Грэвсу, предлагают ему не вмешиваться в русские дела». Если — что представляется вероятным — те же инструкции существовали и для Северной России, почему же тогда американские войска на севере России вмешивались в дела русских?

Во время моего пребывания в Сибири я никогда не слышал никаких заявлений о политической линии Франции; да они были и ненужны, так как действия представителей Франции ясно свидетельствовали о том, что она следовла политике Англии и Японии. Это предположение нашло свое подтверждение в заявлении, сделанном от имени французского правительства на конференции по ограничению вооружений.

В этом заявлении в частности говорилось: «Французское правительство полностью разделяет формальные заверения, сделанные бароном Сидехарой по вопросу о намерениях японского правительства в отношении Сибири. Желание Японии заключается в том, чтобы отозвать как можно скорее свои войска из России, и ее твердое намерение — уважать неприкосновенность России. Франция принимает эти заверения с еще большим удовлетворением потому, что они точно соответствуют программе, принятой французским правительством в 1918 г.».

Я никогда не мог примирить заявлений представителей союзников по вопросу об интервенции в России с действиями

их представителей в Сибири. Слово «большевик», как оно употреблялось в Сибири, применялось к большинству русского народа, и использование войск для борьбы с большевиками или вооружение, снаряжение, снабжение продовольствием и обмундированием белых для борьбы с большевиками было совершенно несовместимо с принципом «невмешательства во внутренние дела России». Если Англия, Франция и Япония намеревались использовать свои войска для борьбы с большевизмом в Сибири, почему же тогда они не заявили об этом во всеуслышание? Поистине, невежественному в политике человеку трудно понять язык дипломатов.

К счастью для наших войск, мы успели очень удобно устроиться до того, как русские представители и представители союзников во Владивостоке узнали о моем отношении к «искоренению большевизма». Для русских было одинаково легко помочь нам найти помещение или же заявить, что они ничего не могут сделать для нас. Все должностные лица, о которых говорили, что они облечены властью русским правительством, и которые в действительности были поставлены на те или другие места союзниками, — все они были сторонниками царского режима и очень хотели, чтобы американцы признали необходимость создания в России формы правления, обеспечивающей им то же положение, или по крайней мере то же материальное благосостояние, которым они пользовались при царском режиме. Они всячески помогали нам устроиться.

Царская Россия предполагала сделать из Владивостока такой сильный военный пункт, который с надеждой на успех можно было бы защищать от нападения с моря. Во исполнение этих планов во Владивостоке были построены прекрасные бараки, рассчитанные на много тысяч человек. Бараки эти были очень удобны, если не считать отсутствия бань и душей. С момента оставления этих бараков русскими солдатами в 1919 г. не было принято никаких мер к тому, чтобы помешать гражданскому населению пользоваться ими; вследствие этого бараки были ужасно загрязнены. Однако после чистки они оказались более комфортабельными, чем я ожидал. Возросшее до 200 тыс. чел. население города надо было разместить в помещениях, рассчитанных только на половину этого количества; кроме того увеличивалось количество войск союзников и происходила мобилизация русских войск, поэтому нужда в бараках была огромной. Мы не отдали бараков, полученных нами сразу же после при-

бытия во Владивосток, благодаря этому мы сумели выполнить распоряжения военного министерства о размере площади, необходимой для наших солдат, хотя иногда бывало затруднительно обосновать, почему потребность в площади для американских солдат вдвое больше потребности японского или русского солдата.

Часть наших войск нужно было разместить вдоль железной дороги для охраны мостов, так как нужды снабжения заставляли поддерживать движение по железной дороге. Эти войска жили главным образом в вагонах, кузова которых были сняты с тележек и поставлены прямо на землю, причем, где возможно, из земли были сделаны заваленки. Большая часть вагонов имела двойную обшивку и оказалась, если не комфортабельным, то во всяком случае лучшим помещением, на которое только можно было рассчитывать в такой суровой стране, как Сибирь.

Вскоре после моего прибытия я поинтересовался узнать, как обстояло дело с оплатой помещений, занятых под наш главный штаб; мне ответили, что дома эти принадлежали немцам и что вопрос об оплате не возникал. Я хотел, чтобы финансовая сторона, связанная с операциями американских войск, была в полном порядке во избежание нареканий после нашего ухода из Сибири. Поэтому я поручил группе офицеров переговорить с собственниками домов или их представителями и доложить мне, если не будет достигнуто соглашения относительно цены, которую мы должны платить. Несколько русских заявило о своих правах собственности на занимаемые нами дома и предъявило нам документы, подтверждавшие их притязания. Эти русские заявляли, что доход от домов был равен 8 тыс. в месяц, но как с американцев они готовы были взять с нас только 6 тыс. Тогда мои офицеры обратились к лицу, выполнявшему обязанности городского головы. У него они узнали, что стоимость всех зданий была зарегистрирована и была точно установлена арендная плата, которую мог взимать собственник, если его дом отдан для военных целей. В случае увеличения численности населения во Владивостоке закон предусматривал 50% надбавки к нормальной ренте. Таким образом если бы мы стали придерживаться действовавших во Владивостоке законов, мы должны были бы платить 750 рублей в месяц — вместо 8 тыс. Я был очень удивлен, когда городской голова попросил нас не платить собственникам больше установленной законом цены. Этот факт является светлым пятном в моих сношениях с русскими чинов-

никами; правда, городской голова Владивостока был избран на эту должность гражданами этого города.

Еще до моего прибытия во Владивосток полк. Штейер получил несколько принадлежавших железной дороге обширных зданий для использования их в качестве складов. Эти помещения прекрасно соответствовали цели, и к ним могли подходить наши транспортные суда в те месяцы, когда гавань не замерзала. Они были расположены на самом южном конце бухты, в растоянии около 3 миль от американского главного штаба. Ледоколы не могли заходить так далеко, но имелась узкоколейка, при помощи которой мы могли непосредственно подвозить наши запасы к складам.

Ген. Хорват, руководивший в то время русскими делами на Дальнем Востоке, явился ко мне, извинился и попросил уплаты арендной платы за эти склады. Ему было известно, что американцы помогали поддерживать регулярное железнодорожное движение; однако Хорват нуждался в деньгах, а Соединенные штаты были, по его мнению, единственной страной, от которой он мог надеяться достать нужные ему суммы. Я ответил, что не могу согласиться на оплату и что передам его просьбу в Вашингтон. Я отказался платить потому, что платить за склады, занимаемые войсками, охраняющими железную дорогу, было равносильно тому, чтобы посылать войска для охраны чьего-то дома и платить собственнику дома за пользование его конюшнями во время охраны. Я был крайне изумлен, когда получил из Вашингтона ответ, предписывающий мне ежемесячно платить 5—6 тыс. долларов за пользование этими пустыми зданиями.

Поскольку чешский вопрос был улажен,— если вообще в Сибири до моего прибытия во Владивосток существовал чешский вопрос, — и поскольку я имел инструкции не вмешиваться в конфликты внутреннего характера, войскам Соединенных штатов не оставалось ничего другого, как выполнить ту часть моих инструкций, которая гласила: «Единственной законной целью, для осуществления которой могут быть применены американские или союзнические войска... является охрана военных складов, которые впоследствии могут пригодиться русским войскам». Прежде чем я мог сделать какие-либо шаги, чтобы «оказать такую помощь русским, которая была бы приемлемой в деле организации ими своей самозащиты», следовало принять решение о том, к какой из образовавшихся русских политических группировок следует применять эту политику. Такое решение могло быть принято только в Вашингтоне, а условия были таковы,

что мы могли оказать помощь какому-нибудь русскому не игнорируя этим политику невмешательства во внутренние дела русских. Я не мог дать даже рубашки какому-нибудь русскому, не подвергая себя риску вызвать обвинения в оказании помощи той стороне, к которой принадлежало лицо, получившее от меня эту рубашку.

По вопросу о защите имущества надо иметь в виду следующее. Необходимость охраны имущества, — не от германских и австрийских военнопленных, но от всякого, кто хотел воспользоваться им, — была совершенно очевидна повсюду. Все окрестные холмы были завалены различным имуществом, которое было куплено прежним царским правительством или правительством Керенского и нагромождено везде, где только можно было найти место. Вид огромного количества кип хлопка, сваленных прямо на землю, ничем не прикрытых и снизу ничем не предохраненных от сырости, произвел на меня тяжелое впечатление. Тот же были нагромождены огромные груды резиновых шин, в которых, как говорили, союзники так нуждались, и имелось по меньшей мере около тысячи автомобилей, так и стоявших нераспакованными. Всякий, кто хотел, мог воспользоваться этим имуществом. Правда, некоторой гарантией от этой возможности служило то обстоятельство, что тот, кто воспользовался бы этим имуществом, не мог вывезти его за пределы Сибири и не мог пользоваться им во Владивостоке.

Уже на первом совещании военных начальников я внес предложение, чтобы мы, т. е. каждый из союзнических начальников, составили список всего русского имущества, взятого нами, а также разрешенного к вывозу из Владивостока; списки эти должны были содержать указание на то, куда и для какой цели было отправлено данное имущество. Представитель британского командования, ген. Нокс, сообщил мне, что все это имущество было закуплено на британские деньги, и предложил разделить его соответственным образом между нами. Нокс не думал, что кто-либо скажет что-нибудь плохое по этому поводу. Я объяснил представителям союзного командования те причины, по которым я предлагал составить списки, но моя аргументация, казалось, раздражила ген. Нокса больше, чем мое первоначальное предложение. Мне пришлось сказать Ноксу, что у меня нет сведений о том, на чьи деньги куплено все это имущество, но, насколько я себе представляю, Россия, прежде чем получить это имущество, как-то расплатилась с тем государством, у

которого это имущество было приобретено. Вопрос был снят, и мое предложение не было принято. Эти разногласия с ген. Ноксом, которые произошли в сентябре 1918 г., снова припомнились мне, когда я читал отчет Конгресса от 28 февраля 1921 г., в котором говорилось, что 53 186 352,70 долларов, которые были даны взаймы правительству Керенского, были израсходованы на «укрепление курса валюты и покупку хлопка».

Положение с каждым днем становилось все более напряженным; на каждом совещании представителей командования союзников было очевидно, что военные представители Англии, Франции и Японии поддерживали друг друга во всех предложениях. Я не думаю, чтобы какой-либо беспристрастный наблюдатель, лично знакомый с существовавшими тогда в Сибири условиями, стал доказывать, что представители Англии, Франции и Японии не принимали участия во внутренней борьбе русского народа. Эти представители не только не отрицали своего участия, но даже сами хвастались своими усилиями разрушить то, что они называли большевизмом.

Во время этих совещаний представителей союзников вскоре стало очевидным, что я был для них чуждым элементом, и все их удары в случае возникновения недоразумений направлялись против меня. Существовали основные разногласия между политическими линиями, которых придерживались союзники и я, причем эти разногласия нельзя было примирить, до тех пор пока полученные мною инструкции оставались прежними. Англия, Франция и Япония имели своей целью причинить какой только возможно вред большевикам, в то время как я старался держаться в стороне от столкновений с какой-либо из борющихся партий. О принципе невмешательства было оповещено на весь мир, и каждый, кто находился в Сибири, русский или иностранец, знал об этом обещании, прежде чем войска союзников высадились в Сибири. С моей точки зрения такая политика была здоровой политикой, и на земле не существует такого народа, который не возненавидел бы иностранцев, посылающих свои войска на его территорию, для того чтобы поставить во главе правительственного аппарата ту или иную партию. В результате этого не только терпит ущерб престиж иностранца-интервента, но и создается крайне невыгодное положение для той политической группы, которая пользовалась помощью иностранцев.

В тот момент, когда Соединенные штаты приняли участие во внутренней борьбе в России, — что противоречило торжественным заверениям, сделанным президентом Вильсоном русскому народу, — честность намерений Соединенных штатов и лойяльность их отношения к русскому народу были дискредитированы.

Находившиеся в Сибири чехи несомненно были настроены либерально. Они достаточно пострадали от монархического режима и охотно сражались с большевиками только потому, что представляли себе большевиков агентами Германии или Австрии и полагали, что большевики мешают им при осуществлении их стремлений создать чехо-словацкую республику. Когда же чехи поняли, что поражение большевизма означает не только крах всех видов либерализма, но и создание вместо правительственной власти, принадлежащей народу, правительственной власти из тех, кто держал ее в своих руках и при династии Романовых и кто по всей вероятности имел склонность к восстановлению монархии в России, — они не могли более выступать заодно с Англией, Францией и Японией.

Канадцы и китайцы тоже не могли жить душа в душу с этими тремя упомянутыми нациями. Канадские войска представляли собой сознательную и серьезно настроенную войсковую часть. Не будет разглашением тайны сказать, что они не верили в действительность тех агрессивных и репрессивных мероприятий, которые применялись в отношении населения сторонниками Колчака и которые ген. Нокс и Чарльз Эллиот, если и не одобряли полностью, то и не считали недопустимыми и отвратительными. Практика расстрелов, заключения в тюрьму, избиения населения за то, что оно имело свой образ мыслей, — все это было неприемлемым для канадцев. Они не были в состоянии увязать повторные заявления правительств об их традиционной политике невмешательства во внутренние дела русского народа с такими действиями, которые 99,9% из числа знакомых с ними определили бы как вмешательство, да еще в самой предосудительной форме. Однажды один из высших канадских офицеров сообщил мне о серьезных осложнениях, возникших среди канадских войск вследствие их несогласия с некоторыми инструкциями, исходившими от Чарльза Эллиота, верховного британского комиссара; вскоре после этого инцидента канадские войска были отправлены обратно в Канаду. Мне не пришлось познакомиться с официальными объяснениями причин отправки этих войск домой, но в одной

английской книге я нашел заявление, что войска эти были не вполне хороши; автор умалчивает, в каком отношении эти войска оказались недостаточно хорошими. Однако для тех из нас, кто был в Сибири, нет надобности уточнять то, что ясно и без объяснений. Канадские солдаты находились под управлением британских военных властей; поэтому сторонники царского режима не любили клеймить их ужасной кличкой «большевики», что они делали бы, если бы войска эти пришли из Соединенных штатов, а не из Канады.

Представитель итальянского командования заявил мне, что согласно инструкциям, полученным от итальянского правительства, он по всякому предложению должен поддерживать американского представителя. Это ослабляло позицию представителей Англии, Франции и Японии и ставило их в неудобное положение, так как ген. Нокс думал, что он будет определять образ действий военных представителей союзников в Сибири. Как только он понял, что Соединенные штаты ни при каких условиях ни прямо, ни косвенно не будут принимать участия в создании Восточного фронта, он без труда перешел к другой идее — к идее о том, что войска союзников должны быть использованы для борьбы с большевизмом; поскольку при проведении этого замысла Нокс часто встречался с возражениями большинства командующих войсками союзников, его ожесточенность и негодование доходили до высших пределов, и казалось он был в особенности зол на меня и на адмирала Найта. Мне часто передавали, что Нокс был крайне откровенен в своей критике президента Вильсона, и его негодование было настолько сильно, что он терял самообладание и не один раз зло критиковал представителей Соединенных штатов. Однажды вечером, за обедом у англичан, в присутствии гостя-американца Нокс характеризовал адмирала Найта и меня как глупых и упрямых людей.

В сентябре ген. Гайда прибыл во Владивосток, где я впервые и увидел его. Он прибыл в сопровождении ген. Пари, бывшего в то время старшим из лиц французского командования на Дальнем Востоке, и других французских офицеров. Ген. Пари также стремился к созданию Восточного фронта и был склонен критиковать американцев за несоответствие их действий его планам. Ген. Гайда был в то время молодым человеком лет двадцати восьми, гордым достигнутыми им в Иркутске успехами. Так как представители союзников приучили ген. Гайда к мысли о том, что он мог заставить двинуть союзные войска к западу, то я счел полезным пред-

упредить его не рассчитывать на продвижение американских войск западнее Байкала.

К несчастью для единства действий в это время в дело вмешался руководитель американского Красного креста. Всем было прекрасно известно, что Теуслер являлся двоюродным братом Вудро Вильсона. Он прожил в Японии последние 18 лет и был человеком крайних монархических убеждений. Он вероятно ожидал возвращения в Японию после окончания своей краснокрестской работы в Сибири, — во всяком случае затем он вернулся туда. Он проявлял больше симпатий к позиции Англии, Японии и Франции в Сибири, чем к американской политике невмешательства.

Как только ген. Гайда ушел от меня, Теуслер сказал ему, что сказанное мною является выражением политики, объявленной Соединенными штатами, но что если обстоятельства будут требовать этого и если чехи телеграфируют мне, что они нуждаются в военной поддержке, я, Грэвс, не посмею отказаться и должен буду немедленно двинуть свои войска на запад. Майор американской армии Слоутер присутствовал при этом заявлении Теуслера, записал его и при первой возможности переслал эту заметку мне. Д-р Теуслер был родственником Вильсона, и это обстоятельство заставляло сталкивавшихся с ним иностранцев придавать его политическим взглядам большее значение, чем то, которое они придавали бы им, если бы Теуслер не находился в родстве с президентом Соединенных штатов. Майор Слоутер доносил мне, что ген. Пари во время поездки с ген. Гайда к западу «порицал перед чехами позицию Соединенных штатов и что это причиняет нам теперь значительный ущерб».

В сентябре ко мне явился также Семенов, оказавшийся впоследствии убийцей, грабителем и самым беспутным негодяем. Семенов финансировался Японией и не имел никаких убеждений, кроме сознания необходимости поступать по указке Японии. Он всегда оставался в поле зрения японских войск. Он поступал так потому, что не мог бы продержаться в Сибири и недели, если бы не опирался на поддержку Японии. Семенов всегда вел разговоры о «возрождении родины».

В течение сентября и октября представители союзников и русские представители пытались «раскусить» меня, а я в то же время старался «раскусить» их. Не знаю, каких результатов они достигли; что же касается меня, то я весьма скоро разочаровался в союзных представителях. Я ожидал встретить таких представителей союзников и России, в действиях

которых не будет иных мотивов, кроме оказания помощи России. Принадлежавшие к различным политическим партиям русские — монархисты и социалисты-революционеры, представители крестьян и работники земств — приходили повидать меня очевидно с намерением выяснить, каково было мое отношение к интересующим их проблемам; я был рад заявить им, что войска Соединенных штатов не будут вмешиваться в их внутренние дела или в политические вопросы. Это, как и следовало ожидать, нравилось одним и вызывало чувство досады у других. В октябре один русский офицер в форме царской армии пришел ко мне и заявил, что он является лицом, занимающим известное должностное положение. Этот человек сказал мне, что круги, представителем которых он является, хотят, чтобы я перестал встречаться с людьми, с политикой которых эти круги несогласны. На мой вопрос, каким образом они думали держать меня в курсе дела, он ответил: «Мы будем снабжать вас всеми сведениями, которые вам будет необходимо знать». Я сказал, что хочу разговаривать с каждым, с кем мне заблагорассудится. Тогда этот русский, типичный казак, встал, щелкнул каблуками, откозырял и ушел из моей канцелярии, — и я нажил врага из лагеря другой политической партии. Меня это забавляло, и я подумал, что подобное предложение может придти в голову человеку только в такой монархической стране, как старая Россия. Позднее зашел ко мне ген. Нокс и сказал: «Вы начинаете приобретать репутацию друга всякой бедноты; но разве вы не знаете, что все они свиньи».

11 октября я уехал из Владивостока в Хабаровск и дальше, чтобы произвести инспекторский смотр 27-му пехотному полку. Мы получили специальный поезд, но поездная прислуга была крайне ненадежна. Однако в нашем главном штабе оказался один служащий, который раньше занимал крупную должность на этой железной дороге, и он сумел прекрасно и быстро провести наш поезд. Местность, по которой мы проезжали, была крайне интересной; плодородная почва давала прекрасную пшеницу, травы и почти все, в чем фактически нуждался крестьянин. В одном месте, недалеко от Никольска, местность стала походить на безграничные прерии, сплошь засеянные пшеницей, а в другом месте по сторонам дороги, насколько хватал глаз, также видны были поля пшеницы. Не было видно отдельных домов, как мы привыкли к этому в Соеденеппых штатах; крестьяне здесь жили в деревнях и иногда им приходилось итти 5—6 миль, чтобы дойти до своих полей. Им не нужно было огораживать свои

сенокосы. Когда наступало время, крестьяне приезжали, проводили сенокос, складывали сено в стога прямо на землю, огораживали эти стога и оставляли сено лежать так, до тех пор пока оно не понадобится для скота. Мне рассказывали, что крестьяне здесь загоняли скот в небольшую ограду, построенную вокруг таких стогов, и оставляли его тут же, до тех пор пока скот не уничтожал всего сена, после этого его перегоняли к другому стогу, где повторялось та же процедура. Мне говорили, что хлеба в этой местности состояли по преимуществу из пшеницы, овса и гречихи. Местность, по которой мы проезжали в первый день нашего путешествия, очень походила на ландшафты Небраски или Канзаса.

Во время этого путешествия мы пользовались спальным вагоном первого класса Сибирской железной дороги. Это был просторный вагон, имевший девять купэ, причем коридор проходил сбоку вагона. Купэ эти, по желанию помещавшихся в них, могли быть или открытыми или же отделены от коридора раздвигающимися дверями. В вагонах имелись верхний и нижний диваны, которые были расположены не вдоль вагона, а поперек его. Диваны эти были шире и более поместительны, чем такие же диваны в пульмановских вагонах в Соединенных штатах. Ширина железнодорожной колеи в Сибири равна 5 футам вместо принятой у нас в Соединенных штатах ширины в 4 фута 8 дюймов.

Утром 12 октября нам стали попадаться леса, которыми, как нам говорили, так изобиловала Сибирь. В это же утро я заметил тонкий налет льда на луже воды, — мы впервые заметили заморозки, хотя и находились на расстоянии около 400 миль к северу от Владивостока.

В Хабаровск мы прибыли в 10 час. утра и потратили целый день на осмотр жилищ офицеров и солдат 27-го пехотного полка. Я был очень обрадован, когда увидел, как этот полк устроился на зиму.

В сентябре, когда уже начались военные действия или по меньшей мере когда мы думали, что японцы вели эти военные действия, некоторые части 27-го пехотного полка были отправлены в Биру, расположенную на расстоянии 125 миль к западу от Хабаровска. Эти части наших войск занимали также 3 или 4 города, находившихся между Хабаровском и Бирой; мне захотелось посмотреть, как себя чувствуют эти части. Я взял с собой полк. Штейера, и в 6 час. вечера мы отправились по железной дороге в Биру, куда прибыли на следующее утро еще до рассвета. Как только начало светать,

я вышел из вагона, и единственным живым существом, которое я увидел, был американский часовой, ходивший около железнодорожной станции. Я спросил его, каковы были его служебные обязанности, и получил ответ: «Собирать рваную бумагу, если я увижу ее разбросанной около вокзала». На мой вопрос, кто находится в здании станции, последовал ответ: «Японские офицеры и солдаты». Я смотрел кругом в ожидании увидеть городские здания, но ничего не мог заметить, кроме нескольких хижин, разбросанных вдоль реки. Мы нашли американских солдат, поместившихся в нескольких старых вагонах, а капитан, возглавлявший роту, отсутствовал, так как ушел на охоту. Солдаты все были в восторге от своей жизни и выразили надежду, что я разрешу им остаться и провести здесь зиму. Во время осмотра расположения роты я зашел в кухню и заметил, что солдаты роты имели на обед двух больших лососей; на мой вопрос, где и как им удалось поймать эту рыбу, они ответили, что поймали ее в какой-то луже около реки, причем поймали руками. Солдаты добавили, что к их лагерю подходят белки и медведи. Я не видел решительно никаких оснований оставлять роту в Бире и отдал распоряжение полк. Штейеру отправить роту обратно в Хабаровск. На обратном пути мы остановились в Чанке и Инне и инспектировали расположенные здесь войска. Я равным образом не нашел никаких оснований оставлять войска на какой-либо из этих станций и приказал отправить их обратно в Хабаровск.

Я часто удивлялся тому, зачем нужно было японцам держать свои войска на этих заброшенных станциях, и пришел только к одному заключению: только при том условии, что японцы держали войска и на таких станциях, как эти, они могли оправдать отправку в Сибирь 72 тыс. чел. вместо 12 тыс. чел., о которых состоялось соглашение между Японией и Соединенными штатами.

На пути из Биры в Хабаровск мы на протяжении многих миль видели из окон вагона прекрасные леса, являвшиеся частью тех 300 млн. акров девственного леса, который тянется к востоку от Байкальского озера. Я не могу сказать, какие породы деревьев имелись в этом лесу, но говорят, что в Сибири имеется от 50 до 60 разновидностей лесных пород.

Не доезжая Хабаровска, мы пересекли реку Амур; мост, по которому мы переезжали реку, был одним из самых прекрасных мостов, когда-либо виденных мною. Он состоял из стальных конструкций, имел 25 пролетов и был освещен

электрическими фонарями; как мне рассказывали, по длине он занимает третье место в мире.

По приезде в Хабаровск я встретил командующего 12-й японской дивизией ген. Ои и сообщил ему, что распорядился возвратить в Хабаровск все американские войска, расположенные к западу от него. Здесь же, в Хабаровске, я впервые встретил этого знаменитого убийцу, разбойника и головореза Калмыкова. Калмыков был самым отъявленным негодяем, которого я когда-либо встречал, и я серьезно думаю, что, если внимательно перелистать энциклопедический словарь и посмотреть все слова, определяющие различного рода преступления, то вряд ли можно будет найти такое преступление, которого бы Калмыков не совершил. Япония в своих усилиях «помочь русскому народу» снабжала Калмыкова вооружением и финансировала его. Я намеренно рассказываю об этом, так как обладаю доказательствами, которые должны удовлетворить каждого здравомыслящего человека. Там, где Семенов приказывал другим убивать, Калмыков убивал своею собственной рукой, и в этом заключается разница между Калмыковым и Семеновым. Калмыков был — употребляя русское выражение — «ликвидирован» (убит) китайцами, когда после изгнания его из Сибири он пробовал найти убежище в Китае. Что касается Семенова, то он также позднее был изгнан из Сибири и нашел себе приют в Японии, где проживает и до настоящего времени.

Я пригласил Карла Аккермана, представителя газеты «New-York Times», и Германа Бернштейна, от «Herald Tribune», совершить вместе со мною путешествие до ст. Биры. Оба были смелыми наблюдателями, крайне интересовались русскими и очень хотели познакомиться с политикой Соединенных штатов в Сибири.

Я никогда не был в состоянии понять, почему и каким путем население Соединенных штатов было приведено к убеждению, что наши войска отправились в Сибирь, для того чтобы бороться с большевизмом. Я могу понять, почему некоторые иностранцы неправильно представляли себе политическую линию американских войск в Сибири; я могу понять это, так как я знал цель подобного искажения действительности. Конечно, «New-York Times» во время правления Вильсона была прекрасно осведомлена о всех вопросах международного характера, и в Соединенных штатах не было другой газеты, которая имела бы большую возможность получать правильную информацию обо всех обстоятельствах. Карл Ак-

керман, корреспондент этой газеты, прибыл в Сибирь в октябре 1918 г.; несколько позднее, ссылаясь на разговор, который я имел с одним из офицеров по поводу ареста русского, оказавшегося большевиком, он заявил, что мои инструкции этому офицеру «были для него первым указанием на то, что Соединенные штаты далеко не повсюду рассматривали большевиков как врагов союзников».

В качестве примера господствующего ошибочного мнения об использовании американских войск в Сибири можно указать на статью, появившуюся в «New-York Times» 7 декабря 1930 г. В ней приводится ответ ген. Блисса на предложение маршала Фоша о согласованном выступлении союзников против России, данный им на заседании Большой четверки 27 марта 1919 г. Сведения, приводимые в этой статье, исходят по слухам от Герберта Байарда Суопа, председателя делегации представителей печати на Парижской мирной конференции. В этом документе в частности говорится:

«Еще до перемирия Соединенные штаты вместе с другими союзниками послали свои войска в Россию, для того чтобы на ряду с выполнением других заданий предупредить возможность захвата немцами русских запасов военного снаряжения. Эти войска находятся теперь в Сибири и помогают частям русских белых отрядов сражаться с красными».

Войска Соединенных штатов в Сибири ни до перемирия, ни после него не принимали участия в боях против красных. Они приняли участие в военных действиях в сентябре 1918 г., но в то время нам было сообщено, что силы противника, в известной своей части, состоят из германских и австрийских военнопленных. Я поверил этому сообщению, иначе американские войска не приняли бы участия в этих операциях.

В той же статье, на которую я ссылался выше, приведено заявление президента Вильсона, также являвшееся ответом на предложение маршала Фоша; в этом заявлении говорилось:

«Послать войска — значит создать состояние войны, на что Соединенные штаты не могут пойти без предварительного объявления войны Конгрессом; таким образом я не могу послать ни одного человека, если бы я даже хотел, — но я и не хочу этого».

Соединенные штаты никогда не находились в состоянии войны с Россией или с какой-либо политической группиров-

кой в России. Использование своих войск для враждебных действий в Сибири против какой-либо из русских группировок, так же как и посылка своих войск в Россию с целью начать враждебные действия против русского народа,—противоречило бы основам американской конституции. Если бы я разрешил американским войскам быть использованными в боях против «красных армий», то я принял бы на себя огромную ответственность, так как никто из тех лиц, кто имел на это право, не давал мне подобного рода распоряжений. То обстоятельство, что я не позволил вовлечь в военные действия американские войска, является на девять десятых причиной критики, направленной против нас во время нашего пребывания в Сибири. В декабре 1920 г., после моего возвращения с Дальнего Востока в Соединенные штаты ген. Леонард Вуд сказал мне, что если бы я не имел копий с данных мне инструкций, я был бы «растерзан на куски в Соединенных штатах за то, что не принимал участия в борьбе против большевизма».

В начале сентября, тотчас же после моего прибытия в Сибирь, было принято решение отправить войска в Сучанские угольные копи с целью начать их эксплоатацию. Эти копи были расположены на расстоянии около 75 миль к востоку от Владивостока. Они поставляли уголь для приморской области и для железных дорог Восточной Сибири. На протяжении последних 48 верст по направлению к этим копям шла узкоколейная железная дорога. Перед прибытием в эту местность союзнических войск тут бурлил котел политических споров и разногласий между враждующими сторонами. Это привело к тому, что эксплоатация копей фактически прекратилась. Союзное командование бескорыстно решило, что Соединенные штаты должны позаботиться об этом участке. Я согласился, и мы послали в Сучанские копи роту американских войск в количестве 250 чел., роту японских войск и роту китайцев; все эти войска, поскольку дело шло об охране, были подчинены американскому офицеру. На деле оказалось, что этот факт стал «буревестником» наших сибирских переживаний. В этот период интервенции командующие войсками союзников совещались друг с другом по вопросу о положении дел в Сучане и о том, что лучше всего следует предпринять. Владелец копей раньше был изгнан оттуда большевиками; однако союзное командование нашло желательным возвратить его, поскольку он хорошо знал копи, сумел бы по всей вероятности больше добыть угля и

кроме того доставить больше беспокойства американцам. Предприятие это в конечном счете вызывалось соображениями военного, политического и экономического характера. Возвращение прежнего владельца копей создавало новые политические осложнения. Владелец копей заявил нам, что он — инженер и политикой совершенно не интересуется. Однако, получив обратно в руки свою прежнюю собственность, он сильно изменился и вскоре в деле эксплоатации копей стал горячим сторонником методов царского режима.

Для того чтобы иметь возможность получить информацию о положении дел в копях из первых рук, я послал в Сучан вместе с первым отрядом войск начальника моего штаба, полк. Робинсона. Полк. Робинсон пользовался каждым удобным случаем, чтобы объяснить рабочим сучанских копей, что нашей целью было добыть уголь прежде всего для самих же русских. Со стороны рабочих копей полковник встретил дружественное отношение и чувствовал, что большинство прежних шахтеров не возражало против возвращения прежнего владельца.

Полк. Робинсон по своем возвращении донес, что, по его мнению, не было оснований ожидать беспорядков, если только беспорядки эти не будут вызваны самим собственником, который начнет применять репрессивные меры в отношении рабочих, выступавших прежде против него. Полк. Робинсон пытался убедить владельца копей в том, что было бы неблагоразумно начать увольнять рабочих за те беспорядки, в которых они раньше участвовали. Сначала все шло вполне благополучно; но вскоре я начал получать донесения о том, что войска союзников были применены для подавления беспорядков, носивших политический характер. Тогда я послал офицеру, командовавшему отрядом этих войск, телеграмму следующего содержания:

«Войска не должны участвовать в аресте рабочих за их политические выступления, они не имеют права арестовывать и держать в заключении граждан, если только эти последние не совершили каких-либо незаконных актов. Я не могу сажать в тюрьму русского гражданина только за то, что он принял участие в каком-нибудь митинге».

Вокруг Сучанских копий чувство раздражения и жажда мести казалось достигли необычайных размеров. Каждая из сторон всегда приписывала совершение тех или иных действий представителям другой стороны, чего на самом деле не было. Некоторые, настроенные в пользу царского прави-

тельства, питали жажду мести по отношению к Советам, так как до прибытия союзников в Сибирь сторонники царизма были изгнаны из копей. Эти копи, казалось стали стержнем всех волнений, и мы часто еще будем говорить о них в последующих главах.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСЛЕ ПЕРЕМИРИЯ

Подписание 11 ноября 1918 г. перемирия в значительной мере изменило обязанности американских войск и создало новые мотивы для разногласий между мною и представителями Англии, Франции и Японии. Если американцы принимали участие в военных операциях, то их участие было основано на уверенности в том, что войска противника состояли, — по крайней мере отчасти, — из германских и австрийских военнопленных. Если говорить о том рвении, какое проявляли в военных делах представители Англии, Франции и Японии, то следует указать, что представители эти не проводили различия между организациями, состоящими только из большевиков, и организациями, состоящими из большевиков и германских и австрийских пленных. Таким образом, поскольку речь идет о представителях упомянутых трех государств, их войска в одинаковой мере употреблялись для военных действий как до заключения перемирия, так и после него.

В отношении использования американских войск я занял следующую позицию: поскольку Соединенные штаты не находились в состоянии войны с какой-либо партией в России, постольку мы не можем участвовать в каких-либо враждебных действиях, исключая случаев самозащиты или защиты порученной нашей охране собственности. Это мое заявление еще более обострило отношения, бывшие уже и без того натянутыми.

Прошло почти пять месяцев с момента заключения перемирия, до тех пор когда американские войска, в соответствии с полученными из Вашингтона инструкциями, приняли на себя обязанности по охране железной дороги; до этого они несли лишь обычную гарнизонную службу.

5 ноября мне из Государственного департамента была передана по телеграфу выдержка из сообщения Военного департамента, имевшая непосредственное отношение к проис-

ходившим в Сибири событиям. В этом сообщении говорилось, что генеральному консулу было разрешено не только вступить, если возможно, в личный контакт с местными правительствами, но и разрешить подчиненным ему консульским чиновникам оказывать этим правительствам помощь и давать советы в их работе, направленной к улучшению существующего положения. Из этого сообщения таким образом вытекало, что правительство Соединенных штатов еще не собиралось признать какое-либо новое правительство в России. В это время все города, расположенные по линии Сибирской железной дороги, были в руках белых, а все консульские чиновники находились в городах, расположенных вдоль этой железной дороги. «Давать советы и оказывать помощь» местным и муниципальным чиновникам на практике означало давать советы и оказывать помощь исключительно белым, а это естественно дало большевикам основание утверждать, что Соединенные штаты оказывали помощь сторонникам царского режима. Если наши консульские чиновники имели какие-либо личные чувства симпатии к той или иной политической группировке, — что по всей вероятности имело место, — то инструкции эти до некоторой степени создавали возможность для представителей Соединенных штатов принять участие, если они того желали, в борьбе партий.

В качестве примера я хочу сослаться на жену американского консульского представителя во Владивостоке. Во время обеда, на который мы оба были приглашены, она заявила мне, что желала бы стоять во главе американских войск в Сибири. Это свое желание она объяснила тем, что смогла бы тогда послать американские войска, чтобы заставить этот негодный русский народ снова работать. Эта дама заявила также, что мысли о свободе, сидевшие в головах русского народа, привели к тому, что она должна была увеличить своему повару жалование с 10 до 12 долларов в месяц. Наши личные интересы играют большую роль при образовании наших суждений по тем или иным вопросам!

Полученные инструкции, о которых я упоминал выше, были, по моему мнению, той первопричиной, которая, как это оказалось впоследствии, вызвала разногласия между представителями Государственного и Военного департаментов в Сибири. Время шло, от Государственного департамента получались дальнейшие инструкции, и эти инструкции указывали на намерения и желания лиц, находившихся на высших ступенях государственной власти в Вашингтоне. В пер-

воначально же полученных мною инструкциях за все это время не было изменено ни одного слова. Результаты этого были очевидны. Единственная выгода подобной политики, с моей точки зрения, заключалась в возможности легко отвечать своим критикам, ссылаясь в зависимости от обстоятельств на действия то Государственного, то Военного департамента. Позднее на этих разногласиях мы остановимся подробнее.

В апреле 1918 г. дипломатическим представителям союзников было нотифицировано об образовании правительства автономной Сибири, известного под наименованием «Сибирского правительства». В сентябре того же года в Уфе образовалось новое правительство, известное под наименованием «Уфимского правительства», которое являлось правительством всероссийским. Это последнее правительство было создано в результате конференции, в которой приняли участие некоторые члены учредительного собрания, и возглавлялось Авксентьевым, бывшим министром внутренних дел в кабинете Керенского. В начале ноября оба эти правительства вступили в коалицию друг с другом и образовали «Всероссийское временное правительство» во главе с директорией из 5 чел.

В ночь с 18 на 19 ноября директория эта была свергнута, и адмирал Колчак объявил себя «верховным правителем России»; переворот этот был произведен группой белых русских офицеров. В Сибири в то время открыто говорили, что английский генерал Нокс был одним из вдохновителей этого переворота. Нет никакого сомнения в том, что британские войска маршировали по всем улицам Омска в ту ночь, когда произошел этот переворот. Это производило впечатление помощи той части русских, которая непосредственно проводила смену правительства. Равным образом нет никакого сомнения в том, что ген. Нокс имел большое влияние на адмирала Колчака и казалось хотел, чтобы все знали об этом обстоятельстве.

С того момента как адмирал Колчак взял власть в свои руки, в Восточной Сибири появились различные признаки реакции. Те представители союзников, которые симпатизировали монархическому образу правления в России, весьма приветствовали происшедший переворот; русские, которые занимали государственные должности при царском правительстве, были более чем рады перевороту, так как он был единственным событием после падения царского режима, дававшим им надежду вернуть свое прежнее положение.

Крестьянство в Сибири не проявляло своего отношения к перевороту, до тех пор пока правительство Колчака не выявило своих намерений. Крестьянство достаточно устало от боев; оно не было склонно еще раз принять участие в какой-либо войне, а, наоборот, желало избежать этого. Крестьянство было как раз тем классом, который более других затрагивала мобилизация; оно участвовало во всех войнах и во время мировой войны потеряло убитыми больше, чем крестьянство какой-либо другой нации. Семьи этих крестьян переносили во время войны огромные лишения, а когда сами они вернулись с фронта домой, то увидели, что их хозяйственный инвентарь, необходимый для обработки земли, был забран военным ведомством. К русскому крестьянству я питал всегда чувство величайшей симпатии и считал русского крестьянина благородным, приветливым и очень гостеприимным.

Мне часто говорили, что «русский крестьянин очень груб и невежествен»; а я убедился в том, что если дело идет о чем-нибудь, касающемся его личных интересов, то вы не скажете, что русский крестьянин невежествен. Ошибочным является также распространенное в Соединенных штатах мнение, что русский крестьянин не стремится к образованию. Все то, свидетелем чему я был в Сибири, опровергает это мнение. Если вы проходите по деревне, вы повсюду встречаете детей, идущих в школу, и в этом отношении нет никакой разницы между Соединенными штатами и Россией, исключая того только, что в России школьники носят книги в ранцах за спиной, как солдаты. Другим доказательством заинтересованности и стремления к образованию является тот факт, что почти все делегации крестьян, которые приходили переговорить со мной по разным делам, — а у меня перебывало больше сотни таких делегаций, — всегда имели в своем составе школьного учителя.

Когда я впервые попал в Сибирь, я считал своим долгом приступить к изучению народа, его привычек, обычаев, стремлений, и эта работа вскоре меня крайне захватила. После беседы с кем-либо из крестьян я всегда отходил от него с той мыслью, что имею перед собою человеческое существо, обладающее благородным и большим сердцем, буквально выполняющее заповедь: «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой». Крестьяне были простыми людьми и рассуждали они тоже очень просто. Они не имели ни времени, ни возможности изучать национальные или международные вопросы, и обычно их представления

не простирались за пределы их собственных интересов. Какими благами современной цивилизации пользовались крестьяне, чтобы добровольно взяться за оружие и сражаться в защиту кого-либо из союзников или центральных держав? Какие они имели основания думать, что получат большую возможность наслаждаться благами и преимуществами современной цивилизации, чем это было при царском режиме, если по существу в России все останется по-старому?

Адмирал Колчак окружил себя прежними царскими чиновниками; крестьяне не хотели браться за оружие и жертвовать своею жизнью, для того чтобы снова дать власть в руки этих господ, — поэтому крестьян преследовали, избивали и совершенно хладнокровно уничтожали тысячами, а потом... потом весь мир называл их «большевиками». В Сибири словом «большевик» называли каждого человека, который на словах или на деле не содействовал реставрации монархической власти в России.

Наименование «большевик» происходит от русского слова «большинство». Это слово приобрело политическое значение начиная с 1903 г., когда русская социал-демократическая рабочая партия собралась в Лондоне на II партийный съезд. На этом съезде выявились две точки зрения, из которых одна была радикальной и революционной, а другая—умеренной и реформистской. Сторонники первого течения, во главе с Лениным, оказались в значительном большинстве на этом съезде и были названы «большевиками»; представители другой точки зрения, меньшинства, были названы «меньшевиками» — от русского слова меньшинство. До 1912 г. обе эти группы составляли части одной и той же политической партии, но в дальнейшем стало совершенно невозможным примирять существовавшие между ними разногласия.

Начиная с 1918 г. большевистская партия становится известной как Российская коммунистическая партия. С момента русской революции слово «большевизм» слишком «вольно» употреблялось в Соединенных штатах и применялось для обозначения различного рода деятельности, причем действительный смысл этого слова зависел от симпатии или склонности говорившего лица. Слово это в том значении, как оно употреблялось в Соединенных штатах, скорее обозначало «меньшинство», чем «большинство». Его употребляли обычно, когда говорили об оппозиции по отношению к господствующей партии или по крайней мере по отношению к человеку или к людям, в руках которых

находилась власть. Этим словом пользовались, когда речь шла об оппозиции в церковных обществах, в школах, об оппозиции в городских управлениях и т. д. Если попытаться найти значение этого слова в словаре, то это не поможет делу. Если ограничиться определением, которое дается в Standari Dictionary, то слово «большевизм» применяется только к членам «террористической группы демократической партии, которая получила в России преобладание во время революции в марте 1917 г.». Это определение не обнимает даже и находящегося в настоящее время у власти советского правительства, поскольку последнее пришло к власти в ноябре 1917 г.

Слово «большевизм» употреблялось и употребляется в Соединенных штатах неправильно, причем в это слово всегда вкладывается какой-то нехороший смысл; в Сибири же это слово употреблялось во вполне определенном политическом смысле и применялось к каждому, кто не поддерживал Колчака и окружавших его сторонников монархического строя. В Соединенных штатах это слово имеет совершенно иное значение, в особенности, если оно применяется к русским. Американцы представляют себе русских большевиков в виде людей, которые с бомбами в руках стремятся разрушить цивилизацию. Если, как это сейчас имеет место в Соединенных штатах, со словом «большевизм» следует связать представление о каком-то позорном клейме, то этого клейма по всей справедливости менее, чем какой-либо другой класс в Сибири, заслужило русское крестьянство.

Слово «большевик» в том политическом смысле, как оно употреблялось в Сибири, охватывало всех представителей земских организаций, несогласных с мнением Колчака о форме правления, которую следовало установить в России. Эти люди очевидно пользовались доверием народа, среди которого они жили, так как народ избрал этих людей для замещения выборных должностей.

В Сибири никто кроме лиц, принадлежавших к сторонникам Колчака, не пользовался такими благами современной цивилизации, как свобода слова, печати, собраний и легальных действий, т. е. теми свободами, которые являются общепризнанным достоянием каждого цивилизованного народа. Для Колчака было бы крайне затруднительно оправдать свои репрессивные мероприятия в отношении таких легальных, заслуживающих доверия и основанных на законе организаций, каковыми были земства, городские думы и кооперация, если бы по отношению к ним употреблялись их действитель-

ные наименования. Этих затруднений можно было бы легко избежать, — так это и было в действительности, — если бы все оппозиционные элементы, которые не поддерживали Колчака, свалить в одну кучу, назвав их большевиками; подобное наименование, по крайней мере за границей, автоматически вызывало серьезные размышления по поводу данной категории людей. Как могли эти представители земств и тысячи других им подобных русских избежать того клейма, которым их наделяли в Соединенных штатах только благодаря тому, что в Сибири политически рассматривали их как большевиков? Избежать этого можно было только одним путем — отказаться от своих убеждений, забыть свои взгляды на принципы образования правительства, перейти на сторону Колчака и итти вместе с ним.

Очевидно, в Соединенных штатах иммиграционные власти руководствовались той же самой политической классификацией русских, как это делал Колчак в Сибири. Я знаю одного русского, работавшего по линии кооперации в Сибири и не принимавшего участия в политических неурядицах, который по своим делам получил разрешение на въезд в Соединенные штаты в 1919 г. Справки, которые я навел, прежде чем этот человек выехал из Владивостока, убедили меня, что он был честным человеком. Когда он приехал в Сан-Франциско, учреждение, ведавшее делами иммигрантов, его арестовало, а местные газеты обрушились на него, как на самого худшего из всех большевиков Сибири. Почему же все-таки этот человек был большевиком? Он не боролся против Колчака, но большевиком его считали потому, что он не шел заодно с Колчаком.

Теперь рассмотрим другую сторону того же вопроса. В 1919 г. Семенов послал в Вашингтон капитана своего штаба; этот капитан не только не встретил никаких затруднений при въезде в Соединенные штаты, но я читал в газетах, что некоторые из выдающихся американоких деятелей устраивали для него интервью о событиях в Сибири, в то время когда он находился на дороге из Сан-Франциско в Вашингтон. Мне неизвестна цель этого визита агента Семенова, но сам он хвастливо заявлял, что одной из целей посещения им Америки было заставить снять меня с поста командующего американскими войсками. Когда этот капитан вернулся во Владивосток, он заявил, что Военный департамент был к нему очень внимателен, приставил к нему в качестве провожатого полк. Кронина и помог ему встретиться с некоторыми выдающимися деятелями. Он заявил также, что, когда

он покидал Вашингтон, полк. Кронин заверил его, что я буду снят с должности, прежде чем он прибудет во Владивосток. Этот человек представлял в Америке Семенова, и есть все основания полагать, что он обладал теми же преступными чертами, как и его начальник. В Вашингтоне прекрасно знали, что представлял собою Семенов; поэтому следует предположить, что при решении вопроса, следует ли русским разрешать въезд в Соединенные штаты, на такого рода данные внимания не обращали, а считались только с политическими соображениями.

Общее постановление, касающееся иммигрантов, изданное Департаментом труда Соединенных штатов, гласит следующее:

«Законами, касающимися иммиграции, установлено, что только тот иностранец может въехать на территорию Соединенных штатов, который обладает здравым рассудком, является чистым в моральном отношении и физически здоровым».

Если Семенов был «чистым в моральном отношении», то должен признать, что я в своей жизни никогда не встречал человека нечистого в моральном отношении. Разве кто-нибудь в Сибири сообщал о том, что ему приходилось встречаться там с такими требованиями, какие выдвигал наш закон в отношении «моральной чистоты»? Я думаю, что этого не было. Американский генеральный консул Гаррис рассказывал мне кое-что о Семенове и даже прочел мне часть своего доклада, который он отправил в Государственный департамент в Вашингтон; в этом докладе он в сильных выражениях отзывался о личности Семенова и вряд ли можно допустить, — я считаю это совершенно невероятным, — что Гаррис когда-нибудь изменил свое мнение о Семенове.

Отношение рабочих к Колчаку было более враждебным, чем отношение какого-либо другого класса; это было вполне естественно, так как во всех странах рабочий класс находится в таком положении, что более всего ощущает на себе политику своего правительства.

Представители министерства иностранных дел Великобритании, Франции и Америки с самого начала были весьма дружественно настроены в отношении Колчака; такого отношения и следовало ожидать от англичан и французов, которые открыто были настроены против советского режима с самого начала его возникновения. Достойно внимания то обстоятельство, что декларация британского правительства к русскому народу от 7 августа 1917 г., опубликованная в «Cur-

rent History» (том VIII ч. II), не содержит в себе ясного заявления о невмешательстве Англии во внутреннюю борьбу русского народа. Это умолчание не было бы столь показательным и не указывало бы так ясно на намерения британского правительства, если бы Соединенные штаты не обратились в свое время с просьбой ко всем государствам, принимавшим участие в сибирских событиях, торжественно заверить русский народ в том, что государства, участвующие в событиях в Сибири, не имеют намерения вмешиваться во внутренние дела русского народа. Соединенные штаты и Япония сделали специальное заявление по этому поводу, и история должна будет решить, сдержали ли оба государства эти свои обещания, а если не сдержали, то почему именно.

В недавно вышедшей в свет книге Луи Фишера «The Soviets in World Affairs» [1] (т. I, стр. 127) мы читаем следующее заявление Колчака: «Гаррис, представитель Америки, выказывал в отношении меня чувство большой дружбы и чрезвычайную симпатию».

Колчак утверждает, что на другой день после переворота Гаррис обещал новому диктатору поддержку Соединенных штатов, и у тех из нас, кто в то время находился в Сибири, не было ни малейшего сомнения в том, что генеральный консул Америки был ревностным сторонником Колчака и всячески оказывал ему помощь. В беседах со мною консул Гаррис заявил, что он не надеялся урегулировать дела в Сибири иначе, как с помощью кадетской партии, к которой принадлежал Колчак.

Япония не была горячей сторонницей адмирала Колчака, и вначале она, собственно говоря, шла против адмирала. 26 и 28 ноября я получил достойные доверия донесения, в которых говорилось, что один из японских офицеров пытался побудить Семенова объявить себя диктатором Забайкальской области и захватить железные дороги и туннели. 28 ноября, т. е. десять дней спустя, после того как адмирал Колчак стал диктатором в Сибири я получил, казавшееся мне правдоподобным сообщение о том, что Семенову из Токио были даны директивы итти против Колчака и японские представители в Сибири следовали этой политике. Насколько нам было известно, Япония поддерживала войсками и деньгами Семенова в Чите и Калмыкова в Хабаровске; кроме того было известно, — по крайней мере в Сибири, — что Япония вовсе не желает того, чтобы положение в Сибири

---

[1] Международная политика Советов.

было урегулировано и к власти пришло сильное и стабильное правительство. В марте 1918 г. Япония обратилась к союзникам с просьбой разрешить ей одной занять Китайско-восточную и Амурскую железные дороги, так же как и Владивосток, в случае если союзники считают необходимым оккупировать Восточную Сибирь. Несмотря на то, что предложение это вследствие позиции Соединенных штатов потерпело неудачу, Япония не оставила надежд на достижение этой своей цели тогда, когда союзники послали свои войска в Сибирь.

Солдаты Семенова и Калмыкова, находясь под защитой японских войск, наводняли страну подобно диким животным, убивали и грабили народ, тогда как японцы при желании могли бы в любой момент прекратить эти убийства. Если в то время спрашивали, к чему были все эти жестокие убийства, то обычно получали ответ, что убитые были большевиками, и такое объяснение очевидно всех удовлетворяло. События в Восточной Сибири обычно представлялись в самых мрачных красках, и жизнь человеческая там не стоила ни гроша.

В Восточной Сибири совершались ужасные убийства, но совершались они не большевиками, как это обычно думали. Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось 100 чел., убитых антибольшевистскими элементами. В то время когда я был в Сибири, я считал,— да и теперь думаю так же,— что, поощряя все эти убийства, Япония надеялась, что Соединенным штатам надоест вся эта обстановка, они отзовут свои войска и попросят Японию внести ясность в создавшееся положение вещей.

Русские круги, поддерживавшие японцев, всегда были тем центром, где фабриковалась злобная клевета на американские войска. Однажды ген. Хорват зашел ко мне и сказал, что в день, который был уже назначен, местная пресса, находившаяся под контролем японцев, должна была начать в печати жестокую и оскорбительную кампанию против американцев; Хорват сказал, что смысл этой кампании заключался в том, чтобы побудить меня к выступлению и тем самым заставить Соединенные штаты снять меня с командования американскими войсками. Если же я не обратил бы внимания на эту кампанию, русские стали бы нас презирать, так как они не могли себе представить, что человек, в распоряжении которого находится вооруженная сила, не будет реагировать на подобные выступления в прессе, — в том

случае конечно, если возводимые на него обвинения не являются правильными. Эта гнусная кампания началась как раз в тот день, который был указан ген. Хорватом в его разговоре со мною. Я чувствовал, что мне следовало прекратить появление этих непристойных статей; я так и сделал и добился успеха, причем не обошлось без критики по адресу Соединенных штатов, которые, по словам прессы, ратовали за свободу печати, а сами позволили своему представителю в России мешать «русским» газетам излагать «факты».

В книге Луи Фишера „The Soviets in World Affairs" (том I, стр. 227) можно найти подтверждения того, что сказано выше о поведении войск Соединенных штатов в Сибири. Фишер говорит: «Колчаку также не нравилось поведение американцев».

Это очень похоже на истину. Недовольство Колчака объяснялось не поведением войск Соединенных штатов; оно всецело определялось тем обстоятельством, что американские войска не помогали сторонникам Колчака распространять террор на крестьян и рабочих, не совершавших никаких преступлений, живших мирной жизнью и не видевших причин, в силу которых они должны были взяться за оружие и попытаться вернуть царским чиновникам утраченную ими власть. Фишер далее указывает на то, что Колчак получил от одного агента из Владивостока донесение, датированное 12 декабря 1919 г., в котором говорилось следующее:

1. Солдаты Соединенных штатов заражены большевизмом.

2. Большинство из них — евреи из восточной части города Нью-Йорка, которые постоянно подстрекают население к восстаниям.

Приведенная выдержка характерна для тех обвинений, которые выдвигались в Сибири против американцев. Хотя обвинения эти и не подтверждались фактами, но к ним всегда прибегали, когда хотели заставить войска Соединенных штатов принять участие в актах террора против беззащитного и мирного населения или же в случае неудачи этой попытки заставить их покинуть Сибирь, чтобы таким образом избавиться от того сдерживающего начала, каким были наши войска.

Поскольку мне известно, в Вашингтоне никто никогда не выступал гласно с заявлением о тех инструкциях, которые были даны действующим в Сибири американским войскам, или же о насилиях, совершенных в Сибири сторонниками Колчака. Публичные заявления делались по вопросу о по-

литике Соединенных штатов, но в печати ничего не сообщалось о том, что я должен был следовать этой политической линии.

После моего отъезда из Сибири мне по телеграфу было предложено воздерживаться от обсуждения сибирских вопросов; в Сибири было совершено много таких действий, разглашение которых было весьма нежелательно их участникам. Почтенные и объективно настроенные авторы работ об интервенции в Сибири будут получать нужную им информацию из всех доступных источников, и если представители Соединенных штатов не выступали публично с заявлениями о целях этой интервенции, то авторы эти воспользуются каким-нибудь ненадежным источником; можно быть почти уверенным в том, что такой источник даст представление о Соединенных штатах как о стране, которая весьма нерешительно выполняла свой долг, — не потому, что солдаты Соединенных штатов вели себя недостаточно храбро, но потому, что армия Соединенных штатов не делала того, что, по мнению данного лица, следовало делать, и тем самым поощряла развитие большевизма.

Поскольку представители Англии, Франции и Японии после окончания интервенции официально заявили, что боязнь распространения большевизма на Дальнем Востоке оказывала сильное влияние на их образ действий в Сибири, нельзя не придти к убеждению, что эти правительства были не вполне искренни в своих заявлениях непосредственно перед началом интервенции, т. е. тогда, когда слово «большевизм» даже не упоминалось в публичных заявлениях, делавшихся перед всем миром представителями какой-либо из наций, принявших участие в интервенции в России.

Что касается заявления Колчака, о котором говорит Фишер в своей книге, то было хорошо известно, что русские, сторонники Колчака, постоянно пытались дискредитировать каждого иностранного представителя в Сибири, который не поддерживал адмирала, причем сообщения их не имели ничего общего с фактическим положением вещей; доказательством этого может служить приведенное выше утверждение о том, что большая часть американских войск состояла из нью-йоркских евреев; в действительности же большая часть американских войск состояла из лиц, мобилизованных на побережьи Тихого океана. Зачем понадобилось этим русским выступать с подобным утверждением? Причиной является то обстоятельство, что сторонники Колчака потеряли всякую надежду на получение активной военной поддержки со сто-

роны американских войск; если бы весь мир и в особенности окружавшие Колчака царские чиновники поверили, что Соединенные штаты послали в Сибирь войска, состоявшие из русских евреев, то становилось совершенно понятным, почему мы не поддерживали Колчака. Эти ложные донесения носят не случайный характер, — они появлялись почти ежедневно в течение нескольких месяцев и наконец приняли характер недопустимых злобных инсинуаций. Мне пришлось заявить Сукину, колчаковскому министру иностранных дел, что если эти выпады не прекратятся, я арестую издателя газеты и запру на замок помещение редакции. Я был вынужден применить такое сильно действующее средство, потому что в газете появилась статья, называвшая всех американцев дегенератами, помещались и другие заявления, повторять которые я не могу из самого элементарного чувства приличия.

Из Вашингтона я получил указания, что в будущем в подобных случаях я должен действовать через Государственный департамент. Я думал все же, что случай, подобный вышеописанному, был одним из таких, когда дипломатическая форма выражений и дипломатическая процедура вряд ли могут дать нужный эффект, в то время когда я без этих тонкостей до известной степени обуздал эту злобную и грубую пропаганду. В то время когда в печати продолжались эти ожесточенные выпады против нас, состоявший при мне для связи офицер Колчака сообщил, что два русских генерала, оба сторонники Колчака, прекратят пропаганду против меня и других американцев в том случае, если я буду платить им 20 000 долларов ежемесячно.

Причиной того, что Япония желала вывода наших войск из Сибири и ожидала, что Соединенные штаты обратятся к ней с просьбой привести в порядок сибирские дела, было, по моему мнению, стремление освободиться от данного ею по просьбе Вильсона торжественного обещания русскому народу не нарушать ни в данную минуту, ни позднее территориальной целостности России. Япония совсем недавно вступила в ряды великих держав и естественно стремилась к тому, чтобы ее действия совпадали с образом мыслей других великих держав, поскольку дело шло о торжественном исполнении обязательств, вытекающих из международных соглашений. А это требовало согласованных действий.

Захват власти Колчаком был неожиданным для чехов. Они установили новое сибирское правительство в городах вдоль

Сибирской железной дороги и, как об этом говорилось выше, отрицательно относились к верховному правителю. Ген. Гайда еще более усложнил положение, заявив, что он высказывается в пользу установления диктатуры до того момента, когда Чешский национальный совет сформулирует свою политическую линию. Гайда заявил, что русским народом можно править не посредством убеждения, а только кнутом и штыком; он высказывал также мнение, что для восстановления порядка и искоренения большевизма необходима сильная диктатура. Эти заявления Гайды были широко распространены в Сибири и увеличили популярность Гайды среди русских, являвшихся сторонниками адмирала Колчака. На чехов однако эти заявления произвели совсем иное впечатление. Выяснилось, что дивизия Гайды не одобряла его точки зрения, и в Сибири началась ожесточенная критика действий Гайды и его русских сторонников. Солдаты Гайды обвиняли русских офицеров, находившихся в штабе, и причины военных неудач объясняли русскими методами управления. В результате этого чувство антипатии чехов к русским сильно возросло, и чешские офицеры и солдаты начали вести себя вызывающе в отношении русских. Чехи открыто заявляли, что чешские унтерофицеры лучше русских офицеров. 20 ноября стало известно, что Чешский национальный совет решил выпустить прокламацию против диктатуры, базируясь на том, что чехи не могут одобрить нелегального установления правительственной власти без согласия тех, кем будут управлять, — и именно они, т. е. народ должен был определить форму правления. Тогда Гайда выступил с заявлениями, позорящими Чешский национальный совет, и пытался задушить всякую пропаганду против колчаковского режима. Эти действия Гайды еще больше оттолкнули от него его войска и заставили бы их не принимать участия в подавлении восстаний, которые могли вспыхнуть против войск Колчака. Среди руководителей чехов произошел сильный раскол, образовалась группа, известная под наименованием «учредиловцы», и другая группа, находившаяся в оппозиции к первой группе.

Как раз в тот момент, когда среди чехов господствовало такое напряженное состояние, Гайда издал приказ об отправке на фронт и наступлении на Пермь 5-го чешского полка. Полк этот категорически отказался выступить и послал делегатов в совет, чтобы объяснить причины своего отказа. Причины эти были следующие:

«1. Нежелание вмешиваться в раздоры русских. Если союзники действительно желают бороться с большевиками, то они должны прислать свои войска на помощь.

2. Воевать сейчас — значит действовать в пользу омского правительства, которое они не хотят поддерживать...

3. Сомнения в том, что борьба с большевиками является именно тем, чего желают союзники».

Вскоре после колчаковского переворота рабочими уральских заводов подготовлялось восстание; однако чехам удалось его предупредить.

Чешские офицеры, или, вернее, высшие чины из чешских офицеров очень хотели сделать что-нибудь, для того чтобы смыть позорное пятно, наложенное неповиновением 5-го полка, и предупредить возможность дальнейших раздоров в своих рядах. Ген. Сыровой вызвал Гайду в Челябинск и затем отдал приказ 5-му полку отправиться на фронт, причем однако было установлено, что военные действия не начнутся до прибытия ген. Стефанова, военного министра Чехо-Словакии.

4 ноября была получена телеграмма от президента Массарика, в которой он просил чехов держаться, пока не придет помощь от союзников. Я не знаю, откуда президент Массарик получил сведения об этой помощи, но, надо полагать, что из французских источников. Во время моего пребывания в Сибири я видел сообщение, написанное на французском языке и подписанное майором Гинэ (француз) и де-Витт Пулем (американец), в котором чехам обещали, что союзники скоро придут к ним на помощь; одновременно к чехам обращались с просьбой удерживать в своих руках железную дорогу. Эти сведения были для меня особенно интересны, поскольку мне было сказано категорически, что американские войска не пойдут дальше на запад от Иркутска. Если американские войска не шли на помощь к чехам, то мне представляется непонятным, почему Пуль принял участие в заверении чехов о том, что скоро придет помощь от союзников. В этом опять-таки проглядывает отсутствие дружной и согласованной работы у представителей Америки.

Ген. Сыровой заявил, что чехи поступили плохо в отношении омского правительства, не выполнив обязательств по отношению к русскому народу в деле защиты его прав. Чехи проявляли явное желание узнать, будут ли сторонники Колчака действовать по вопросу о народных правах в согласии с точкой зрения чехов. Чешские войска были уведены

с фронта, и Гайда получил отпуск без всякой просьбы об этом со своей стороны.

24 декабря Гайда был поставлен во главе всех сибирских сил в Екатеринбургском округе, — что несомненно было наградой за оказанные им Колчаку услуги, — и тотчас же приступил к составлению плана военных действий. Как и следовало ожидать, у чехов возникли некоторые трения с участвовавшими в этих действиях войсками Колчака.

К 20 января 1919 г. все чешские войска на фронте были заменены белыми частями русских, причем чувствовалось, что белые были рады уходу чехов. Население же некоторых деревень, в которых размещались чехи, было опечалено их уходом и просило остаться жить там навсегда. Многие из чехов серьезно задумывались над этим предложением, но мне неизвестно, сколько человек его приняло. Чувствовалось, что чехам не удастся избежать дальнейших осложнений с колчаковскими войсками в связи с тем излишком оружия и снаряжения, который они должны были вернуть перед своим уходом.

Следует отметить, что эти чехи в Сибири были изумительными солдатами и всегда выполняли свой долг. Казалось, в их рядах не было колебаний, и если на них возлагали выполнение той или иной военной задачи, они не терпели постороннего вмешательства и исполняли свой долг так, как они считали правильным.

Во время моего пребывания в Сибири официальные отношения между представителями Англии, Франции и Японии с одной стороны и мною с другой становились все более и более напряженными. Представители эти, казалось, не выносили никого, кто не оказывал Колчаку активной поддержки. Я лично в то время думал, что если бы адмирал Колчак сумел осуществить свои планы, о которых столько говорилось, то можно было бы надеяться, что ему удастся создать правительство, занимающее среднее положение между позициями крайних группировок, — правительство, которое могло бы оказаться приемлемым для огромной массы населения России. В особенности я утвердился в таком мнении, после того как в 1919 г. Колчак дал Г. Шаркою, представителю «Associated Press», новогоднее интервью, излагавшее все основные тезисы, которыми Колчак хотел руководствоваться при создании сибирского правительства. Позднее однако я пришел к заключению, что Колчак не пользовался доверием народных масс и не был поэтому в состоянии создать правительство. Я попробовал единственный раз

сослаться на это интервью; результат был по меньшей мере неутешителен, и этот случай был первой и последней моей попыткой выступить в качестве посредника между двумя враждующими русскими политическими группировками.

Несколько членов партии эсеров,— я вспоминаю Геймана и Моравского, которые прежде оба были членами «правительства Дербера» в Сибири, — зашли повидать меня; я обратил их внимание на основные принципы создания правительства, опубликованные адмиралом Колчаком, и заметил, что эти принципы совпадали с теми, которых они, по их же словам, придерживались. Эсеры усмехнулись и сказали, что я не понимаю России и что это интервью было дано только для «внутреннего употребления» в Соединенных штатах. Они заявили, что адмирал Колчак и окружающие его люди не собирались проводить в жизнь опубликованные Колчаком политические принципы. Я продолжал настаивать и просил их сказать мне, будут ли они поддерживать Колчака, если он будет проводить в жизнь те принципы, о которых он заявил во всеуслышание. Эсеры в конце концов ответили утвердительно и добавили, что все, чего они хотят, это убедиться в том, что эти провозглашенные Колчаком принципы будут проводиться в жизнь. Я обрадовался этому и попросил ген. Романовского, который в то время руководил политическими делами омского правительства, зайти переговорить со мною; однако, когда я передал ему то, что мне сказали эти эсеры, и спросил его, считает ли он возможным итти вместе с ними и попытаться прекратить бесполезное кровопролитие, Романовский пришел в ярость и сказал:

«Эти люди говорят о том, на каких условиях они поддержали бы омское правительство. А ведь они, эти люди, о которых вы говорите, были бы уже давно рады придти к омскому правительству поклониться в ноги, просить прощения и искать возможности поддержать адмирала Колчака».

В начале 1919 г. я начал понимать, что генеральный консул Соединенных штатов Гаррис был настроен против моей точки зрения о «невмешательстве во внутренние дела России» и поддерживал Колчака везде, где только мог. Равным образом я начал чувствовать, что у меня имелись враги и в Вашингтоне. Я незадолго до этого находился в Вашингтоне на военной службе и сохранил в армии кое-кого из друзей; поэтому я стал наводить справки, чтобы установить, кто был моим действительным другом и кто интриговал против меня. Это дало мне возможность судить о том, — по крайней

мере к моему личному удовлетворению, — в каких учреждениях мои действия вызывали одобрение и в каких меня порицали. Так например я получил из Вашингтона телеграмму, в которой в резкой и ядовитой форме указывалось на отсутствие с моей стороны контроля за выполнением правил цензуры и говорилось в порядке подтягивания, что этому делу я должен лично уделять внимание. Тогда я стал знакомиться со всеми сообщениями, которые были отправлены из моего штаба, но не мог найти ни одного нарушения правил о цензуре. После этого я понял, что все зло заключалось в стоявшем во главе разведывательного отдела ген. Мальборо Черчилле, который действовал по чьему-то приказанию. Я начал тогда следить за сообщениями моего штаба, которые по правилам Военного департамента должны были проходить через разведывательный отдел, и позднейшие события полностью подтвердили правильность моих предположений. Я рад констатировать, что за исключением разведывательного отдела другие отделы Военного департамента не только не критиковали меня, но оказывали мне всяческое содействие и помощь. Чтобы избежать того, что по моему мнению являлось просто невполне корректным отношением к моим донесениям, поступавшим естественно в разведывательный отдел, я часто отступал от предписанных мне правил сношений и некоторые свои доклады адресовал непосредственно начальнику Штаба, а не адьютанту. Когда я разобрался в телеграмме, в которой говорилось о моем якобы невнимательном отношении к делу цензуры, я по телеграфу сообщил начальнику Штаба ген. Марчу, что не могу найти никаких упущений в работе моего штаба, поскольку дело касается вопросов цензуры, и выразил сожаление, что в телеграмме не было конкретно указано, в чем именно заключалась допущенная мною небрежность. От ген. Марча я получил ответ, в котором говорилось, что мое мнение о работе цензуры было совершенно правильным и что он проследит за тем, чтобы мне более не надоедали подобного рода указаниями.

Вскоре после моего прибытия в Сибирь ко мне из разведывательного отдела в Вашингтоне явилось для работы в области контрразведки в Сибири 15 офицеров, принадлежащих к высшим кругам общества. Насколько я помню, большинство из них вышло из Educational Institutions; я был очень рад их приезду и тому, что эти люди занимали в Соединенных штатах известное положение и имели солидную репутацию. Я был достаточно осторожен, и потому

постарался предварительно убедиться в том, насколько эти офицеры понимают распоряжение «не вмешиваться в политические дела и в политические конфликты».

После этого я послал прибывших офицеров в различные части Сибири, в города, расположенные по железной дороге, с целью получить от них сведения о военном, политическом, социальном и экономическом положении в Сибири. Вскоре я получил из военного министерства телеграмму, в которой говорилось, что по вопросу о положении в Сибири правительство ожидает информации от представителей Государственного департамента. Эта телеграмма меня крайне поразила. Поскольку в ней не было никаких инструкций по моему адресу, смысл ее был ясен: правительство давало мне понять, что все мои донесения о Сибири и о здешних условиях будут оставлены без внимания. Подобная странная телеграмма имела какой-то внутренний смысл, который нельзя было уяснить сразу. Ведь если Соединенные штаты хотели знать действительное положение дела в Сибири, то почему они предполагали игнорировать информацию, исходящую от большей части представителей Соединенных штатов? В отношении возможностей сбора фактов наше военное ведомство находилось в лучшем положении, чем Государственный департамент, так как оно располагало значительно бóльшим количеством наблюдателей и бóльшим количеством пунктов, из которых поступали доклады; вместе с тем я не могу допустить, чтобы представители военного ведомства были менее развиты, чем находившиеся в Сибири консульские представители Соединенных штатов. Если Государственный департамент не придавал значения донесениям военных представителей, то почему же тогда попросту не бросать их в корзину? Зачем заявлять мне, что на мои донесения собираются не обращать внимания? Причина заключалась в том, что эти донесения военных представителей чем-то были неприятны Государственному департаменту. Последний хотел иметь информацию определенного направления; это выяснилось из посланной им представителю Военноторгового совета, Августу Хейду, телеграммы, в которой Государственный департамент отмечал, что он, Хейд, не посылал такой информации, какую департамент хотел бы получать из Сибири от своих представителей. Представители военного ведомства не поддерживали ни одной из политических группировок и были в состоянии поэтому представлять в своих донесениях факты такими, какими они их наблюдали, вне зависимости от степени бла-

гоприятности этих докладов для той или иной политической группировки.

Я снесся с военным министерством и попросил сообщить, что означала полученная мною телеграмма. Ген. Марч ответил, что моя информация его вполне удовлетворяла и просил меня придерживаться той же линии в дальнейшем. Для меня тогда стало ясно, что генеральному консулу Гаррису или русскому отделу Государственного департамента в Вашингтоне, — причем все они поддерживали Колчака, — не приходилась по вкусу та информация, которую давали об омском режиме военные представители. Я был очень раздосадован телеграммой Марча, так как она разъяснила мне, что Государственный департамент или кто-то из чинов этого департамента принимает меня за слабого человека, которого легко можно запугать или отклонить от той линии поведения, которой он считает своим долгом придерживаться.

В то время в Соединенных штатах широко критиковали действия американских войск в Сибири. Эта критика принимала различную форму: одни высказывались в том смысле, что американцы стали большевиками; другие говорили, что наблюдать за положением дел мы можем из Соединенных штатов так же хорошо, как из Сибири; а некоторые считали неудачным назначение меня на пост командующего американскими силами, так как у меня не было опыта командования большими войсковыми частями. Самым суровым из критиков был Жорж Гарвей, представитель «Harvey's Weekly». Он конечно, как и всегда, дал волю своему сарказму не только против меня, но также против военного министра, выбор которого при назначении командующего американскими войсками пал на меня. Вся эта критика мне была хорошо известна, так как стала каждодневным, обычным явлением. Американский консул в Сибири передавал в Государственный департамент по телеграфу ежедневно и без комментариев все клеветнические, лживые и грубые статьи, которые появлялись во владивостокской прессе по поводу действий американских войск. Все эти статьи и критика американских войск Соединенных штатов были проникнуты общей мыслью — обвинением этих войск в большевизме. Такое обвинение не могло основываться на каких-либо действиях американских войск, так как никогда не было такого случая, чтобы наши войска оказывали помощь большевикам или делали что-либо к выгоде для них; однако сторонники Колчака, в том числе и генеральный консул Гаррис, выдви-

гали против нас то же обвинение, как и против всякого в Сибири, кто не поддерживал Колчака.

Очевидно, эти разговоры получили в Соединенных штатах настолько широкое распространение, что правительство решило,—по крайней мере мне известен один такой случай,—«подловить» тех американцев, которые служили в Сибири. Это вытекает из инцидента, имевшего место в ноябре 1921 г. в Нью-Йорке, в «Commodore Hotel». Некая инициативная группа приняла меры к тому, чтобы возможно большее число американцев, служивших в Сибири, собралось на обед, организованный в «Commodore Hotel» в Нью-Йорке. На этот обед собралось около 60 чел., и все прибывшие или сами служили в Сибири, или были родственниками тех, кто там служил. Мы оба, адмирал Найт и я, также были в числе присутствовавших. После того как мы сели за стол, человек, неизвестный никому из членов инициативной группы, вошел в комнату и занял место за столом. Старший из членов инициативной группы воспользовался случаем и спросил этого вновь прибывшего, кто он такой. Неизвестный показал тогда значок министерства юстиции и заявил, что он получил из Вашингтона приказ присутствовать на нашем собрании, что он останется на нем и советует членам организационного комитета не поднимать шума. Об этом случае нам стало известно только после обеда, когда один из представителей организационного комитета повидал директора гостиницы и попросил его дать объяснения всему случившемуся. По словам директора гостиницы неизвестный предъявил ему такие бумаги, что ему ничего не оставалось делать, как пропустить его в зал, где происходил обед. Для меня нет сомнения в том, что агент департамента юстиции был подослан на этот обед каким-то официальным учреждением правительства Соединенных штатов; насколько мне известно, практика посылки тайных агентов департамента юстиции на обеды частных лиц практикуется только в тех случаях, когда налицо имеется опасность разрушительной деятельности, направленной против Соединенных штатов. Но в данном случае каждый из присутствовавших на этом обеде сделал в течение войны для Соединенных штатов все, что было в его силах; эти люди гордились тем, что они послужили своей родине, и наша страна должна была быть благодарной им за их службу. Все те, кому этот инцидент стал известен, чувствовали себя униженными и оскорбленными. Если бы я знал о присутствии этого человека еще во время обеда, я посоветовал бы потребовать от админи-

страции гостиницы удаления этой личности из столовой и в случае отказа я предложил бы всем гостям разойтись; я не мог бы спокойно сидеть за обедом, в то время когда агент департамента юстиции следил за моими движениями или за тем, что я говорил. И это все произошло после того, как адмирал Найт отдал службе на пользу своей родной страны больше чем 40 лет своей жизни, а я — 37 лет моей жизни.

В декабре 1918 г. была сделана вторая попытка ограничить свободу действий военных представителей Соединенных штатов в Сибири. Ген. Нокс зашел ко мне в штаб и показал мне сообщение британского правительства, одобрявшее предложение Нокса о том, чтобы ген. Жанен (француз) был поставлен во главе командования всеми русскими и союзными силами, оперирующими против большевиков, и что он, ген. Нокс, получает командование над путями сообщения и руководство по обучению войск. Я думаю, он хотел узнать, как я отнесусь к его предложению; ведь ему было хорошо известно, что американские войска не сражались против большевиков и не подчинялись ни ген. Ноксу, *ни ген. Жансну.*

По моему мнению, было бы величайшим несчастьем, если бы Соединенные штаты пошли на подчинение американских войск в Сибири командованию англичан, французов или японцев. Со стороны этих государств постоянно делались попытки создать именно такое положение, и если бы попытки эти увенчались успехом, то нет никакого сомнения в том, что американские войска были бы использованы, для того чтобы убивать русских за их политические убеждения. Не говоря уже о том, что это было бы скверным само по себе, чрезвычайно важно для американского народа и другое соображение, а именно то, что при таком положении американские войска были бы использованы для возбуждения ненависти русского народа против Соединенных штатов. Для достижения этой цели и создавалась нужная обстановка.

Англичанам и французам нельзя было поручить охрану железной дороги, используемой исключительно для Колчака и вопреки интересам огромных народных масс русского населения, так как эти нации не послали в Сибирь достаточного количества войск, которое могло бы позволить им принять участие в охране железнодорожной линии. Было ли это неучастие в охране железной дороги задумано, для того чтобы гнев народа падал на другие нации, которые, охраняя железную дорогу и тем самым помогая одной из борющихся

сторон, использовали войска для продолжения русской войны? Англичане имели в Сибири в два или три раза больше офицеров, чем Соединенные штаты, но у них было очень мало солдат. Несмотря на это, Фишер в своей книге «Soviets in the World Affairs» (в томе I, на стр. 197), говорит:

«Главное командование над всеми силами интервентов и Колчака одно время принадлежало британскому генералу Ноксу и позднее — французскому генералу Жанену».

Это заявление не соответствует действительности, поскольку в течение всего времени моего пребывания в Сибири никто из иностранцев не командовал американскими войсками, и крайне интересно знать, откуда Фишер получил такие сведения. Кто дал такую информацию и зачем это было нужно? Приходится допустить, что эта информация исходила от некоторых английских и французских представителей, которые думали, что этим путем они будут содействовать усилению престижа Англии и Франции.

13 декабря 1918 г. ген. Нокс заявил мне, что он из Англии получил все необходимое для вооружения и снаряжения 100 тыс. русских. В тот же день я сообщил военному министерству следующее:

«Все сведения, которые мне удалось получить, приводят меня к выводу, что правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком, не может более продолжать свое существование». В том же письме я говорил:

«Русские продолжают заявлять мне, что в связи с нашим здесь пребыванием монархически настроенные элементы получили возможность пытаться восстановить монархическую форму правления в стране, что Соединенные штаты теряют свой престиж в глазах русских, и что русский народ уже не верит более в наше стремление установить в других странах представительную форму правления».

Государственный секретарь сообщил военному министру, что «мнение, высказанное ген. Грэвсом, до некоторой степени отличается от мнений других представителей американского правительства в Сибири».

В начале декабря 1918 г. действия атамана Калмыкова и уссурийских казаков стали меня крайне беспокоить. Соединенные штаты просили Японию присоединиться к политике органичительного использования посланных в Сибирь американских войск; естественно, каждое действие японцев или русских агентов, оплачиваемых Японией, могло дискредитировать Соединенные штаты или наоборот способствовать укреплению их престижа. Поскольку Соединенные штаты

пригласили Японию следовать их образу действий в Сибири, русские были уверены, что Япония должна действовать заодно с Соединенными штатами. Япония же, стремясь расчленить русский народ и помешать созданию в Сибири крепкого правительства, вскоре прибегла к услугам Семенова и Калмыкова. Трудно представить, чтобы в эпоху современной цивилизации мог существовать человек, подобный Калмыкову; вряд ли проходил хоть один день без сообщений об ужасных зверствах, совершаемых Калмыковым или его войсками. 1 декабря в своем донесении в Военный департамент я говорил в частности следующее:

«Конечно, в соответствии с полученной мною инструкцией не принимать участия во внутренних распрях, я ничего не могу сделать, кроме как сообщить в японскую главную квартиру о том, что бесчинствам Калмыкова следует положить конец и что его поведение является позором для цивилизации. Я так и поступил, сообщив об этом и Калмыкову. Прекрасно известно, что Калмыков оплачивается японцами и если Япония перестанет поддерживать его, то бесчинства немедленно прекратятся».

Несколько позднее я в письменной форме предложил японскому командованию совместно нотифицировать Калмыкову следующее: если он, Калмыков, будет продолжать убивать русских, то мы не остановимся перед применением силы, которая может оказаться необходимой, для того чтобы арестовать его, выдать русским и отдать под суд. От японской главной квартиры я получил ответ, в котором говорилось:

«Калмыков еще 28 ноября обещал, что он больше никого не будет убивать, и сдержал свое обещание; однако, если вы того желаете, японское командование присоединится к той нотификации, которую вы предлагаете сделать».

Совершенно очевидно, что Калмыков не убивал там, где американцы могли удостовериться в факте совершонного убийства, но так же очевидно, что он расправлялся со своими жертвами там, где американцы не могли видеть оставленных им трупов. Как-то ко мне в штаб пришли две женщины из города, находившегося на расстоянии 200 или 300 миль от Владивостока; эти женщины рассказали мне, что казаки Калмыкова прошли через их село и забрали с собою их мужей. Они просили меня помочь им установить, живы ли их мужья и, если они живы, то где они находятся. Я приказал старшему из моих офицеров в Хабаровске спросить Калмыкова, где находились эти люди. Калмыков ответил на это, что они убежали, и дал моему офицеру копию распо-

ряжения, которое он послал на все станции железной дороги о новом аресте этих лиц. Позднее оказалось, что, когда поезд, в котором они находились, проходил по мосту через озеро, Калмыков остановил поезд, приказал привязать этим людям камни на шею и бросить их в озеро.

Донесения об ужасных зверствах, совершаемых войсками Калмыкова, продолжали поступать в американскую главную квартиру почти ежедневно, но я ничего не мог сделать, так как не имел возможности проверить этих сообщений.

Калмыков получил власть весною 1918 г., после того как был избран атаманом уссурийских казаков. Эти последние уполномочили его получить от союзников заем, чтобы помочь казакам произвести весенние посевы. Япония предоставила такой заем с условием, что уссурийские казаки не присоединятся к большевикам. Выплаченные Японией деньги дали Калмыкову возможность отправиться на станцию Пограничная и набрать там казачью дивизию, при которой в должности советника по организации войск состоял японский майор. Эти сведения были сообщены агентами Калмыкова во Владивостоке.

В течение уссурийской кампании, с июля и до сентября 1918 г., казаки Калмыкова участвовали в военных действиях и вошли в Хабаровск вместе с японскими войсками 5-6 сентября. Калмыков остался в Хабаровске и установил там режим террора, вымогательства и кровопролития; это, возможно, и послужило причиной того, что его войска восстали и обратились за помощью к американским войскам. Под предлогом искоренения большевизма Калмыков прибегал к поголовным арестам состоятельных людей, пытал их, чтобы заставить их отдать ему деньги и ценности, и казнил некоторых из них по обвинению в большевизме. Эти аресты стали настолько повседневным явлением, что терроризировали все классы населения; насчитывали много сотен человек, расстрелянных войсками Калмыкова в окрестностях Хабаровска. Мы устанавливали факты совершения убийств по рассказам крестьян и по показаниям под присягой местных властей. Наконец войска Калмыкова начали пороть и избивать своих же собственных командиров, и 6 декабря один из офицеров разведки 27-го пехотного полка донес, что положение становится серьезным. Конечно нельзя назвать предательством тот факт, что 28 декабря часть войск Калмыкова явилась в главную квартиру 27-го полка, просила разрешения вступить в ряды армии Соединенных штатов, а многие из них просили помочь им выбраться из Хабаровска.

Японцы забеспокоились, и по их распоряжению в Хабаровске был произведен обыск с целью найти оружие. В результате обыска было найдено 218 винтовок, 138 револьверов и много боеприпасов.

В ночь с 27-го на 28 января 700 чел. из состава войск Калмыкова дезертировало. 300 из них скрылись в окрестностях города, около 30 обратились с просьбою о помощи к китайским войскам, а 398 чел. с лошадьми и вооружением, в том числе 4 орудиями и 3 пулеметами, явились в штаб нашего 27-го пехотного полка и заявили старшему из офицеров, что они выдадут ему все оружие и снаряжение, если он окажет им защиту от Калмыкова; в случае же, если американское командование не примет их под свою защиту, они вернутся и будут сражаться с остатками войск Калмыкова. Согласно сведениям, полученным из японских источников, у Калмыкова в тот момент оставалось еще около 400 казаков. Командующий американскими войсками в Хабаровске в своем рапорте по поводу этого говорит следующее:

«В целях предупреждения кровопролития и грабежа среди гарнизона в городе и по соседству с ним и для обеспечения безопасности наших войск я организовал охрану этих дезертиров и лишил их возможности грабить и вносить беспорядок. Все это было совершено в полном спокойствии и в соответствии с желаниями мятежников, которые не имели в своей среде лиц, могущих руководить ими».

Я одобрил меры, принятые полк. Штейером, но не мог согласиться с его предложением передать этих дезертиров старшему из офицеров, присланных Хорватом и Колчаком с целью создать из них войсковую часть или распустить их по домам. Я чувствовал, что положение дел было крайне ненадежным и что если дезертиры эти будут переданы кому-нибудь из русских, сторонику Колчака, то они вероятно попадут снова в руки Калмыкова, а это будет обозначать для них всех верную смерть. Мною было сообщено полк. Штейеру, что эти дезертиры сами должны решить вопрос о своей дальнейшей судьбе, и американцы не должны вмешиваться в это дело. Такое решение было принято мною потому, что Калмыков не был признан лицом, стоявшим во главе какой-либо законной организации, сам не признавал никаких высших русских властей и являлся лишь наемником Японии и марионеткой в ее руках. Как и следовало ожидать, японцы были весьма обеспокоены возмущением в войсках Калмыкова; начальник японского штаба зашел ко мне переговорить по этому поводу и позднее при-

слал письмо, в котором просил меня высказать мое мнение по поводу случившегося. Я ответил следующее:

«Первое. — Эти солдаты не будут выданы американскими войсками ни Калмыкову, ни Хорвату, ни какому-либо другому представителю в Хабаровске или ином городе; они будут освобождены в Хабаровске и им будет разрешено итти, куда им угодно.

Второе.— После этого им будет оказана разумная защита от преследований Калмыкова или его войск или от неосновательных обвинений, в том числе и от обвинений в дезертирстве и в восстании.

Третье. — Под наблюдением американских войск будут отданы в распоряжение местного гражданского суда по обвинению в убийствах или других преступлениях против русских законов те солдаты, виновность которых будет доказана показаниями лиц, бывших непосредственными очевидцами совершенных преступлений, и при условии, что для ареста этих лиц будет иметься соответствующее постановление судебных властей.

Четвертое. — Все эти мероприятия являются лишь разумными мерами защиты в целях предупреждения безжалостного истребления человеческих жизней и для надлежащей защиты наших солдат и нашего имущества».

Тогда японцы спросили, нельзя ли взять этих дезертиров под совместную охрану японских и американских войск. Это предложение было конечно отвергнуто американцами. После этого командующий японскими войсками в Хабаровске вручил полк. Штейеру следующий меморандум:

«1. Для чего и под чью ответственность ваш отряд принял вооруженных солдат, дезертировавших из отряда атамана Калмыкова?

2. Факт дезертирства является инцидентом, происшедшим внутри отряда Калмыкова, и представляет собою исключительно вопрос поддержания военной дисциплины у Калмыкова. То обстоятельство, что вы приняли этих солдат, следует рассматривать как вмешательство внутренних властей в дела отряда Калмыкова. Каково Ваше мнение по этому вопросу?

3. Каковы Ваши намерения в отношении дальнейшей судьбы тех русских солдат, которых вы приняли в свой отряд?»

Японцы, казалось, решили вмешаться в это дело, хотя всем и без документальных данных было прекрасно известно, что они финансировали и снаряжали эту шайку бандитов. Полк. Штейер передал во Владивосток по телеграфу существенные

пункты японского меморандума. Я сообщил Штейеру, что этот вопрос следует урегулировать во Владивостоке и что он, Штейер, не должен освобождать ни одного из задержанных им дезертиров без моего разрешения.

Вскоре после этого ко мне из японской главной квартиры зашел полковник генерального штаба. Он заявил, что начальник японского штаба болен и что он пришел просить меня распорядиться возвратить Калмыкову задержанных нашими войсками дезертиров. Я ответил категорическим отказом. Тогда полковник попросил меня передать этих пленных японцам и позволить им урегулировать это дело. На это я возразил, что считаю это предложение граничащим с оскорблением, что я не имею намерения испрашивать у японцев одобрения или неодобрения моих действий и считаю наш разговор по этому поводу законченным. Японец добавил, что генерал Инагаки еще зайдет ко мне переговорить по этому поводу, но я ответил, что не буду обсуждать более этот вопрос ни с кем из представителей Японии.

Через несколько дней начальник японского штаба ген Инагаки зашел ко мне, извинился за слова полковника своего штаба, сказал, что сделанное мне этим последним предложение было непростительным, что японская главная квартира не одобряет поведения этого полковника и высказал надежду, что я не обращу серьезного внимания на этот инцидент. Выразив радость по поводу того, что японская главная квартира не одобрила образ действий полковника, я сказал, что, поскольку дело касается меня, я считаю вопрос исчерпанным. Я убежден, что этот полковник отправился в американскую главную квартиру по указаниям высших японских властей.

4 февраля 1919 г. полк Штейер телеграфировал:

«В войсках Калмыкова не имеется даже и видимости дисциплины; его владычество от Никольска до Имана является позором для союзников, которые вынуждены молчаливо одобрять его образ действий хотя бы уже потому, что они присутствуют при этом. Он настолько безгранично пользовался своим правом над жизнью и смертью людей, что создал царство ужаса и полное отсутствие безопасности ни для жизни солдат, ни для жизни гражданского населения. Я сократил численность наших войск до размеров, необходимых для несения гарнизонной службы, во избежание возможных столкновений с остатками недисциплинированных войск Калмыкова. Высшие офицеры казачьих войск расположились в здании японской главной квартиры».

Вопрос о том, что делать с дезертирами, осложнился тем, что во время восстания был ранен один казак, который позднее умер от ран; не исключена была возможность, что убийца мог находиться среди людей, оказавшихся под охраной Соединенных штатов.

Семь человек из числа этих дезертиров заявили о своем желании уйти, и это им было разрешено. Полк. Штейер очень хотел отделаться от этих пленных и снова предложил мне передать их по указанию ген. Иванова-Ринова одному из русских офицеров.

Я дал Штейеру следующий ответ: «Трудность выполнения вашего предложения заключается в том, что мы не признаем ни одной русской армии, не признаем следовательно и Калмыкова. Поэтому представляется нецелесообразным позволить кому-либо из русских, по выбору Иванова-Ринова, производить расследование среди лиц, находящихся в настоящее время в вашем распоряжении, для того чтобы выявить убийцу. Поскольку же мы с вами договорились, что мы не хотим защищать убийцу, я думаю, вы могли бы сами произвести нужное расследование и установить, находится ли этот убийца среди состоящих под вашей охраной людей. Мы можем передать этих людей кому бы то ни было только в том случае, если сами они будут нас просить об этом. Весь этот случай я рассматриваю лишь как разоружение вами некой банды в целях предупреждения кровопролития. Этим людям можно разрешить уйти по одиночке или сразу всем вместе, если они того захотят».

22 февраля полк. Штейер донес, что дело с этими дезертирами удалось удачно урегулировать в том направлении, как я указал, и что громадное большинство их вскоре будет отпущено на свободу; 15 марта он донес, что у него осталось только 35 военнопленных, но и эти оставшиеся будут освобождены в течение трех дней.

Этот инцидент дал японцам прекрасный случай возобновить в контролируемой ими местной прессе широкую антиамериканскую пропаганду и в особенности пропаганду, направленную против военных сил Соединенных штатов. Роль, которую при этом играл командующий японскими войсками ген. Ои, была очень ясна, и американцы чувствовали, что в случае столкновения с Калмыковым они должны будут считаться с возможностью столкновения с японскими войсками под командою ген. Ои. Калмыков же утверждал, что его отряд «никогда не совершал никаких жестокостей и насилий» и

что отряд этот «стоит на страже закона и порядка и защищает мирных граждан от всяких несправедливостей».

Положение в Хабаровске стало настолько напряженным, что полк. Штейер написал ген. Ои письмо, в котором между прочим говорилось следующее:

«Хотя отряд атамана Калмыкова вооружен и поддерживается японским правительством, никто не является ответственным за действия этого отряда. Калмыков не отвечает ни перед кем, и ни одно государство не несет ответственности за совершенные Калмыковым действия. Несколько раз я сообщал вам о поступках этого отряда в отношении американцев, и каждый раз получал ответ, что вы не имеете власти над Калмыковым. Уже одно то обстоятельство, что Калмыков находится под контролем японцев и поддерживается ими, возлагает на вас ответственность за совершенные им действия. Я считаю, что если вы не примете контроля над этой личностью, то столкновение между его войсками и нашими войсками станет неизбежным».

Копию этого письма я отправил командующему японскими войсками во Владивостоке со следующей припиской:

«Принимая во внимание то обстоятельство, что отряд Калмыкова был вооружен и снаряжен японцами, ими поддерживается и оперирует, подчиняясь японским силам, я прошу принять надлежащие меры для обуздания остатков войск Калмыкова. В случае если японские войска более не отвечают за действия этого человека, я прошу вас меня об этом уведомить».

Ген. Отани ответил мне следующее:

«Я имею честь заверить вас, что японские войска не несут никакой ответственности за то или иное поведение войск Калмыкова. Принимая во внимание однако, что японское правительство до настоящего времени оказывало помощь войскам Калмыкова снаряжением и продовольствием, и что японские войска действовали совместно с войсками Калмыкова, мы считаем нашим долгом дать Калмыкову должные советы для удовлетворения и мирного разрешения вопроса, возникшего в связи с последними информациями полк. Штейера. Необходимость нашего вмешательства увеличивается, так как имеются основания опасаться серьезной угрозы поддержанию мира и порядка, в случае если не будет достигнуто удовлетворительное разрешение упомянутого вопроса. Прошу вас принять мои наилучшие пожелания, остаюсь и т. д.».

Полк. Штейер очень дипломатично и весьма удовлетворительно улаживал в Хабаровске с японцами калмыковский инцидент. По моему мнению ген. Ои ничего не имел против того, чтобы между американскими войсками и войсками Калмыкова произошло столкновение.

Как только уссурийские казаки нашли это возможным, они отстранили Калмыкова от должности атамана, а когда страх перед его владычеством прошел, они отреклись и от него и от его дела.

4 февраля 1919 г. казаки опубликовали заявление, в котором просили командующего американскими войсками освободить от власти Калмыкова тех казаков, которые еще оставались под его начальством. Калмыков продолжал все еще сохранять вокруг себя некоторую часть войск, пользовавшуюся во время своего пребывания в Хабаровске защитой японцев. Когда почему-либо эти люди покидали Хабаровск, в городе все же оставалось достаточно казаков, чтобы побороть сопротивление карательным мерам войск Калмыкова, на которое было способно мирно настроенное население города.

Японцы вначале обратились ко мне с просьбой вернуть Калмыкову лошадей, вооружение и снаряжение, выданные его солдатами полк. Штейеру, но я отклонил эту просьбу. Мне было заявлено, что все это имущество принадлежит Японии. На это я ответил начальнику японского штаба, что, если Япония сообщит мне в письменной форме, что она вооружала этого убийцу, что за все это имущество Калмыковым никогда ничего не было заплачено, и если Япония может доказать идентичность этого имущества и выдаст расписку в получении его, то я выдам это имущество. Все это было сделано, и расписка была отправлена мною в военное министерство вместе с докладом.

Приближалась зима 1918/19 г., и мы чувствовали, что самыми злыми врагами нашими будут холод и болезнь. Мы представляли себе сибирские холода гораздо более жестокими, чем они были на самом деле, а потому наши приготовления на зиму были весьма серьезными. Владивостокский климат сравнительно мягок для такой холодной страны, как Сибирь, и даже войска, находившиеся в Харбине и Хабаровске, где зима была значительно суровее, мало страдали от холода, так как они были хорошо одеты, хорошо размещены и имели хорошее питание. Я никогда не жил ни в Монтане ни в Дакоте, но я представлял себе климат Сибири весьма похожим на климат северной Дакоты. Амплитуда ко-

лебаний дневной и ночной температуры достигает от 12° до — 1° по Цельсию. Средняя температура в четырех различных пунктах Сибири видна из приводимых ниже данных, собранных во время пребывания американских войск в Сибири Санитарным управлением армии Соединенных штатов:

	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.	Годов.
Владивосток . .	—15	—11	— 3	4	9	14	19	20,5	16	9	— 1	—10	4,5
Харбин .	—19	—15	— 4,5	5,5	13	19	22	15,5	14,5	4,5	— 5	—16	3
Чита . .	—28	—23	—12	0	8	12	19	15,5	8	—2	—14	—12	—11
Иркутск .	—20,5		— 8	2	9	15	18	15,5		—0,5	—10	—17	—0,5

Следующая таблица показывает максимальную и минимальную температуру в этих городах:

	Максимум	Минимум
Владивосток . . .	37	—37
Чита	36	—43
Харбин	38	—39

Количество выпадающих в Сибири осадков невелико, и снежный покров зимою сравнительно тонок. Если в горах, в районе Байкальского озера, выпадает очень много снегу, то к востоку и к западу от этих горных хребтов слой его настолько незначителен, что в течение всей зимы можно ездить на колесах. Во Владивостоке было очень мало снегу, и мы не испытывали никаких затруднений в пользовании зимою нашими автомобилями. Мы меньше, чем этого можно было ожидать, чувствовали на себе отрицательное влияние низкой температуры,—причиной этого было отсутствие ветра; главная опасность состояла в том, что бывало трудно установить температуру, почему мы не принимали нужных мер для защиты наших носов, ушей и рук от мороза. Я лично в течение двух зим, проведенных мною во Владивостоке, был только один раз свидетелем жестокого действия мороза. Я гулял как-то с одним из офицеров моего штаба и заметил, что у него побелел кончик носа; мы взяли немного снега и стали тереть его нос, до тех пор пока кровообращение полностью не восстановилось, после чего закончили нашу прогулку. В эти морозные дни солнце светит так ярко,

воздух настолько тих и действует так возбуждающе, что часто чувствуешь себя утомленным.

Зима здесь начинается во второй половине октября, а реки замерзают в конце ноября. Сентябрь и октябрь являются лучшими месяцами в году, хотя осенью и весною бывает гораздо больше ветров, чем в течение зимы. Гавань замерзает в начале декабря и вскрывается в начале апреля. При помощи ледокола суда могут входить во Владивостокскую гавань в течение всей зимы, даже если лед достигает 30 дм. толщины. В марте 1920 г. один из наших транспортов, возвращавшихся в Маниллу из Владивостока, застрял во льдах у самого выхода из гавани и находился в беспомощном состоянии. Он сообщил по радио о своем затруднительном положении, к нему на выручку были посланы буксиры, которые вскоре пробили ему выход в море, после чего транспорт вышел на чистую воду и без всяких повреждений отправился дальше, в Маниллу.

Что касается санитарного состояния, то с точки зрения американцев оно было плачевно. Санитарное состояние осложнилось еще тем, что благодаря мировой и гражданской войнам семьи распались, и в связи с этим значительная часть населения переезжала из города в город, пытаясь разыскать своих родственников или друзей. В результате этого передвижения железнодорожные станции и поезда были набиты народом, который толпился в помещениях вокзалов и искал прибежища во всяком отапливаемом помещении; все это делало санитарное положение отчаянным. Наш главный хирург, говоря о санитарных условиях, заявляет: «Общая оценка санитарного положения в Сибири может быть вполне точно определена таким образом, что санитарных условий здесь вовсе не существует».

Во Владивостоке лишь немногие здания имели колодцы в несколько сот футов глубиною и могли таким образом самостоятельно снабжаться водою; в частности имелся колодец и в том здании, которое мы получили для американской главной квартиры. В качестве общего правила все города в Сибири, в том числе и Владивосток, в вопросе водоснабжения зависели почти исключительно от имевшихся вблизи водоемов, и этому положению мало помогало то обстоятельство, что около 50 китайских кули развозили по домам воду в бочках.

Наш главный хирург доносил, что преобладающими заболеваниями были «чума, возвратный, сыпной и брюшной тиф и злокачественная ангина».

Социальные условия во Владивостоке были почти невероятными, и если Харбин, как о нем обычно говорят, является самым скверным городом во всем мире, то Владивосток занимает после него первое место.

Многие из молодых людей, взятых на военную службу, никогда не отлучались прежде из дому и здесь, вдалеке от родины, они сильно тосковали.

Женщины, принадлежавшие к христианскому союзу американской молодежи и к христианскому союзу американских женщин, оказывали огромную помощь, скрашивая досуг не только американским солдатам и морякам, но и солдатам чехо-словацких войск.

Вскоре после моего прибытия во Владивосток было издано распоряжение, запрещавшее употребление спиртных напитков, предписывавшее всем солдатам, выходившим ночью из казарм, иметь пропуска и требовавшее от офицеров специального разрешения от высших командиров, если им нужно было выйти из дому после полуночи. Эти мероприятия подверглись большой критике, как мероприятия, которые якобы устанавливали ненужное ограничение для свободы действий американцев; однако все донесения, которые я получил, внушали известное беспокойство и убедили меня в необходимости принятых мною мер.

Когда тиф получил большое распространение и никто не мог сказать, насколько было безопасно пользоваться общими железнодорожными вагонами, мы отобрали некоторое количество вагонов и составили из них для себя отдельный поезд. Этот поезд состоял из спального вагона, вагон-ресторана и санитарного вагона. Поезд этот все время находился на попечении одного из представителей Соединенных штатов и в нем всегда соблюдалась чистота. Лицам американского военного командования было отдано распоряжение не пользоваться другими поездами для служебных поездок, кроме лишь случаев крайней необходимости, и фактически наш поезд постоянно находился в движении. Когда кто-либо из нашего командования уезжал в этом поезде, он имел возможность во время путешествия хорошо спать, питаться и пользоваться кипяченой водой. Санитарный вагон был переделан из пассажирского вагона II класса, что позволило поставить в нем 12 коек того типа, которым мы пользовались на наших транспортах. Наши медицинские чиновники считали этот тип коек более подходящим, чем те спальные места, которые имелись в вагонах с отдельными купэ. Если вспомнить антисанитарные условия во Владивостоке, то я не

могу понять, как нам удалось избежать всех свирепствовавших там эпидемий,—однако нам все же удалось это. Принятые командованием мероприятия медицинского характера имели огромное значение, и результаты их были весьма благоприятными. Наш медицинский состав и сестры милосердия доказали, что в выполнении своего служебного долга они стоят на высоте.

Получение для госпиталя во Владивостоке подходящего помещения было трудной задачей; однако в конце концов в расстоянии около 8 миль от американской главной квартиры мы нашли несколько зданий, которые оказались пригодными для этой цели. Здесь можно было разместить весь необходимый персонал, кроме сестер милосердия. Кроме этих помещений мы получили еще отдельное большое кирпичное здание, расположенное приблизительно в полумиле от остальных. Здесь мы сумели разместить сестер милосердия, которые охотно согласились тут жить и устроились вполне комфортабельно.

Военное министерство телеграфировало мне, что в Сан-Франциско находятся 100 сестер милосердия, готовых отправиться во Владивосток с ближайшим военным транспортом. Я был против приезда их в таком количестве, ибо имел в виду трудности их размещения и отсутствие для них каких бы то ни было развлечений; поэтому я телеграфно просил прислать только 25 чел., что и было исполнено. Эти сестры милосердия оказали нам огромную помощь; я был весьма рад работать вместе с ними. Они оказались достаточно разумными и не беспокоили меня просьбами создать для них лучшие условия. Конечно я с радостью создал бы требуемые условия, если бы имел для этого какую-нибудь возможность.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МОБИЛИЗАЦИЯ РУССКИХ ВОЙСК

24 октября 1918 г. в Восточной Сибири появился ген. Иванов-Рипов. Это был типичный чиновник царского времени, безжалостно обращавшийся со всяким, кто стоял у него на дороге. Омская директория поставила его во главе всех русских войск в Восточной Сибири, и 3 ноября 1918 г. он объявил на военном положении Амурский, Приморский, Сахалинский и Камчатский округа; сам он фактически стал

диктатором Восточной Сибири и передал в руки монархически настроенных кругов решение вопросов жизни и смерти населения; эти круги должны были следить за тем, чтобы в России не умерли монархические принципы.

В связи с объявлением в Восточной Сибири военного положения я доносил следующее:

«Судьба эта не миновала русского народа, и, по моему мнению, положение является настолько напряженным, что столкновение произойдет даже в том случае, если войска союзников здесь останутся; в неизбежности же столкновения в случае ухода союзнических войск здесь никто не сомневается. Насколько я понимаю, пребывание войск союзников в Сибири приводит к попытке кучки реакционеров, возглавляемой ген. Хорватом и поддерживаемой прежними русскими офицерами, прочно утвердиться в Сибири, пока там еще находятся войска союзников».

Я думал, что как войска союзников, так и войска Соединенных штатов будут отозваны из Сибири вскоре после подписания перемирия. Но, как оказалось, я был единственным военным представителем, который не считал, что нами в России велась отдельная война и что эта война была независимой от войны на Западном фронте во Франции. Поскольку все основания, ради которых войска Соединенных штатов принимали участие в военных действиях в Сибири, целиком исчезли перед перемирием или к моменту перемирия, то мне казалось, что мы должны будем отозвать наши войска с территории России; в моем уме неоднократно возникал вопрос, почему они продолжают оставаться в Сибири. Я полностью доверял точному смыслу заявлений, сделанных Государственным департаментом о том, что Соединенные штаты не собираются принимать участия во внутренних делах России.

Присутствие в России войск союзников несомненно затягивало разрешение русским народом вопросов его внутренней жизни, и независимо от того, какую позицию занимали союзнические войска в отношении внутренних конфликтов, мы не могли снять с себя ответственности за некоторые акты, совершенные против русского народа, которые не имели бы места, если бы в Сибири не было войск иностранных государств.

13 декабря я доносил следующее:

«Войска Колчака его именем и властью арестовывают и умерщвляют население, считая, что должен быть наказан всякий, кто идет против его правительства». Я заявил также, что «ген. Крестачинский уведомил меня о том, что японцы согласились на поставку новой партии обмундирования на

0 000 чел., предназначенных для службы на Дальнем Во-
стоке».

Япония уже снабжала войска Семенова и Калмыкова, и мне
думается, что если бы когда-нибудь удалось поглубже озна-
комиться с подробностями использования этих войск, для
которых Япония поставляла снаряжение, то русские убеди-
лись бы в том, что Япония хотела держать эти войска под
своим контролем. В это время в Омске возникло сильное не-
годование против Семенова, который не хотел поддержи-
вать Колчака несмотря на то, что постоянно заявлял о своей
поддержке власти адмирала.

В конце концов Семенову было приказано прибыть в Омск.
Его намеревались отправить на фронт. Однако Семенов
отказался исполнить это приказание, ссылаясь на то, что об-
становка в Забайкалье не позволяет ему оставить эту мест-
ность. Несомненно Колчак, отдавая такого рода распоряже-
ние, надеялся вырвать Семенова из-под контроля Японии.
А так как Япония при посредстве Семенова могла остано-
вить приток предметов снабжения, которое целиком шло че-
рез Читу, то отозванием Семенова была бы разорвана япон-
ская мертвая хватка. Именно таким путем Япония могла до-
биваться от Колчака тех или иных уступок, и Колчак был
бессилен бороться с нею.

Совершенно очевидно, что как раз это и имел в виду Кол-
чак, когда в марте 1919 г. заявил генеральному консулу Гар-
рису, что его правительство не может контролировать поло-
жение на Дальнем Востоке, что фактически он не в состоя-
нии осуществлять там власть и что кроме того надо обра-
тить особое внимание на атамана Семенова, поддерживае-
мого Японией. Колчак добавил, что благодаря такому поло-
жению вещей его правительство не может принять на себя
ответственности за все происходящее и могущее произойти
на Дальнем Востоке.

Это заявление Колчака рассматривалось как «весьма кон-
фиденциальное, так как подобных заявлений представите-
лям других союзников сделано не было».

Упомянутое выше заявление Колчака соответствовало дей-
ствительности, однако не вполне, и сделано оно было спе-
циально для Америки. Это заявление было характерно для
монархических кругов в Сибири и рассчитано на то, чтобы
ответить любому правительству на возможные вопросы от-
носительно событий на Дальнем Востоке.

В связи с либеральными заявлениями Колчака, высказанными им в беседе с Шаркеем, представителем «Associated Press», и Гаррисом, генеральным консулом Соединенных штатов, Фишер в своей книге «Soviets in World Affairs» (том 1, стр. 197) утверждает, что в секретных архивах министра иностранных дел Колчака была найдена телеграмма г. Угэта, финансового агента прежнего русского правительства в Вашингтоне, в которой говорилось, что «верховный правитель сделал декларацию о либеральном направлении своей политики лишь для того, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение Соединенных штатов».

В своих донесениях и телеграммах я всегда указывал не только на эксцессы Семенова и Калмыкова, но и на поведение колчаковских русских войск, действовавших под непосредственным руководством Иванова-Ринова. Поведение этих войск, поскольку дело идет о различного рода нападениях и грабежах, почти приближается по своим масштабам к бесчинствам войск Семенова и Калмыкова, хотя все же войска Иванова-Ринова и Хорвата убивали меньше народа, чем это делал Калмыков.

Иванов-Ринов и Хорват признавали власть Колчака; поэтому *Колчак, если бы он того захотел,* мог сразу же прекратить недостойное поведение белых русских войск. Конечно вряд ли были основания ожидать, что сложившаяся веками практика сразу будет оставлена сторонниками царского режима, в особенности при таких обстоятельствах, когда возможность оглашения всех совершавшихся жестокостей была весьма незначительной. В своем стремлении искоренить большевизм союзники настолько впутались в русские дела в Сибири, что могли лишь в слабой степени протестовать против недостойного поведения русских — сторонников царского режима, если вообще они протестовали против этого.

Что касается заявления адмирала Колчака, сделанного им Вашингтону через посредство генерального консула Гарриса, то было хорошо известно, что генеральный консул Гаррис отрицательно относился к донесениям, поступавшим от представителей военного министерства; он не только был использован для того, чтобы Вашингтон послал мне ту знаменитую телеграмму, в которой говорилось, что правительство Соединенных штатов будет ожидать информации о положении дел в Сибири от представителей Государственного департамента, но и сам доносил в Вашингтон, что американская армия в Сибири занималась политикой. Дальнейшие

события с достаточной убедительностью показали, кто занимался политикой,—во всяком случае не армия.

В декабре 1918 г. Колчак издал приказ о мобилизации всех офицеров и солдат русской армии, причем практически приказ этот касался всех русских призывного возраста. В моем донесении в связи с этим приказом о мобилизации я отмечал:

«Здесь в некоторых кругах считают опасным вооружать такое большое количество населения, так как та среда, которую затронет приказ о мобилизации, вообще говоря, настроена против монархической формы правления».

Этот приказ о мобилизации был серьезным шагом, ускорявшим крах колчаковского режима.

Когда я впервые прибыл в Сибирь, повсюду делались представления, говорившие о том, что русские, находящиеся в различных частях Сибири, нуждались в оружии для борьбы с центральными державами. Крестьянам же говорили, что, поскольку войска союзников прибыли уже в Сибирь, то русские не нуждаются более в оружии для защиты своего благополучия. В руках крестьян было сосредоточено большое количество оружия, и в деревни были посланы казаки, чтобы силой отбирать оружие в тех случаях, когда крестьяне не выдавали его добровольно. Если у крестьянина находили винтовку с патронами, то для него это зачастую означало смерть и во всяком случае ужасное наказание кнутом. При помощи этих двух способов удалось изъять из рук крестьян почти все оружие, что дало возможность казачьим войскам на Дальнем Востоке в полной безопасности осуществлять грабежи и убийства.

Приходится удивляться, как офицеры старой русской царской армии не поняли, что следует как-то изменить практику, усвоенную армией во времена царского режима. Жестокости, совершавшиеся к востоку от Байкальского озера, были таковы, что никто из здравомыслящих людей не мог сомневаться в правдоподобности имевшихся сообщений об этих случаях. 24 января я доносил военному министерству следующее:

«В данное время во Владивостоке происходит съезд представителей земства, избранных от всех округов к востоку от Байкальского озера и от Иркутского и Семипалатинского округов — к западу от него. Кроме того на этом съезде присутствуют также представители Думы».

Делегация представителей земства зашла переговорить со мною, и я должен сказать, что эти люди произвели на меня

впечатление интеллигентных, хорошо осведомленных и честных людей.

Колчак приказал своему представителю во Владивостоке «не разрешать этому съезду обсуждать какие-либо вопросы, касающиеся власти Колчака, конституционных прав или политики».

Этот съезд был созван на основании существовавших в то время законов, повестка дня его была опубликована заранее, и заседания съезда и прения были публичными. После такого распоряжения Колчака, казалось, нельзя было яснее дать понять представителям земства, избранным по воле народа, что отныне в Сибири будет существовать монархическое, а не представительное правительство.

Вскоре стало ясно, что заявление, сделанное Колчаком г. Шаркею, было предназначено лишь для «внутреннего употребления» в Соединенных штатах. У каждого возникал вопрос, склоняется ли действительно Колчак в сторону некоторых уступок, которых требовал народ, или он в глубине своей души является монархистом. Я думаю, что в вопросе подавления огромных масс русского народа он придерживался тех же принципов, что и монархисты. Он окружил себя наиболее яркими сторонниками абсолютистской формы правления и вследствие этого отрезал для себя всякую возможность действовать сообразно собственной точке зрения, если бы даже и желал этого. Вокруг Колчака часто можно было слышать ропот недовольства тем, что он слишком либерален, но в его поступках в отношении народа я никогда не видел проявления либерализма.

30 января я телеграфировал военному министерству, и в сообщении моем говорилось в частности следующее:

«По сведениям, полученным 27 января от майора Слоутера из Екатеринбурга, влияние большевиков там увеличивается. Разведка сообщает, что русская армия распадается, ибо приказ о мобилизации новых пяти годов равнозначущ организации армии для большевиков. Новая мобилизация приведет к самым печальным результатам».

Таковы были сведения, поступавшие из Западной Сибири, т. е. из местности, отстоявшей на расстоянии 4 тыс. миль от тех мест Дальнего Востока, где согласно моим донесениям дело обстояло так же. А генеральный консул Гаррис называл это — «армия занимается политикой».

30 декабря 1918 г. капитан Шуйлер телеграфировал мне из Омска:

«В Омск только что прибыло девять новых офицеров японского штаба. Они стараются создать в России, в особенности среди офицерства, группировки с японской ориентацией и достигли в этом отношении значительных успехов. Они обещают все, что угодно, независимо от того, могут ли они выполнить свои обещания или не могут, и указывают на неспособность союзников оказать вопреки обещаниям действительную помощь».

Этот шаг Японии был направлен к тому, чтобы окончательно и определенно установить, что можно сделать с адмиралом Колчаком. В случае, если бы его удалось обработать удовлетворительным для Японии образом, японское влияние могло бы распространиться и к западу от Байкальского озера.

Японцы, держа под своим контролем Семенова в Чите, Калмыкова в Хабаровске и оказывая решающее влияние на Иванова-Ринова во Владивостоке, фактически держали под своим контролем всю Восточную Сибирь. Если бы им удалось заключить с Колчаком деловое соглашение, то они могли бы хотя бы до некоторой степени уничтожить причины трений между ними с одной стороны и англичанами и французами с другой. Эти трения возникли с того момента, когда власть в Сибири перешла в руки адмирала Колчака.

Англия, Франция и Япония действовали заодно, поскольку дело шло об искоренении большевизма; однако Англия и Франция считали, что основной задачей является одинаково интенсивная борьба с угрозой большевизма во всех частях Сибири и использование Колчака для борьбы с этой опасностью. Япония израсходовала большие денежные суммы в Восточной Сибири, и ее главной целью была борьба с большевизмом здесь, на Дальнем Востоке, и использование, если к тому представится возможность, любого положения, которое может создаться; что же касается борьбы с большевизмом к западу от Байкала, то по сравнению с ее интересами в Восточной Сибири это было для Японии лишь второстепенной задачей.

В качестве подтверждения того успеха, который имели упомянутые выше 9 японских офицеров в свой попытке создать в России японофильские группировки, я получил 31 января 1919 г. следующую телеграмму от капитана Шуйлера:

«Вчера вечером здесь произошел небольшой реакционный бунт в знак протеста против либерализма Колчака, которого многие офицеры недолюбливают. В ресторанах были организованы демонстрации против союзников, провозглашались тосты в честь Японии, единственного друга России. Это уси-

лило положение японцев, которые здесь после их выступлений в конце декабря за последнее время стушевались».

Что означала эта явная перемена отношения русского офицерства к японцам? Она означала, что офицеры японского штаба обещали русским офицерам все, что этим последним было угодно, и что русское офицерство было не только готово принять помощь, исходившую откуда бы то ни было, но и было благодарно за такую помощь. Если взглянуть на все это с точки зрения русских офицеров, то их вряд ли можно порицать за такую перемену курса. Они были приперты к стене и главной целью их было помочь созданию такого правительства в России, которое вернуло бы им их прежнее положение; такой оборот был бы совершенно немыслим, если бы Советы остались у власти. Поэтому для этих лиц борьба с большевизмом являлась средством для достижения их главной цели. Несмотря на некоторое озлобление сохранившееся в отношениях между японцами и старым русским офицерством в результате русско-японской войны, положение, в котором находились русские, было таково, что они были рады принять помощь Японии. Чем большую помощь оказывала Япония, тем большие похвалы расточались по ее адресу и по адресу японского народа. Без военной поддержки или без денежной помощи нельзя было добиться такого афиширования дружбы между этими обеими нациями.

Года три или четыре спустя после того, как я покинул Сибирь, американский военный атташе в Токио прислал мне текст речи, произнесенной в японском парламенте, в которой оратор заявлял, что сибирская авантюра стоила Японии около 900 млн. иен. Невольно возникает вопрос: почему Япония выбросила такую сумму на сибирскую интервенцию? Вряд ли можно предполагать, что она преследовала лишь цели альтруистического характера. У меня нет определенных сведений по вопросу об истинных намерениях Японии и я не думаю, чтобы мне когда-нибудь удалось получить их.

В качестве примера того, к каким методам для получения денег прибегало русское офицерство царской России, я укажу на следующее. Полк. Корф, русский офицер для связи с американской главной квартирой, сказал полк. Эйхельбергеру, американскому офицеру, что ген. Иванов-Ринов и ген. Романовский имели полную возможность прекратить критику, направленную как против меня, так и против всех американцев и американской политики, и что если бы я мог добиться от Соединенных штатов ежемесячной уплаты русской армии 20 тыс. долларов, то пропаганда против американцев

была бы прекращена. Корф сказал также полк. Эйхельбергеру, что генерал-лейтенант Крестачинский в этот день будет находиться в своем вагоне на станции железной дороги до 6 час. вечера, и что в моих интересах будет с ним повидаться.

Изданный Колчаком приказ о мобилизации не соответствовал интересам огромной массы русского населения; вскоре стало очевидным, что для проведения мобилизации не остановятся перед силой, и Иванов-Ринов, не колеблясь, послал казаков по деревням, чтобы набрать мужчин призывного возраста; трудно описать степень террора, вызванного этим распоряжением.

В марте одна молодая женщина, занимавшая должность сельской учительницы, явилась в американскую главную квартиру и просила дать охрану для нее и ее братьев с тем, чтобы они втроем могли вернуться в свою деревню, Гордеевку, и похоронить там отца, убитого войсками Иванова-Ринова. Эта молодая женщина рассказала, что русские войска вошли в Гордеевку и искали мужскую молодежь, чтобы заставить ее вступить в ряды армии; поскольку однако вся молодежь разбежалась, войска эти забрали 10 чел. из населения деревни, уже перешагнувших за призывной возраст, мучили их и потом убили, причем следили за тем, чтобы трупы убитых не были похоронены близкими им людьми. Этот рассказ показался мне таким неестественно жестоким, что я тотчас же приказал одному из моих офицеров с небольшим отрядом солдат отправиться в Гордеевку и проверить рассказ этой женщины; я тут же сообщил ей о принятом мною решении.

Посланный мною для расследования этого случая офицер донес мне следующее:

«По прибытии моем в Гордеевку я был встречен около здания школы кучкой людей, численностью 70 — 80 чел., вооруженных большей частью принятыми в русской армии винтовками, среди которых было только несколько старых одностволок 45 — 70 калибра. Все полученные сведения были собраны мною в присутствии этих 70 — 80 вооруженных крестьян и 25 — 30 женщин. Часть сведений была получена мною от вдов убитых крестьян, многие из этих женщин по нескольку раз падали в обморок в течение моего допроса, который был для них настоящей пыткой. Первая женщина, с которой я беседовал, рассказала мне, что ее муж шел к школе со своей винтовкой, собираясь сдать ее, как это было приказано, русским войскам. Он был схвачен на улице; его били по голове и по всему телу его же винтовкой, а затем потащи-

ли в один из домов, находившийся невдалеке от здания школы, где его со связанными руками подвязали к балке и жестоко били по всему телу до тех пор пока даже стены комнаты не были залиты кровью; следы от веревок на ногах этого человека говорили о том, что его подвешивали даже за ноги. Несколько позднее он был поставлен в ряд с другими восемью схваченными людьми и застрелен около 2 час. дня. Их было 10, и все они были убиты, кроме одного, с которым должны были расправиться войска Иванова-Ринова. Следующая женщина, с которой я беседовал, была хозяйкой того дома, в котором избивали всех этих арестованных и за амбаром которой их расстреляли. Она заявила мне, что около 11 час. утра 9 марта 1919 г. группа офицеров Иванова-Ринова зашла к ней в дом и заставила ее отправиться с ее мужем в другой дом, а около 11 ч. 30 м. они привели ее мужа обратно и били его, сломали ему руку, вырвали ему ногти и выбили все передние зубы. Ее муж стал инвалидом и калекой».

В своих добавлениях по поводу этих рассказов посланный мною офицер отмечает:

«Я установил, что пол комнаты, в которой избивали этих людей, был покрыт кровью и брызги ее были видны даже на стенах. Проволока и обрывки веревки, которыми пользовались, для того чтобы вешать этих людей, все еще висели на потолке и также были покрыты кровью. Я установил, что некоторых из арестованных обливали кипятком и жгли раскаленными железными прутьями, которые накаливали докрасна в небольшой печке, находившейся в той же комнате.

Я осмотрел то место, где были убиты эти люди. Они были построены в ряд и расстреляны. Каждый из трупов имел не меньше трех ран, а некоторые — шесть ран и даже больше. Когда расстреливали, очевидно сначала стреляли в ноги, а затем уже в верхнюю часть туловища».

В донесениях этого молодого офицера, производившего расследование, приводится много других свидетельских показаний всего происшедшего, и все они точно совпадают со всем тем, что сказано выше.

Все это представлялось мне настолько ужасным и отвратительным происшествием, что я приказал этому офицеру сделать мне личный доклад. Этот офицер не был офицером действительной службы и вступил в ряды армии только во время войны. Я навсегда запомнил слова его, сказанные им, после того как я окончил допрос. Он сказал мне: «Генерал, я прошу вас, никогда не давайте мне больше такого поручения. Еще минута,— и я сбросил бы свой мундир и остался бы с

этими несчастными, чтобы сделать для них все, что только было в моих силах».

Из Спасского, находившегося по линии железной дороги между Владивостоком и Хабаровском и далеко отстоявшего от Гордеевки, офицер нашей разведки доносил следующее о группе русских офицеров, посланных в Спасское:

«Они, смеясь и хвастаясь, рассказывали о том, как производили последний рейд в поисках оружия и одежды. Чтобы произвести на население нужное впечатление серьезности возложенного на них поручения, они при въезде в деревню схватывали первого попавшегося им на глаза человека, давали ему 50 ударов кнутом, а затем прибавляли еще, если у них были основания думать, что тот сказал не все ему известное».

Если бы все вышеизложенное было каким-нибудь единичным случаем, то можно было бы думать, что мы имеем дело с болтовней молодых неискушенных офицеров; однако получавшиеся мною донесения показывали, что именно такого рода действия совершались и в других местностях Дальнего Востока, и сведения об этих ужасающих жестокостях сообщались мне из различных многочисленных пунктов стоянки американских войск. Многие из получаемых мною донесений указывали на то, что в этих жестокостях над мирным населением были повинны японские солдаты или русские солдаты, бесчинствовавшие в присутствии и под защитой японских войск. Я не имел возможности проверить $^{9}/_{10}$ этих сообщений, и если бы даже мы проделали эту проверку и установили, что эти сведения соответствуют действительности, все равно мы не имели бы возможности чем-либо помочь. Целью этих террористических актов было не только запугивание крестьянской массы; японцы и русские, сторонники монархической системы, хотели создать такое положение, которое заставило бы крестьян пытаться защищать самих себя и свое имущество, а это оправдало бы отправку большого количества союзнических войск в Сибирь для искоренения большевизма. У крестьян, после систематических и безжалостных розысков оружия, не было никаких средств для самозащиты; им оставалось только молиться, ждать освобождения от этих ужасов и надеяться на то, что мобилизуемые русские войска не будут питать симпатии к правительству Колчака, восстанут и спасут их от ужасного террора.

Силы сторонников Колчака, в том числе Семенова и Калмыкова, заявлявших о своей готовности поддерживать Колчака, были сосредоточены вдоль Уссури, по границе с Восточ-

ным Китаем и вдоль Сибирской железной дороги. Их войска не могли бы существовать вдалеке от железной дороги и, насколько я знаю, в Восточной Сибири считали, что сторонники Колчака не могли бы продержаться даже месяца, если бы союзники перестали им помогать.

Наблюдая ту материальную и финансовую помощь, которую Япония оказывала некоторым реакционным деятелям Восточной Сибири, и те энергичные меры, посредством которых японцы и оплачиваемые ими русские наемники старались, поскольку возможно, распространять применение террора, я всегда был убежден,— и придерживаюсь этого мнения и в настоящее время,— что японцы искали и ожидали какого-либо случая или предлога, для того чтобы Семенов объявил Восточную Сибирь независимой частью всей России. Они заявляли, что это мероприятие является необходимым для борьбы с большевизмом.

Руководящие деятели японцев и казаков всегда пытались объяснить происходившие волнения присутствием войск Соединенных штатов; всякий раз, когда ко мне обращался кто-либо с предложением использовать американские войска, я отвечал, что американские войска не будут принимать участия в этих распрях и не будут использованы для защиты одной из спорящих сторон. Японцы и казаки, являвшиеся лишь марионетками в руках первых, надеялись поставить Соединенные штаты в такое положение, при котором американские войска в Сибири подвергнутся нападению большевиков, после чего я буду вынужден выступить. Это избавило бы их от значительной части затруднений.

25 февраля 1919 г. я телеграфировал в Вашингтон следующее:

«Генерал Романовский, представитель Колчака, вчера сообщил мне, что в настоящее время русский народ отчетливо разделился на два лагеря; колчаковцы считают, что всякий, кто не с ними, тот против них, что они должны драться за свое существование и предполагают, независимо от союзников, принять в отношении своих врагов в Восточной Сибири такие меры, которые они сочтут необходимыми».

Это было правильной оценкой положения. В тот же день представители земства сообщили мне: «Средний класс резко отрицательно относится к вновь сформированным русским войскам, которые мучат и притесняют народ; это чувство негодования может распространиться и на союзников, ибо народ считает, что все эти факты не имели бы места, если бы в Сибири не было союзнических войск».

Я считал, что никто не мог толковать полученных мною инструкций иначе, чем я их толковал, хотя мне и было известно, что американский генеральный консул в Сибири Гаррис ни в какой степени не относился благосклонно к занятой мною позиции; я чувствовал также, хотя и не так уверенно, как в отношении Гарриса, что Отдел по русским делам Государственного департамента не питал ко мне чувства симпатии.

Но я имел основание считать, что Моррус, американский посол в Японии, в руках которого была сосредоточена обработка для Государственного департамента русского вопроса на Дальнем Востоке, искренне одобрял занятую мною позицию в Сибири.

Во избежание всяких недоразумений я телеграфировал в Военный департамент следующее:

«Отношения в настоящее время становятся настолько ожесточенными, что каждая из борющихся групп считает всякого, кто не с нею, идущим против нее. Японцы начали кампанию по подавлению восстания в Амурской области, и мой отказ использовать войска Соединенных штатов при разрешении споров между различными группировками русских дал возможность реакционно настроенным элементам заявлять, что американцы стали большевиками; другая же сторона утверждает, что мы благосклонно относимся к реакционерам, так как благодаря нашему присутствию реакционные круги получили возможность применять к населению чрезвычайные меры, чего они не могли бы сделать, если бы в Сибири не было войск союзников. Здесь никто не сомневается в правильности этого последнего утверждения. Япония и Соединенные штаты пришли в Сибирь с одинаковыми целями, о которых они открыто заявляли, но в вопросе об участии во внутренних распрях в России они придерживаются двух прямо противоположных точек зрения. Это заставляет меня поставить вопрос о том, является ли политическая линия, которой я придерживаюсь, т. е. отношение к большевистским волнениям в Сибири как к внутренним волнениям, в которых я не должен принимать участия,— той политической линией, которой желает придерживаться министерство».

28 марта я получил ответ от начальника Штаба, ген. Марча; ответ гласил следующее:

«Задержка ответа на вашу телеграмму объясняется тем, что Государственный департамент сообщил ее полностью президенту, прося его инструкций, и до настоящего времени от президента не было получено ответа. Ваши действия, как

вы излагаете их в телеграмме, соответствуют данным Вам первоначально инструкциям; ваши действия одобрены, в дальнейшем вы должны руководствоваться прежними инструкциями, до тех пор пока они не будут изменены президентом».

После этого, несмотря на то, что некоторые из второстепенных чиновников министерства пытались провести в жизнь свои личные точки зрения, я с удвоенной ясностью понял желания руководящих деятелей в Вашингтоне по вопросу о том, какой политики должно придерживаться правительство Соединенных штатов в Сибири.

В дополнение к этой телеграмме я получил личное письмо от ген. Марча, которое собираюсь опубликовать без его согласия, так как просьба о разрешении могла бы поставить его в затруднительное положение. Его коротенькое письмо показывает нам точку зрения ген. Марча на выполнение служебного долга; это чрезвычайно знаменательное и приятное для меня письмо гласило: «Держитесь независимо, я готов помогать вам, пока все не войдет в свою колею».

В феврале ко мне пришло 6 чел. крестьян. Они все были из Ольгинского округа, находившегося вдалеке от железной дороги, в крайнем восточном углу Сибири. Они сообщили мне, что русские белые войска, будучи не в состоянии найти нужных им людей, начали избивать женщин ружейными шомполами. Крестьяне сказали мне, что женщин били по спинам, до тех пор, пока тело не превратилось в куски обнаженного мяса. Говоривший со мной крестьянин прибавил: «Мы не хотим, чтобы вы верили нам на слово, пошлите офицера расследовать это дело, и пусть он возьмет с собою японского и английского офицеров. Мы покажем им многих женщин, которые были жестоко избиты этими войсками Колчака».

Я получил официальное подтверждение рассказа крестьян и в соответствии с этим в моем официальном донесении отметил: «Русские войска, совершающие подобного рода акты, являются частью войск Иванова-Ринова, которые, как я думаю в силу вышеприведенных мною соображений, вооружены, снаряжены и оплачиваются отчасти Японией».

Во всех странах мира, будь то страна цивилизованная или нецивилизованная, население всегда принимает все возможные меры самозащиты от подобного рода бесчеловечного и жестокого обращения. Среди крестьянства Восточной Сибири царило величайшее раздражение против Японии, так как каждый знал, что эти зверства совершались русскими в япон-

ской зоне и под защитой японцев; это чувство озлобления русского народа не могло до известной степени не относиться и к Соединенным штатам, так как последние заявили во всеуслышание, что они пригласили Японию послать совместно с ними свои войска в Сибирь. Мои донесения в Вашингтон были полны сообщений об этих ужасных жестокостях; но ни мне, ни населению Сибири не было известно, чтобы со стороны Соединенных штатов последовало по адресу Японии хотя бы одно слово протеста.

Учитывая позицию, занимаемую генеральным консулом Гаррисом в борьбе между большевистскими и антибольшевистскими силами в Сибири, я очень сомневаюсь в том, что он когда-либо доносил в Вашингтон о всех этих жестокостях. Поскольку Государственный департамент заявил, что правительство намерено получать информацию о положении дел в Сибири от представителя Государственного департамента, вполне возможно допустить, что правительство Соединенных штатов вовсе не имело официальных сообщений об этих жестокостях.

3 марта я доносил в Вашингтон:

«Японская главная квартира сообщила мне о следующих потерях, понесенных японскими войсками в боях против большевиков недалеко от Благовещенска.

11 февраля — два офицера и одиннадцать солдат убиты под Забытой.

15 февраля — офицер и десять-двадцать солдат убиты вблизи Андреевской.

16 февраля — разведывательный японский отряд в составе одного офицера и 50 солдат встретил вблизи селения Скранского, находящегося в 30 км к северо-западу от Алексеевской, большевистский отряд, силою около 2 500 чел.; японский отряд был целиком уничтожен.

В тот же день два отряда пехоты силою до двух рот, общей численностью около 250 солдат, одна артиллерийская рота и взвод пехоты в разное время встретили тот же отряд большевистских войск; только трем японцам удалось спастись, остальные были уничтожены. В связи с этим 12 февраля ген. Ои из Хабаровска попросил полк. Штейера послать на помощ японцам роту американских солдат. Полк. Штейер запросил моих инструкций. Я послал к начальнику японского штаба начальника моего штаба, полк. Робинсона, и попросил его объяснить там, что прежде чем я смогу принять участие в этом столкновении, я должен быть уверенным, что так называемые большевистские силы не являются рус-

скими, сопротивляющимися несправедливому обращению с ними со стороны войск. Начальник японского штаба заявил, что он ничего не слышал от ген. Ои об этом столкновении, и попросил Робинсона не предпринимать никаких мер, до тех пор пока японский штаб не сообщит каких-либо дальнейших сведений. В дальнейшем по этому поводу мне ничего не было сообщено».

Этот инцидент был использован всюду, где только возможно, чтобы возбудить негодование против американских войск, причем японская пресса выступала особенно резко.

В американской прессе в связи с этими событиями я нашел заметку о том, что «японское военное министерство опубликовало сообщение о столкновении между японцами и большевиками. В комментариях по этому поводу имеется указание на поведение ген. Грэвса, который, по словам японцев, отказался придти к ним на помощь».

15 апреля 1919 г. в прессе вновь появилось следующее сообщение: «Японская пресса хочет нажить себе капитал утверждением, что ген. Грэвс и другие офицеры американских экспедиционных сил позволили американским войскам оставаться равнодушными свидетелями уничтожения японского отряда».

Личности, ответственные за эти донесения, путем ложных заявлений и ложных показаний против представителя дружественной нации пытались нажить себе политический капитал на неудаче японцев, которым мы все сочувствовали. Как известно, командующий японскими войсками через посредство начальника своего штаба сообщил начальнику моего штаба, чтобы мы не предпринимали никаких действий по просьбе ген. Ои, до тех пор пока я не получу соответствующих сообщений от японской главной квартиры во Владивостоке; в дальнейшем от японской главной квартиры я не получил никакой просьбы по поводу вышеупомянутого столкновения японских войск с большевиками. Следует отметить однако, что если бы японцы просили меня оказать им помощь и не сумели бы мне доказать, что они не являлись нападающей стороной,— обстоятельство, которого они, по моему убеждению, доказать не могли,— то я вероятно отказался бы послать американские войска. Сообщения, появившиеся в японских газетах, не говорили определенно о том, что американские войска находились вблизи от места сражения: это конечно было сделано намеренно, чтобы создать впечатление, что американцы легко могли оказать японцам помощь. В действительности же на 400 миль в окружности от того

места, где произошли описываемые события, не имелось ни одного американского солдата. Независимо от того, что делал я и что делал полк. Штейер, японцы в Сибири прекрасно знали, что в этих боях американцы не могли спасти жизнь ни одному японцу. Почему японцы не послали на помощь этому отряду свои же войска? В Хабаровске и в его окрестностях они имели целую дивизию, в то время как американцев было только около двух батальонов. Обращенная к полк. Штейеру 12 февраля просьба ген. Ои имела целью заставить американские войска выступить для боя с теми, кого Ои называл большевиками, т. е. заставить меня сделать то, чего — как это было прекрасно известно ген. Ои — я не мог и не хотел сделать.

Приблизительно в это же время американская пресса начала проявлять критическое отношение ко мне и к американским войскам, так как мы не сражались с большевиками. В одной из газет говорилось: «Конечно мы не ведем войны с большевиками. Мы сражаемся с ними под Архангельском, но это — не война».

Автор этой заметки выражал крайне распространенную в 1919 г. во всем мире мысль, которую можно оправдать тем принципом, что право всегда на стороне сильного. Если бы теперь Соединенные штаты послали свои войска на территорию России и начали сражаться против какой-либо из русских политических группировок, то это было бы войной, так как Советы теперь в состоянии ответить на оскорбление силой и несомненно они так и поступили бы.

Исполнив просьбу ген. Ои и послав американские войска на помощь японцам, я превратил бы американские войска из мирных свидетелей совершавшихся в Сибири зверств и жестокостей в их участников. Невольно возникает вопрос, что же сделали эти так называемые большевики, чтобы можно было оправдать отправку ген. Ои японских войск для их уничтожения? Они попросту были русскими на русской земле, которым ни одно государство не объявляло войны и которые заботились о своих собственных делах, ни в чем не подвергая опасности жизнь или имущество кого-либо из союзников.

К сведению тех американцев, которые настаивали на необходимости бороться с большевиками вопрос о политической линии Америки, я должен сказать, что я никогда не был в состоянии определить, кто именно и почему именно был большевиком. По представлениям японцев и их наемников в Си-

бири большевиками были все русские, которые добровольно не взялись за оружие и не сражались на стороне Семенова, Калмыкова, Розанова и Иванова-Ринова, т. е. таких преступных типов, хуже которых не знает история преступности Соединенных штатов. По мнению англичан и французов большевиками были все те русские, которые не взялись добровольно за оружие, чтобы бороться на стороне Колчака. Следует отметить, что в то время ни одно государство во всем мире не собиралось признать ни одного из вышеперечисленных лиц или кого-либо другого в качестве фактической или юридической главы того или иного русского правительства.

Вскоре после своего прибытия во Владивосток я встретил японского генерала Накашима. Казалось, этот генерал был одной из самых важных японских руководящих фигур; вместе с тем однако он не занимал какой-либо определенной должности, как все остальные японские генералы. Всегда любезный и приветливый, он казалось играл руководящую роль во всех спорах и дискуссиях, независимо от предмета этих последних. В американской главной квартире Накашима был известен, как политический военный представитель Японии в Сибири. Как-то раз он зашел ко мне и в разговоре высказал мысль, что, поскольку Япония и Соединенные штаты тесно связаны друг с другом общностью интересов в Сибири, то представляется желательным, чтобы военные представители обеих стран сообщали друг другу содержание своих донесений правительствам по принадлежности. Накашима предложил мне сообщить японцам все важные донесения, которые я отправлял в Вашингтон, обещая при этом, что японцы сообщат мне все важные донесения, отправленные ими в Токио. Я конечно прекрасно знал, что японцы не покажут мне хоть сколько-нибудь важных телеграмм, отправленных ими в Токио, и знал, что Накашима, предлагая мне показать ему донесения, отправленные мною в Вашингтон, понимал, что у меня достаточно здравого смысла, чтобы не делать этого.

Я решился однако выдержать свою роль до конца и ответил Накашиме, что считаю сделанное им предложение превосходным, но, поскольку инициатива в этом вопросе исходит от японцев, я ожидаю, что они первые покажут мне свои донесения. Я полагал, что Накашима покажет мне какую-нибудь невинную телеграмму и намеревался ответить ему тем же, однако предложенный Накашимой план так никогда и не был осуществлен.

Спустя месяц Накашима был отозван в Японию, и всем вскоре стало известно, что деятельность его в Сибири была

нежелательной некоторым иностранным представителям и что после отозвания он повидимому не будет пользоваться расположением японского правительства. В скором времени однако мы поняли, что деятельность Накашимы получила одобрение японского правительства, ибо он из генерал-майора был произведен в чин генерал-лейтенанта японской армии. Карл Аккерман в своей книге „Trailing the Bolsheviki" [1], говоря о Накашиме, называет его «Людендорфом японской армии».

Следующий раз я услышал о нем 16 марта 1919 г., когда получил телеграмму от американского военного атташе в Токио; в телеграмме говорилось:

«Японский генеральный штаб сообщает, что десять солдат американской армии перешли на сторону красной гвардии к северо-востоку от Владивостока; один из них был схвачен. Генерал-лейтенант Накашима, из японского генерального штаба, вызвал меня к себе для частной беседы и заявил, что он крайне озабочен тем, как разовьются дальнейшие взаимоотношения между японскими и американскими войсками в Сибири... (дальше в телеграмме пропуск). Он упомянул о том случае, когда мы на Амуре не оказали помощи ген. Ямада, и о недавнем переходе нескольких дезертиров из американских войск на сторону большевиков. Он с полной определенностью поставил мне вопрос о том, что будут делать американцы согласно новому плану охраны железной дороги в том случае, если большевики перережут железную дорогу; если мы будем бездействовать, то кому мы окажем этим помощь— японцам или их врагам. Накашима был вполне определенно настроен против того, чтобы ваши войска находились в Чите или Манчжурии».

Эта телеграмма является прекрасным образцом обвинений, выдвигавшихся по адресу американцев не только тогда, когда делались лживые утверждения, которые можно было опровергнуть фактами, но и тогда, когда факты не были известны ни одной из спорящих сторон и когда никто из них не имел основания обсуждать возникающие в Сибири проблемы.

Заявление, сделанное Накашимой нашему военному атташе в Токио, граничило с оскорблением американских войск и с моей точки зрения не заслуживало ответа, хоть сколько-нибудь отвечающего требованиям дипломатии.

Я ответил на приведенную выше телеграмму следующее:

---

[1] „Преследование большевиков".

БИБЛИОТЕКА
А. Ф. Палашенкова.

«Имелось самое большее шесть дезертиров из американских войск. Говорили, что один был схвачен, но мне он не был доставлен. Ложные утверждения стали здесь настолько обычным явлением, что я не поверю тому, что они были захвачены японцами, до тех пор пока сам не увижу этих дезертиров.

Накашиме неизвестно, присоединились ли американские дезертиры к большевикам. Его утверждение является ошибочным. Его вопрос о том, что я буду делать при известных обстоятельствах, считаю граничащим с оскорбительными инсинуациями; вопрос этот является прямым вмешательством посторонних лиц в дела, касающиеся исключительно Соединенных штатов. Я буду охранять вверенную мне часть железной дороги так, как я найду это нужным; до тех пор пока я выполняю мой долг, все эти вопросы не могут касаться других государств. Ген. Инагаки вчера сообщил мне, что японские войска получили инструкции не вступать в бой с большевиками за исключением случаев, если большевики нападут первыми или если необходимо предупредить возникновение беспорядков в стране. Я не могу понять, почему Соединенные штаты не могут послать свои войска в Китай или в Сибирь, не испросив на это согласия Японии. Соединенные штаты будут с негодованием относиться к попытке иностранного государства вмешаться в вопрос о размещении их войск в Сибири. Я не считаю, что интересы японцев в Манчжурии и Сибири превышают интересы Соединенных штатов. Японская главная квартира уведомила меня, что японцы снабжали Калмыкова оружием и снаряжением. Здесь ни в рядах большевистских войск, ни в рядах каких-либо других войск нет человека хуже Калмыкова, который, кстати, заявил недавно, что он рад находиться под начальством ген. Ои».

Заместитель председателя местной земской управы, издатель местной газеты и еще два человека были в ночь на 2 марта 1919 г. арестованы во Владивостоке русскими белыми войсками по распоряжению Иванова-Ринова; в 5 час. утра их отправили в арестантском вагоне на запад. Во Владивостоке все отлично знали, что эти четверо арестованных были посланы к Семенову и что там над ними будет учинена расправа.

Вскоре после того как эти люди были отправлены в западном направлении, жены трех из них пришли в американскую главную квартиру и заявили о своем желании повидать меня. Я велел офицеру, доложившему мне об их приходе, передать им, что я ничего не могу сделать и ничем не могу помочь в их деле. Однако эти женщины не удовлетворились

переданным им ответом и отказались покинуть помещение штаба, до тех пор пока не увидятся со мною. На следующее утро, когда я встал в обычное время и прошел в служебные комнаты штаба, я увидел этих женщин, которые все еще меня дожидались. Я подошел к ним и сказал, что мы не можем принимать участие в распрях русских друг с другом. Я был удивлен спокойствию этих женщин и их самообладанию. Та женщина, которая вела со мной разговор, выслушала меня и затем совершенно спокойным тоном заявила, что, поскольку союзники отвечают за порядок в городе, население Владивостока считало себя в безопасности от подобного рода зверств. Затем она прибавила: «Здесь будет восстание, и мы все хотим, чтобы вы и союзники продолжали придерживаться вашей политики невмешательства». Она заявила мне, что представители тех реакционных русских кругов, которые совершили это преступление, получили оружие от союзников, но что население сумеет расправиться с ними, если союзники не будут этому мешать. На этом я прекратил беседу с этими женщинами, и они покинули помещение штаба.

Немного времени спустя, после того как я уже закончил свой завтрак, ко мне зашел Чарльз Эллиот, британский верховный комиссар, и в весьма возбужденном тоне заявил, что, насколько ему известно, я сказал, будто бы американские войска не будут использованы, для того чтобы предупредить мятеж среди населения города. Поскольку я решительно ни с кем не обсуждал этого вопроса и не говорил ничего подобного, то заявил Эллиоту, что он был неправильно информирован. Тогда Эллиот спросил меня, будут ли использованы мною американские войска в случае мятежа в городе; на это я ответил, что не могу сказать ничего определенного, до тех пор пока не буду точно знать характер и причину мятежа. Эллиот в еще более возбужденном тоне сказал мне, что дело идет о защите жизни и имущества британских подданных и что он должен знать точно, какой позиции я буду придерживаться.

Мы обменялись еще несколькими словами, и я в конце концов заявил Чарльзу Эллиоту, что прекрасно понимаю его желание знать, как я отнесусь к вопросу о защите американскими войсками Иванова-Ринова и Хорвата; мой ответ сводился к тому, что Иванов-Ринов — закоренелый убийца, что Соединенные штаты не имеют привычки брать под свою защиту убийц, и что я также не намерен делать этого; если они хотят, они могут привести Иванова-Ринова к американскому главному штабу и повесить его здесь, рядом со

штабом, на телеграфном столбе: ни один из американских солдат пальцем не шевельнет, чтобы оказать помощь Иванову-Ринову. Надо думать, что мой ответ удовлетворил Чарльза Эллиота, так как он немедленно покинул мою канцелярию.

Я всегда считал, что англичане и японцы знали о том, что должен был состояться арест тех лиц, о которых я упоминал выше; у меня создалось впечатление, что Эллиот после разговора со мною и обсуждения этого вопроса с белогвардейцами и возможно с кем-нибудь еще предпочел не рисковать возможностью мятежа и отдал распоряжение задержать вагон.

Вагон с арестованными был задержан у Пограничной — маленького городка, лежащего на железнодорожной линии, соединяющей Сибирь с Манчжурией. Здесь у русских оказался другой вагон, очень похожий на тот, в котором находились арестованные; как только они прибыли на станцию, вагоны подменили, и пустой вагон пошел дальше с поездом на запад, а вагон с арестованными остался стоять там, где стоял до этого пустой вагон. Очевидно, все это было проделано, для того чтобы кого-то обмануть.

Во Владивостоке по телеграфу были получены сведения от американских железнодорожных войск о том, что вагон не был, как все ожидали, отправлен к Семенову, а был снят с главного магистрального пути и направлен к югу по японской линии, по направлению на Чанчунь. Все это было проделано с целью создать впечатление, что никогда не имелось намерения отправить арестованных на расправу к Семенову. Вокруг вагона, который должен был считаться пустым, были поставлены японские часовые и никому не разрешалось подходить к нему. Пищу арестованным приносил двенадцатилетний мальчик; мальчик этот, когда он в первый раз принес пищу, ухитрился в присутствии охраны тихо сказать арестованным, что машинист отправляющегося во Владивосток поезда готов взять от них записку для передачи их семьям. Арестованные передали таким путем письмо своим близким, и благодаря этому местонахождение арестованных стало всем известно прежде, чем японцам удалось осуществить свою хитрость с отправкой другого вагона по японской линии, на Чанчунь.

Представители союзного командования собрались на совещание, на котором я предложил им сообщить русскому командующему Иванову-Ринову, что, поскольку союзники ответственны за порядок во Владивостоке, они должны следить за тем, чтобы все пользовались защитой правосудия,

и не могут поэтому арестовывать русских и увозить их из Владивостока в другие города для решения вопроса об их виновности или невиновности; в случае же если это будет иметь место, мы должны получить право посылать нашего представителя для присутствия при разборе дел арестованных, чтобы судить о том, насколько это разбирательство является добросовестным.

Представитель Франции возразил, что такого рода заявление означает вмешательство в русские дела и потому является политическим вопросом, которого мы не должны касаться. Японец, старший по чину и председательствовавший на этом совещании, заявил, что, поскольку среди присутствовавших не имеется единогласия, мое предложение не может быть принято. Я ответил японцу, что прошли те дни, когда он мог налагать вето на действия большинства представителей союзного командования, что письмо русскому командованию все же будет послано, а те, кто не согласен с этим письмом, вовсе не обязаны подписывать его. Француз снова взял слово, заявил, что хотел бы снестись по этому поводу со своим правительством,и просил нас обождать, пока он получит из Парижа ответ по телеграфу. Мы на это охотно согласились. Через три-четыре дня письмо это было отправлено Иванову-Ринову, причем оно было подписано представителями войск всех союзников. Передать наше решение русской главной квартире было поручено ген. Блеру, представителю Великобритании.

Арестованных так и не отправили на запад от Пограничной; через несколько дней, после того как решение нашего совещания было доведено до сведения русского штаба, их перевели в Никольск, где продержали около двух недель в военной тюрьме; после этого они были освобождены.

В период, когда критическое отношение к американцам на Дальнем Востоке возросло до крайних пределов, произошло одно неожиданное для меня событие, связанное с полк. Бутенко, который еще до моего прибытия во Владивосток был назначен русскими и союзниками на должность коменданта Владивостокской крепости. Полк. Бутенко пришел ко мне и через переводчика сказал, что, по его убеждению, союзники ничего не могут выиграть, поддерживая отдельных представителей из среды русских. Это вызовет лишь негодование среди массы русского населения и причинит вред как раз тому делу, помочь которому собирались союзники. Бутенко заявил, что моя политика невмешательства была единствен-

ной политикой, дававшей какую-то надежду на стабилизацию положения.

Он заметил также, что мне несомненно было известно оппозиционное отношение к моей политике не только антибольшевистски настроенных русских, но и союзников, и что вследствие этого он мог придти ко мне только после полуночи; он добавил, что я тем не менее могу рассчитывать на всяческую помощь с его стороны.

Эта поддержка оказалась мне очень полезной не только потому, что давала нужную информацию, но и потому, что помогала мне пресекать информацию, исходившую из других источников. Я понимал, что если станет известным дружеское расположение ко мне полк. Бутенко, то он не продержится на своем месте и недели. Поэтому я редко видался с ним, но он продолжал оказывать мне помощь в течение целого года, пока не получил предписания прибыть в Омск. Мы оба понимали, что этот приказ означал возникновение против Бутенко каких-то подозрений; сам Бутенко опасался, что после того как он проедет Читу, Семенов арестует и расстреляет его. Он отправился на запад в поезде, охраняемом американскими и чешскими солдатами, и никто не сделал попытки арестовать его.

Бутенко мог оказывать мне помощь потому, что в качестве коменданта крепости он имел доступ ко всем телеграммам, проходившим через владивостокский телеграф, а через него проходили все телеграммы, направляемые в Восточную Сибирь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Русское временное правительство, более известное под именем правительства Керенского, просило Соединенные штаты помочь восстановить и наладить работу железных дорог. В ответ на эту просьбу инженер Стивенс, пользующийся широкой известностью, отправился весной 1917 г. в Россию; позднее он являлся официальным советником министра путей сообщения в Петрограде.

Кроме того по просьбе временного правительства и при поддержке Стивенса был организован отряд по обслуживанию русских железных дорог с целью поставить их в условия правильного функционирования.

Этот отряд, состоявший главным образом из сотрудников Северной Тихоокеанской и Великой северной железных дорог, представлял собой замечательную организацию. Пока я не познакомился с многими из его членов персонально, я не знал, каковы задачи этого отряда и в чем заключалась его работа. Соединенным штатам очень посчастливилось иметь их в качестве своих представителей в Сибири, так как они приложили все свои усилия и всю энергию к тому, чтобы сделать все необходимое для русских, невзирая на крики русских о большевизме и антибольшевизме. На выполнение ими своего долга не могли повлиять ни требования, ни обвинения со стороны русских и иностранных должностных лиц. Между тем поведение последних часто служило препятствием успешному выполнению задач отряда. Значительно более легко было для всех итти в ногу с толпой по проторенной дорожке под русский оркестр, играющий «Привет спасителям отечества».

Временное правительство Керенского было свергнуто Советами прежде, чем американцы прибыли в Россию и приступили к своей работе. Вследствие этого большинство членов отряда оставалось в Японии до марта 1918 г., когда некоторые из них отправились в управление Китайско-восточной железной дороги, в Харбин.

Когда союзные войска в августе и сентябре 1918 г. прибыли в Сибирь, русские железные дороги находились в самом плачевном состоянии. Единственное, что мы знали, — это то, что союзники ведут переговоры относительно налаживания правильного сообщения по железным дорогам. Прошло немало времени, но сделано ничего не было; железные дороги приходили все в худшее состояние. Только в марте 1919 г. мы получили во Владивостоке сообщение, что между различными правительствами достигнуто соглашение относительно деятельности железных дорог в Сибири. Это соглашение имело для военного командования Соединенных штатов в Сибири чрезвычайно важное значение; привожу его полностью:

«1. Общее наблюдение за железными дорогами в указанных районах[1] будет осуществлено особым Межсоюзническим комитетом, состоящим из представителей всех союзных держав, в том числе и России, имеющих военные силы в Сибири; председателем его должен быть русский. Должны быть

---

[1] Соглашение касалось сибирских и Китайско-восточной железных дорог.

созданы и поставлены под контроль Межсоюзнического комитета следующие учреждения:

а) Технический совет, состоящий из железнодорожных специалистов держав, имеющих военные силы в Сибири, для руководства техническим и хозяйственным управлением всех железных дорог в означенных районах;

б) Союзный совет по воинским перевозкам для согласования воинских перевозок по указаниям подлежащих властей.

2. Охрана железных дорог должна быть вверена союзным военным силам. Во главе каждой железной дороги останется русский начальник или управляющий с полномочиями, предоставленными ему существующими русскими законами.

3. Технический совет должен избрать председателя, которому вверяется техническая эксплоатация железных дорог. В делах, касающихся этой эксплоатации, председатель может давать указания русским должностным лицам, упомянутым в предыдущем пункте. Он может назначать помощников и инспекторов на службу Технического совета, выбирая их из граждан держав, имеющих вооруженные силы в Сибири, причислять их к центральному управлению Совета и определять их обязанности. В случае надобности, он может командировать группы железнодорожных специалистов на наиболее важные станции. При командировании железнодорожных специалистов на какую-либо станцию должны приниматься во внимание удобства соответствующих держав, под охраной которых будут находиться данные станции. Ему принадлежит право распределять работу между техническими работниками совета, которые назначаются по его усмотрению.

4. Технический персонал Межсоюзнического комитета назначается председателем комитета, которому предоставляется право распределения работы между служащими и их увольнения.

5. Действие настоящего соглашения прекращается с момента отозвания иностранных военных сил из Сибири; одновременно должны быть отозваны все иностранные специалисты по железнодорожному делу».

Дополнительно к этому формальному соглашению состоялось соглашение «на стороне» между Соединенными штатами и Японией о том, что во главе Технического совета будет поставлен Стивенс.

Столь длительное промедление в заключении этих соглашений и возникшие по поводу их споры обусловливались

повидимому различиями во взглядах Соединенных штатов и Японии.

Всякий, кому не приходилось действовать на основании этого соглашения, мог бы вероятно думать, что оно было весьма удовлетворительным. Должен признать, что и я так думал. Однако позже я обнаружил в этом соглашении некоторые детали, которые, по моему мнению, сводили к нулю всю его эффективность.

В пункте 1 предусматривалось, что председателем Межсоюзнического комитета должен быть русский. Колчак набросился на это, как кошка на мышь, и немедленно назначил председателем своего министра путей сообщения, Устругова.

Пункт 2 предусматривал, что во главе каждой железной дороги должен стоять русский начальник или управляющий с полномочиями, предоставленными ему существующими русскими законами. Если в намерение составителей этого соглашения входило предоставить полный контроль антибольшевикам и передать железнодорожное движение полностью в руки колчаковских сторонников, тогда соглашение могло рассматриваться как успех. Ни Межсоюзнический комитет, ни кто-либо другой, за исключением колчаковских сторонников, не имел возможности сменить какого-либо офицера или служащего железных дорог.

Русские реакционеры не замедлили воспользоваться этим обстоятельством.

Мне известно, какие деловые требования предъявлялись при поступлении на службу на русские железные дороги, но бесспорно все они должны были являться или горячими сторонниками Колчака, или же настолько скрытными людьми, чтобы никто не подозревал, за кого они стоят. Это было весьма опасно. Вскоре агенты всех станций оказались сторонниками Колчака. Они организовали участковые советы как для того, чтобы предоставлять сторонникам Колчака больше преимуществ, так и для наблюдения за тем, чтобы их политические противники не получили возможности пользоваться железными дорогами. Соединенные штаты заявляли, что затрата денег на железные дороги и на пребывание войск в Сибири обусловливается тем, что:

«Население Сибири, ресурсы которого почти исчерпаны долгими годами войны и хаотической обстановкой, существовавшей там, может быть ограждено от продолжения хаоса и анархии только восстановлением и поддержанием правильного сообщения на Сибирской железной дороге».

Таковы были благородные намерения. Однако подавляющие массы русского населения имели от эксплоатации этих железных дорог совершенно ничтожные выгоды.

Большинство населения Сибири получило от работы этих железных дорог почти такую же пользу, как жители Либерии. Не всегда рядовой американский гражданин может убедительно доказать, является ли он демократом или республиканцем. Не менее трудно для обыкновенного русского показать, является ли он большевиком или антибольшевиком. А между тем, для того чтобы русский мог проехать по железным дорогам или провезти мешок муки, его добропорядочность должна была стоять вне подозрений.

После урегулирования больших вопросов о финансировании и эксплоатации железных дорог на очереди встал более мелкий вопрос об охране железных дорог, как это предусматривалось в пункте 2. Вопрос не обещал особых трудностей. Чтобы ускорить выполнение соглашения, посол Моррис в Токио просил меня обсудить этот вопрос с японской главной квартирой во Владивостоке частным путем.

Японцы сначала разговаривали, но затем прекратили переговоры и отказались продолжать их дальше. Я ничего не скрывал от них, но очевидно они имели какой-то план, неизвестный мне. Они запрашивали, что я думаю по тому или иному поводу, и, когда я излагал свои соображения, уклонялись от их дальнейшего рассмотрения под тем или иным предлогом. Наконец я написал им письмо с указанием, что дальнейшее обсуждение вопроса бесполезно, взял обратно все, что мною было сказано до сих пор, и заявил, что мы начнем переговоры, когда Межсоюзнический комитет пригласит союзных командующих рассмотреть вопрос об охране железных дорог. Вопрос об этой охране был разрешен только к середине апреля.

Когда начал рассматриваться вопрос об охране железной дороги, я ожидал спора по поводу Китайско-восточной железной дороги, находящейся в Манчжурии. Однако мы не встретили затруднений в определении участков, которые предназначались для нашей охраны.

Британцы и французы заявили, что они не могут охранять дорогу, на которой не имеют достаточно войск. Я предложил, чтобы китайцам и русским было предоставлено право выбирать те участки железной дороги, лежащие в пределах их территории, которые они сами пожелали бы охранять, а американцы, японцы и чехи будут выполнять охрану на оставшихся участках.

Это предложение было принято.

В то время как русские заявляли, что они не в состоянии охранять какую-либо железную дорогу, китайцы сразу согласились охранять всю Китайско-восточную железную дорогу протяжением почти в тысячу миль. Я ожидал возражений со стороны японцев, но это требование было единодушно принято. Американской охране был поручен участок железной дороги в Восточной Сибири и участок около восточной части озера Байкала.

Вечером меня посетил китайский верховный комиссар и заявил, что немедленно после окончания совещания союзных командующих начальник японского штаба обратил внимание китайского делегата на то, что соглашение между Японией и Китаем, в котором Японией были предъявлены Китаю «военные условия», вошло в силу и что в связи с этим соглашением охрана Китайско-восточной железной дороги должна выполняться совместно японцами и китайцами. Верховный комиссар заявил, что китайцы желают сами охранять железную дорогу, и просил моей поддержки. Я заявил, что по моему мнению большинство союзных командующих имело в виду поручить охрану Китайско-восточной железной дороги Китаю без помощи Японии и именно на этой основе нами производилось распределение охраны.

Об этом было сообщено китайскому правительству, и оно решило, что китайцы одни будут охранять Китайско-восточную железную дорогу.

Япония внешне согласилась с этим решением, но вскоре нашла необходимым провести линию полевого телефона вдоль Китайско-восточной железной дороги. Эта телефонная линия потребовала японской охраны там, где китайские солдаты охраняли железную дорогу.

Британцы, французы и японцы думали, что охрана железных дорог позволит им лишить меня независимости действий. Британцы и французы не могли помочь в охране железных дорог, но они могли сделать больше, чем только давать нам невыполнимые советы. Британцы не были в состоянии охранять ни одной мили железной дороги, но они могли говорить нам, как должна охраняться каждая миля.

Первое предложение было поручить руководство охраной железной дороги на восток от озера Байкала — японскому командованию, и к западу от озера Байкала—французскому генералу Жанену.

Я считал, что это предложение должно быть представлено на рассмотрение правительства Соединенных штатов, и

28 марта 1919 г. телеграфировал Военному департаменту следующее:

«Я думаю, не следует предпринимать ничего такого, что может поставить американские войска под какое-либо другое командование: это привело бы скорее к использованию наших войск против так называемых большевиков и свело бы абсолютно к нулю все то, что нами сделано; поскольку дело касается русских, такое положение привело бы к изменению нашей политики невмешательства в сторону принятия участия в борьбе».

Я считал себя также обязанным сообщить послу Моррису, что никогда больше не хочу слышать о подобном плане.

Вскоре вслед за этим ген. Нокс стал настаивать, чтобы охрана не допускала большевиков ближе чем на десять километров к железной дороге. Это предложение было представлено откуда-то послу Моррису.

Я решительно заявил союзным командующим (имея в виду главным образом ген. Нокса), что намерен охранять свой участок так, как считаю нужным, и не нуждаюсь ни в чьей помощи, пока не справлюсь с этим делом; после этого я буду рад получить указания. Подобное предложение никогда больше не поступало ко мне.

Для охраны железной дороги было необходимо отправить штаб и два батальона 27-го пехотного полка под начальством полк. Морроу на Забайкальскую дорогу, где мы приходили в соприкосновение с известным Семеновым. Выбрать человека, который сдерживал бы Семенова и не создавал серьезных затруднений, — являлось делом весьма щепетильным.

Полк. Морроу в высшей степени подходил для этого необычного дела. Он мог быть деятельным, политичным, твердым, и, если потребуют обстоятельства, резким. Недолго пришлось ждать столкновения Морроу с Семеновым.

Морроу было поручено осуществлять железнодорожное соглашение, т. е. препятствовать всякому вмешательству в эксплоатацию железной дороги в пределах американского участка. Семенов явился на участок Морроу и арестовал нескольких железнодорожных служащих под тем предлогом, что они являются большевиками. Морроу известил его, что он не позволит арестовывать этих людей, если ему не докажут, что они совершили какое-нибудь преступление.

Семенов, страшно раздраженный попыткой какого-то иностранца указывать ему, что он может и чего не может

делать в России, известил Морроу, что он повторит сделанное им.

В ответ Морроу заявил, что если тот продвинет свой бронированный поезд дальше определенного места, то он пустит его под откос или в какое-нибудь столь же подходящее место и подготовился выполнить свою часть контракта, расположив свои небольшие 37-*мм* орудия по обеим сторонам железной дороги и устроив вокруг них баррикады из мешков с песком.

Я потерял на некоторое время сон в связи с этим происшествием, опасаясь к тому же, что Морроу за отсутствием подходящего оружия не сможет хорошо выполнить задуманное. Тем не менее я решил не вмешиваться в эту распрю и предоставил Морроу самому справляться с ней. Заявление Морроу подействовало, и Семенов не появился.

Железнодорожное соглашение предусматривало, что военное командование должно охранять железные дороги; поэтому всем военным отрядам вменялось в обязанность обеспечить безопасное следование по охраняемым участкам пассажиров и грузов.

Военное командование не должно было касаться вопросов о характере груза и о том, кому он направляется; то же самое правило должно было действовать и в отношении пассажиров.

Это правило казалось настолько бесспорным, что я не предвидел каких-либо затруднений в его выполнении, однако такие затруднения вскоре возникли на участке, охраняемом, соответственно соглашению, японцами.

27 мая 1919 г. Межсоюзнический железнодорожный комитет единодушно принял следующую резолюцию:

«Выполнение всех назначенных перевозок возлагается всецело на железнодорожных агентов. Это решение соответствует ясному толкованию этого вопроса военными командующими».

25 июля 1919 г. комитет просил союзных командующих высказаться, насколько его резолюция относительно нарушения правил движения поездов обязательна, и заявил, что Семенов неоднократно нарушал порядок.

Ген. Отани, японский командующий, ответил:

«Ввиду того что японские войска расположены в области с целью поддержания порядка и общественного спокойствия, они должны конечно, в случае если потребует этого их долг, оказывать содействие железной дороге против злоумышленников, пытающихся нарушать железнодорожное движение.

Однако все недоразумения, возникающие на железной дороге среди союзных войск, включая русских и союзных агентов, которые по самому своему характеру являются проводниками решений соответствующих правительств или дипломатических представителей, не должны требовать японского вмешательства точно также как мелкие инциденты, которые могут быть ликвидированы русскими гражданскими или военными властями».

Япония являлась единственной державой, проводившей политику невмешательства японских войск в действия Семенова и Калмыкова, хотя последние оперировали в районе железной дороги, охраняемом японцами. В результате такой политики Семенов получил возможность нанести на участках, охраняемых японцами, ряд оскорблений некоторым членам американского отряда по обслуживанию железных дорог. Точно так же он получил возможность задержать американский поезд, груженый винтовками, предназначенными для Колчака, и предъявил требование о выдаче 15 тыс. винтовок, которые он угрожал взять силой, если офицер не выдаст их ему добровольно.

Перед занятием американцами участков, охрана которых была им поручена, я выпустил к населению воззвание на русском языке и распространил его по всем участкам, во всех селениях и городах.

Воззвание содержало между прочим следующее:

«Итак, теперь русское население извещено и предупреждено, что при выполнении своего долга единственной целью вооруженных сил Соединенных штатов является охрана железной дороги между указанными выше пунктами, охрана самой железной дороги и железнодорожного имущества, а также обеспечение беспрепятственного и беспрерывного движения пассажирских и товарных поездов на участках, охраняемых американскими войсками.

Нашей целью является оказать действительную помощь русским поддержкой необходимого железнодорожного движения на участках Сибирской железной дороги, порученных нашей охране. Все будут пользоваться одинаково благожелательным отношением со стороны наших войск, невзирая на свое общественное положение, национальность, религию и политическую группировку. Все граждане призываются к оказанию содействия и предупреждаются, что никакого нарушения правильности движения не будет допущено».

Мне казалось в то время, как и теперь, что это воззвание вполне соответствовало моменту. Мы охраняли железную

дорогу не только против выступлений белых, не только против большевистских или антибольшевистских выступлений, но мы указывали, что никто не должен нарушать железнодорожного движения.

Это воззвание вызвало целую бурю негодования и обвинений в том, что я поместил белых рядом с большевиками. Де-Витт Пуль, глава русской секции Государственного департамента, позднее в разговоре с одним офицером Военного департамента на совещании, которое официально обсуждало мои действия в Сибири, открыто осуждал меня за выражение «независимо от политических группировок». Если бы я придерживался одинакового с Пулем взгляда на русские дела, я несомненно не употребил бы этого выражения и направил бы войска на защиту железных дорог против большевиков. Эта критика меня де-Витт Пулем ясно показывает, насколько мы различно понимали слова «невмешательство во внутренние дела русского народа и неприкосновенность политического суверенитета России».

Со времени заключения железнодорожного соглашения и назначения войск на охрану железных дорог я получил возможность составить себе отчетливое представление о существовавших в Сибири политических разногласиях. И я уверен в том, что никто не может указать ни на одно действие американских войск, которое свидетельствовало бы о нарушении политической позиции Соединенных штатов в вопросе о «невмешательстве». Как только войска приступили к охране железных дорог, сразу все сторонники Колчака начали пользоваться покровительством союзных войск. Его сторонники жили в городах, расположенных вдоль железных дорог, и войска не допускали вооруженных столкновений в этих городах.

Фактически эти железные дороги превратились в колчаковские железные дороги, финансируемые союзниками. Если какой-нибудь русский, не симпатизирующий Колчаку, обращался к железнодорожной станции, чтобы проехать по железной дороге или перевезти груз, ему грозила серьезная опасность потерять жизнь или свободу.

Эти заявления базируются на официальных донесениях.

Вскоре антиколчаковцы начали жаловаться, что мы помогаем Колчаку, охраняя его пути сообщения. Моим единственным ответом было, что я охраняю железную дорогу как для них, так и для противной стороны, и что я не считаю нужным знать, что находится в вагонах, которые следуют через американский участок. Это не удовлетворило противни-

ков Колчака, и они вскоре начали нападать на американские отряды и на имущество, находившееся под нашей охраной. В ответ на эти нападения мы прибегли к решительным действиям.

Наиболее серьезные волнения произошли близ Сучанских угольных копей, по железной дороге, ведущей от копей к магистрали. Из всех районов, с которыми мы приходили в соприкосновение, район Сучанских копей был наиболее большевистски настроенным. Иванов-Рипов хотел арестовать некоторых руководителей движения, работавших в копях. На обязанности американцев лежало не допускать перерыва работы в копях, поэтому я заявил Иванову-Ринову, чтоб он не посылал своих войск в Сучан, так как это может вызвать стачку и копи будут закрыты. Местная колчаковская пресса подняла крик о том, что я покровительствую большевикам. Я заявил Иванову-Ринову, что если кто-нибудь в копях будет обвинен в каком-либо преступлении, мы будем следить, чтобы полиция копей арестовала его и выдала гражданским властям для суда.

Это не удовлетворило антибольшевиков, и тогда я предложил вывести американские войска и предоставить им закрыть копи. Они знали, что сделать этого не могут. В конце концов была установлена определенная запретная зона, на территории которой я не должен был допускать образования каких-либо большевистских организаций и куда не должны были вступать колчаковские войска.

Для меня являлось очень счастливым обстоятельством, что Смит был назначен в качестве представителя Соединенных штатов в Межсоюзнический комитет, как это было обусловлено одной из статей соглашения. Смит был железнодорожником в Соединенных штатах, говорил по-русски и располагал доверием других членов комитета.

2 марта 1919 г. я получил письмо от ген. Нокса, в котором он между прочим говорил следующее:

«Я хочу, чтобы мы смогли выступать более согласованно в здешних делах. Цели, преследуемые нами, несомненно весьма близки, но мы попали в различные колеи. Политика нашего правительства выражается в поддержке Колчака, и я считаю эту политику правильной, потому что, если его не будет, наступит хаос. Я ни на минуту не допускаю мысли о том, что Колчак является архангелом Гавриилом, но он обладает энергией, патриотизмом и честностью. Пребывание мое в России в течение восьми лет дает мне основание думать, что если человек обладает этими качествами, то его

нужно держаться. Широко пропагандируется мысль о том, что ваши соотечественники являются сторонниками большевиков. Я думаю, что в интересах союзнической солидарности и безопасности союзных отрядов вы постараетесь опровергнуть это».

Письмо ген. Нокса вскрывает те основные разногласия в нашей политической позиции, которые исключали возможность сотрудничества.

Британский и французский консулы и американский генеральный консул в Сибири Гаррис делали все, что могли, для того чтобы помочь Колчаку, в то время как я стремился оставаться нейтральным.

Таковы были мои инструкции, к которым прибавилось сообщение начальника Штаба от 28 марта 1919 г., предписывавшего мне держаться этого курса впредь до изменения его президентом. Дальнейшие цитаты определенно покажут, что намерения Военного департамента сводились к тому, чтобы я оставался нейтральным.

Я ответил на письмо ген. Нокса между прочим следующее:

«Я считаю широко известным, так как это было опубликовано, что Соединенные штаты не намереваются вмешиваться во внутренние дела русских. Я твердо следую этой политике.

Что касается поддержки Колчака, то я не усматриваю в своих инструкциях указания, кого поддерживать или не поддерживать. Судя по вашему выражению: «и не желает больше возвращаться к безумству старого режима, как вы думаете»,—я боюсь, что вы считаете некоторые мои поступки обусловленными моими взглядами на адмирала Колчака, как на человека с монархическими тенденциями. Я считаю, что меня не касается вопрос, каковы стремления какой-либо из борющихся партий в России.

Относительно нашего заявления о широко распространяемом большевиками утверждении, что американцы являются сторонниками большевиков, то это, возможно, и правда, но я уверен, что подобная пропаганда скорее исходит от антибольшевиков, чем от большевиков.

Если вам незнакомы сообщения некоторых органов местной прессы, то я думаю, вы согласитесь со мной, что безнадежно и бесполезно пытаться опровергать те ложные сообщения, которые появляются в этих газетах. Не истина руководит этими газетами, а бессознательный расчет на то, что при помощи ложных сообщений можно заставить американцев выступить».

Кажется, это было последней попыткой ген. Нокса заставить меня следовать британской политике. Вслед за этим он перенес свои происки в Лондон и обратился к представителям Государственного департамента в Сибири. Посетив вскоре американского консула во Владивостоке Колдуэла, он настаивал, чтобы тот телеграфировал правительству Соединенных штатов о том, что ген. Грэвс неправильно проводит политику Америки по отношению к Сибири и неправильно выполняет волю американского правительства и американского народа. Я не могу утверждать, хотя и подозреваю, что с таким же предложением он обратился к генеральному консулу Гаррису. Если он этого не сделал, то трудно представить себе почему, так как Гаррис следовал такой же политике в вопросе о поддержке Колчака.

Естественно у читателя возникает вопрос, каким образом оказалось возможным, чтобы агенты различных департаментов правительства Соединенных штатов проводили такую противоречивую политику в столь жизненном и важном вопросе, как использование войск на иностранной территории.

Я жалею, что не в состоянии дать точный ответ на этот естественный вопрос, и могу высказать только предположение. Мое предположение сводится к тому, что фактически все аккредитованные агенты всех иностранных правительств, точно так же как все прежние должностные лица царского режима, были настроены очень враждебно к советской системе и опасались распространения коммунизма. Отсюда постоянные и определенные попытки прибегнуть к интервенции в надежде положить предел распространению коммунизма на Дальнем Востоке. Эти усилия оказались успешными в отношении представителей Государственного департамента, которые перешли от формулы: «не вмешиваться, воздерживаться от признания или участия в какой-либо партийной или партизанской борьбе в России или в Сибири» — к политике оказания поддержки русской политической группировке, ведущей борьбу с Советами.

Мысль об образовании Восточного фронта формально предшествовала стремлению начать вооруженную интервенцию. Однако желание положить предел распространению социалистических идей вероятно играло столь же значительную роль, хотя по некоторым причинам союзные и объединившиеся державы не считали целесообразным даже упоминать о страхе перед распространением большевизма на Дальнем Востоке, ныне не скрываемом. Мне неизвестно, изменил ли Государственный департамент инструкции, на что указы-

вает генеральный консул Гаррис, но мои инструкции, аналогичные тем, которые были даны ему, никогда не изменялись.

Больше того: средства для получения информации, шедшей в Сибирь и из Сибири, были весьма скудны и неудовлетворительны, а после занятия чехами Сибирской железной дороги и Владивостока было практически невозможно получить информацию помимо той, которая предназначалась для обоснования идеи о вооруженном вмешательстве. Единственным исключением в смысле возможности получения более широкой информации являлись дипломатические и консульские агенты. Но так как эти агенты обладали узким кругозором, что наблюдалось почти повсюду, им было нетрудно получать такую информацию, которая имела целью доказать необходимость интервенции, и отвергать как пропаганду всякую информацию, противоречившую их взглядам. Это могло делаться с наилучшими намерениями и искренним убеждением в том, что они служат интересам своих правительств. В результате этого представители Военного департамента и Государственного департамента проводили совершенно различную политику в одно и то же время, в одном и том же месте.

Не может быть двух мнений относительно правильности этого заявления; именно в результате такого положения позиции всех агентов Соединенных штатов подвергались жестокой критике.

Все русские и союзные представители, относившиеся благожелательно к вооруженной интервенции, жестоко критиковали мое поведение. В свою очередь те, кто придерживался политики «невмешательства во внутренние дела русского народа», горячо осуждали представителей Государственного департамента. Направление политики Соединенных штатов казалось было рассчитано на то, чтобы вызвать эту критику.

По моему мнению для Соединенных штатов являлось неблагоприятным обстоятельством то, что во время событий, происходивших в России, русскими делами ведали лица, выполнявшие ранее правительственную службу на Дальнем или Ближнем Востоке или в особенности в России. Эти лица соприкасались и входили в дружеские отношения с людьми тех слоев общества, которые как правило являлись сторонниками царского режима. Возможно, что американцы, которых я имею в виду, принадлежали к категории тех людей, которые не питают симпатии к стремлениям и чаяниям так на-

зываемого порабощенного класса ни в России, ни в Соединенных штатах.

Бесспорно, что генеральный консул Соединенных штатов в Сибири, Гаррис, являлся горячим сторонником Колчака и придерживался принципов управления Россией, положенных в основу режима Колчака. Люди, которые поставили у власти адмирала Колчака, — по крайней мере те из них, которые были русскими, — фактически принадлежали к бывшим должностным лицам царского режима или к монархическим кругам. Мак Говэн, американский консул в Иркутске и позже во Владивостоке, являлся их горячим сторонником и делал все, что мог, в интересах монархистов. Именно этот консул сообщил американскому послу в Вологде, что через Иркутск прошел поезд, переполненный германскими штабными офицерами, которые плохо скрыли свою форму под русской одеждой, и что эти германские офицеры отправлялись для организации германских и австрийских пленных с целью захватить Забайкальскую железную дорогу.

Теперь известно, что Мак Говэн был введен в заблуждение кем-то, вероятно заинтересованным в том, чтобы побудить президента Вильсона согласиться на посылку американских войск в Сибирь.

Всякий, кто находился в Сибири во время интервенции и знал закулисные стороны этого дела, может притти к единственному логическому выводу, что основной мотив для интервенции не был сообщен широкой публике.

Поведение представителей союзников, так же как и генерального консула Соединенных штатов, создает полную уверенность в том, что союзные и присоединившиеся нации, отправляя войска в Россию, стремились положить предел распространению коммунизма. Другим доказательством такого положения являлось и является широко распространенное, по крайней мере в Соединенных штатах, мнение, что это именно так и было.

После заключения перемирия уже не делалось никаких попыток скрыть тот факт, что союзные войска стремятся уничтожить большевизм. В самом деле, это — единственное, что может оправдать пребывание иностранных войск в Сибири.

Против меня и наших войск, проводивших, согласно директиве, политику невмешательства и не желавших следовать за союзниками в их борьбе против так называемого большевизма, существовало громадное раздражение. Однако, хотя американские солдаты не могли принять участия в ужасах гражданской войны, их присутствие и охрана ими же-

лезной дороги, которая была использована исключительно в интересах Колчака, несколько ослабили те жестокости, которым подвергалось все население.

По возвращении моем с Дальнего Востока начальник Штаба говорил мне, что я не имею ни малейшего представления о том давлении, которое оказывалось британцами в Вашингтоне, чтобы добиться моего отзыва. Я имею такие же точно сведения, что они не остановились перед тем, чтобы дойти с этими настояниями до президента.

Общеизвестно, что дискредитировать офицера армии в Соединенных штатах не представляет труда. Я не знаю и никогда не узнаю, какие доклады писал ген. Нокс в Лондон по поводу меня и американских войск. Однако мне известно, что он держал при себе молодого капитана, который давал совершенно ложные сообщения об американцах. Один британский офицер, временно выполнявший обязанности ген Нокса во время его отсутствия, доверительно рассказал мне об этих сообщениях. Ген. Нокс посылал часто эти сообщения через английского посла в Лондон к сведению британского правительства, чтобы оправдать попытки добиться отрешения американского офицера от командования американскими войсками. Ген. Нокс мог и не фабриковать ложных сообщений, но он мог передавать по телеграфу ложные сообщения, сделанные ему этим молодым безответственным офицером.

Естественно, что президент беспокоился, считая, что в Сибири делается что-то неладное. Но именно этого добивался ген. Нокс. Он или его представители не раз пытались узнать у американцев, в чем заключается мое влияние и кто поддерживает меня в Вашингтоне. Эти происки были направлены непосредственно против меня.

Тот, кто знает офицеров американской армии, не может представить себе, чтобы кто-нибудь из них не только сделал, но даже был способен совершить то, что делал ген. Нокс. Британцы строго осудили бы военного американской армии, который отправился бы к представителю британского министерства иностранных дел с целью побудить его предпринять шаги для отзыва какого-либо офицера британской армии. И если бы я сделал то же, что сделал ген. Нокс, т. е. пытался бы добиться его отставки ввиду неправильного выполнения им своих обязанностей, то вероятно он расценил бы мой поступок как оскорбление, которое требует воздействия со стороны правительства Соединенных штатов.

Можно привести и такой пример. Однажды я поручил военному представителю в Омске сообщить министру иностранных дел Колчака, Сукину, что в случае если не прекратятся известные действия, мною будут приняты соответствующие меры. Меня немедленно известили из Вашингтона, что в будущем я должен сноситься с колчаковским правительством через Государственный департамент. Этот порядок сношений был мне хорошо известен, но вопрос, на который обращалось внимание Сукина, не мог быть отложен до сообщения о нем через Государственный департамент. По моему мнению я был единственным военным представителем в Сибири, который подвергся упреку за сношение по весьма неотложному для американцев делу с лицом, претендовавшим на представительство «верховного правителя» России, никогда и никем непризнанного в качестве главы правительства.

Давно пора американскому народу отдать себе отчет в том, что иностранцы прекрасно знают, как легко они могут вызвать в Соединенных штатах подозрительное отношение к нашим представителям, если последние отказываются следовать той линии поведения, которой желают иностранцы.

Хорошо известно, что британские и французские представители настойчиво пытались добиться отрешения меня от командования, потому что я выполнял приказания, полученные от правительства Соединенных штатов, а не желания ген. Нокса. Я знал о сообщении японцев в Вашингтон, что они предпочитают иметь дело скорее с дипломатом, чем со мной. Был ли я дипломатом или нет, это другой вопрос, но конечно я был столь же дипломатичен в моих отношениях с представителями Англии, Франции и Японии, как и они в отношениях со мной.

Может ли кто-нибудь представить себе, чтобы наше правительство сделало представление британскому правительству относительно совершенно необычного поведения ген. Нокса? Я думаю, что нет.

Другое доказательство непривлекательных методов британцев имеется в книге, написанной полк. Джоном Уордом, членом парламента.

Я видел эту книгу в библиотеке Конгресса в Вашингтоне и ознакомился с описанием событий, связанных с действиями военных представителей Соединенных штатов. Эти описания настолько противоречат фактам, что я приведу несколько выдержек. Полк. Уорд пишет:

«В то время в Никольске была получена телеграмма от начальника станции Краевской с указанием, что он пользуется телеграфной линией в своем доме, так как на станцию пришел отряд красной гвардии и в присутствии американских солдат, охранявших железную дорогу, арестовал его и его служащих и занял станцию».

Для всех, кто был в Сибири в то время, это сообщение должно казаться настолько нелепым, что не требует дополнительных комментариев. Тех, кто не знает сибирских условий, могу уверить, что если бы этот человек, посылавший телеграмму, был удален из своего служебного помещения, он не получил бы разрешения отправиться к другому телеграфу. И совершенно невероятно, чтобы он имел телеграфный аппарат у себя на дому.

Это сообщение должно было показать, что американские солдаты помогали большевикам. Я не смею утверждать, что полк. Уорд не получал этой телеграммы, но я могу сказать, что то значение, которое он стремится придать этому случаю, ничем не подтверждается.

В другом месте полк. Уорд говорит:

«Из 60 офицеров связи и переводчиков свыше 50 были русские евреи».

В американских штабах не было такого количества связистов и переводчиков. Но Соединенные штаты, так же как и Великобритания, были рады во время войны иметь у себя на службе евреев. Я никогда не интересовался вопросом, является ли солдат евреем или нет, и не делал никакого различия в отношении к людям, находившимся под моей командой. Я не знаю, кто в моем штабе был еврейского происхождения, но я знаю, что мой личный переводчик являлся британским подданным, уроженцем Шотландии. Я могу также сказать, что он был деятельным, добросовестным и заслуженным работником.

Полк. Уорд знал, что для тех правящих классов России, сторону которых он держал, евреи являются исчадием ада, и своим ложным заявлением он стремился снискать расположение своих единомышленников в Сибири. Глава книги полк. Уорда относительно американских сил в Сибири, полная извращений в описании фактов и событий, указывает на его враждебное отношение и озлобленность против американских войск.

Выше я уже достаточно ясно показал, что причины этой враждебности и озлобленности лежали в моем нежелании позволять британцам распоряжаться мною. Эта враждеб-

ность продолжалась до того момента, пока ген. Нокс не взошел на борт судна, чтобы покинуть Сибирь.

В течение сентября 1919 г. Колчак повидимому добился некоторого успеха в организации, вооружении и обмундировании людей, призванных в его войска. Так как все способы сообщения как внутри страны, так и во Владивостоке находились под контролем колчаковских сторонников, а все иностранные представители к тому же относились с симпатией к усилиям Колчака, то лишь немногие, кажется мне, знали о событиях на фронте. Было легко преувеличивать успехи и преуменьшать поражения. Было легко сочинять донесения, что дело идет успешно.

В качестве примера, как это было в действительности, привожу донесение, которое находится в моем распоряжении

«Ведомости на довольствие на 30 мая 1919 г. показывали, что армия Гайды не превышала 120 тыс. людей, находящихся в строю для зачисления на довольствие, а на 9 июня—только 100 тыс. чел. Ведомости показывали, что в то же время лиц, получающих довольствие из Омска, насчитывалось 275 т. чел.

Запрошенный для объяснений по этому поводу Гайда заявил, что он ничего не может сказать, так как эти неправильные сведения целиком исходят из его штаба. Он заявил, что на 30 июня у него числилось в строю не больше 30 тыс. чел., а на 1 июня было не больше 60 тыс. чел., помимо резервистов, находящихся на его довольствии».

Некоторые генералы Гайды указывали, что причина их неудач на фронте обусловливалась недобросовестностью снабженческой службы. Гайда послал офицера проконтролировать отправку предметов снабжения из Екатеринбурга и сравнить с тем, что прибудет в Пермь. Вот эти сведения:

Предметы снабжения, доставленные к месту назначения (в процентах к количеству отправленного)

Овощи, консервированные и свежие	100%
Табак для выдачи	82%
Сахар для войск и для продажи офицерам	73%
Фураж	90%
Мясо	46%
Обмундирование	65%
Обувь	35%
Мука	45%

Эти крупные недостачи были обнаружены в течение трех месяцев и только на участке дороги между Екатеринбургом и Пермью.

Гайда принял в связи с таким недобросовестным ведением дела суровые меры, некоторые офицеры были преданы военному суду и получили отставку.

Следовало ожидать, что русские, а в особенности высшее офицерство колчаковской армии, окажут поддержку Гайде в его попытке вырвать с корнем недобросовестные элементы в армии. Но в Сибири существовала общая уверенность в том, что мероприятия Гайды вызвали враждебное отношение к нему русских и сыграли большую роль в его окончательном разрыве с Колчаком.

Наибольшее количество обмундирования для мобилизованных русских доставили британцы. Ген. Нокс утверждал, что британцами было передано колчаковским войскам 100 тыс. пар обмундирования.

Эта цифра частично подтверждается количеством людей в Красной армии, носивших британскую форму. Ген. Нокс чувствовал отвращение к красным, одетым в британскую форму; позднее ему было сообщено о необходимости заявить, что британцы ничего больше не дадут Колчаку, так как все, чем они снабжают, попадает в руки большевиков. Люди, находившиеся в Красной армии и одетые в британскую форму, были собственно говоря именно теми, кому выдавалась эта форма, когда они служили в колчаковских войсках. Подавляющее большинство этих людей не желало сражаться за Колчака.

Методы, которыми пользовался Колчак при мобилизации, вызывали трудно подавляемые волнения. Сибиряки шли на службу, гонимые страхом не перед врагом, а перед своими собственными войсками. В результате, как только их вооружали и одевали, они дезертировали полками, батальонами и в одиночку к большевикам.

9 апреля 1919 г. я сообщал:

«Численность так называемых большевистских банд в Восточной Сибири возрастает в связи с приказом о мобилизации и чрезвычайными мерами, принятыми для ее выполнения. Крестьяне и рабочие не желают сражаться за колчаковское правительство».

13 апреля японцы подготовили план втянуть меня во внутренний конфликт. Они обратились ко всем союзным военным представителям с указанием, что большевики угрожают железной дороге близ города Скотово и что движение благодаря этому остановилась; японцы настаивали, чтобы для отпора большевикам были посланы отряды всех союзников под командой японцев. Когда все согласились принять в этом

участие, хотя один из союзников послал всего одного солдата, а другие — незначительные силы, японцы через начальника штаба обратились ко мне с просьбой присоединиться.

Я хорошо знал, что японцы хотят или побудить меня принять то или иное участие в операциях против большевиков или поднять крик о том, что я отказываюсь присоединиться к выступлению против большевиков совместно с другими союзниками. Большевикам японцы намеревались заявить, что те не должны переходить к западу от северной и южной линии, проходящей через Скотово.

По наведенным справкам выяснилось, что движение не было остановлено и что все нападение выразилось в 20 выстрелах, произведенных неизвестными лицами и с неизвестной целью. По моему убеждению выстрелы были произведены какими-нибудь русскими по японской указке, для того чтобы попытаться поставить меня в затруднительное положение.

В ответ на этот запрос японцев я письменно ответил следующее:

«Соединенные штаты и Япония торжественно заверили русский народ в том, что они не будут нарушать его политического суверенитета и вмешиваться в его внутренние дела. Ввиду этого торжественного заверения я не могу усмотреть, каким образом мы можем ограничить передвижение русских в их собственной стране, — к востоку или к западу, к северу или к югу от воображаемой линии, которую Япония предполагает провести. Я не могу присоединиться ни к какому выступлению, если оно не вызывается необходимостью охраны железной дороги».

Этот ответ вызвал в японской и местной антиамериканской прессе бурю негодования против американцев.

Из всех областей Восточной Сибири, где находились американские войска, получались сообщения об убийствах и истязаниях мужчин, женщин и детей. Сообщения о подобных насилиях поступали и в главную американскую квартиру от крестьян из деревень. Я считал, что эти сообщения, получаемые от офицеров американской армии, были достоверны, так как, прежде чем передавать их в главную квартиру, офицеры лично проверяли их.

Сообщения крестьян о жестокостях не противоречили сообщениям офицеров армии, ввиду чего я относился к ним с полным доверием. Я никогда не мог понять психологии тех людей, которые надеялись подобными действиями устано-

вить прочное правительство в Сибири. Колчаковские сторонники, совершавшие эти жестокости, знали, что их правительство, — собственно только видимость правительства, — не просуществует и месяца без поддержки иностранных штыков.

Эти жестокости, на ряду с некоторыми агрессивными действиями войск Иванова-Ринова, создавали значительные трения между Ивановым-Риновым и мною.

9 мая 1919 г. я телеграфировал Военному департаменту следующее:

«Иванов-Ринов приказал направить в Омск все, что предназначалось для выдачи Хорвату. Из достоверных источников я получил сведения, что отмена вызвана предъявленным к колчаковскому правительству требованием назначить Хорвата главнокомандующим в Восточной Сибири, а Семенова командующим войсками. Значение происшедшего еще не выяснено».

Отправляясь в Омск, Иванов-Ринов посетил меня в сопровождении переводчика и адъютанта. Я пригласил в мою канцелярию своего переводчика, ожидая неприятного разговора. К моему изумлению Иванов-Ринов начал говорить о том, что он не чувствует ко мне враждебности и надеется, что я не имею ее по отношению к нему; что он с удовольствием выпил бы со мной бутылку вина за процветание наших обеих стран и высказал надежду, что, когда они успешно отделаются от большевизма, мы сможем сесть за один стол и вместе выпить эту бутылку вина.

Он был очень откровенен и заявил:

«Прежде чем я уеду, я должен сказать вам, что мы всячески старались заставить вас переменить вашу политику. Мы пускали в ход лесть, злоупотребления, мы пытались создать для вас затруднительные положения, но, насколько я вижу, мы ни на иоту не смогли изменить вашей позиции. Хотя я и не сочувствую вашей политике, я восхищен вашей твердостью».

Он пробыл около часа, и мы в самой любезной форме обсуждали положение на Дальнем Востоке.

В то время как британцы снабжали колчаковские войска обмундированием, Соединенные штаты через Красный крест также производили снабжение колчаковских войск.

Как уже говорилось раньше, д-р Теуслер, глава американского Красного креста, не был настроен доброжелательно к стремлениям русского народа. Я огорчен, что мне приходится отмечать этот факт, но справедливость требует при-

знания, что американский Красный крест в Сибири действовал как агент по снабжению Колчака.

Американский майор Слоутер, находившийся в Омске, получил 16 апреля 1919 г. из Иркутска от д-ра Теуслера следующую телеграмму:

«Прошу сообщить Сукину, что мы приобрели в Китае и Японии триста тысяч комплектов шерстяного белья для русской армии. Сообщите ему также относительно второй партии в триста тысяч комплектов, заказанной в Америке. Глубокое извинение за промедление в этом деле».

Предполагая, что это снабжение предназначено для выдачи русскому населению, я назначил охрану к краснокрестовским поездам до Омска. Один молодой офицер в своем рапорте по возвращении из командировки по охране поездов писал:

«Мне не удалось остановиться в Омске, так как колчаковские войска ожидали на следующий день сражения, и я был отправлен на фронт, чтобы выдать снабжение до момента ожидаемого боя».

Это ставило американские войска в положение снабженцев колчаковских войск; я известил д-ра Теуслера, что если этот случай когда-нибудь повторится, он больше не получит от меня охраны для своих поездов. Воображаю, какая поднялась бы буря, если бы американцы были замечены в выдаче чего-либо большевикам.

Американский Красный крест представлял госпитали исключительно для колчаковцев и за все время пребывания в Сибири д-ра Теуслера фактически действовал как агент по снабжению Колчака.

По моему мнению то обстоятельство, что глава американского Красного креста так открыто действовал вразрез с торжественным обращением президента Соединенных штатов к русскому народу, было весьма неблагоприятным; хотя Красный крест не являлся правительственной организацией, его поведение непосредственно отражалось на интересах Соединенных штатов.

12 июня я телеграфировал Военному департаменту между прочим следующее:

«Полк. Морроу известил Семенова, чтобы тот вывел свой блиндированный вагон с американского участка; в противном случае он выведет его сам. Японский ген. Иоше заявил Морроу, что «японцы воспротивятся силой выводу американскими войсками с участка семеновского блиндированного вагона». Слоутер телеграфирует, что Сукин (омский ми-

нистр иностранных дел) сообщил ему, что считает этот инцидент показательным для желания японцев вызвать столкновение между американцами и русскими. Еще до получения этого сообщения от Слоутера Смит (американский представитель в Межсоюзническом железнодорожном комитете) сказал мне, что полк. Роберстон, теперешний британский верховный комиссар, известил его вчера весьма конфиденциально, что, по его мнению, это столкновение Семенова с американцами инспирируется японцами».

Бесспорно, что все серьезные выступления Семенова вдохновлялись японцами. Я уже сообщал Военному департаменту, что при рассмотрении дальневосточных вопросов казаки и японцы должны расцениваться как единая сила. Я не имею оснований изменить это мнение.

Некоторые японцы были бы рады видеть столкновение американских войск с русскими, но другие были более осторожны, так как знали, что я располагаю достаточной информацией, чтобы доказать связь Японии с любым враждебным выступлением Семенова или Калмыкова против американцев.

24 июня я получил телеграмму от майора Слоутера, сообщавшую об отставке Гайды, которая была принята омским правительством.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КОЛЧАК И ПРИЗНАНИЕ

В начале июля 1919 г. я получил следующее извещение из Вашингтона: «Если американский посол Роланд Моррис отправится в Омск, поезжайте вместе с ним».

Ходило много толков относительно признания Колчака Соединенными штатами, и я считал, что поездка посла както связана с этим вопросом. Я считал, что это—политическая миссия, в которой мне нечего делать, но приказание отправляться в Омск создавало впечатление, что мне надлежит что-то делать, чтобы определить политическую линию поведения Соединенных штатов в Сибири. Я твердо стремился убедить союзников, что время для этого еще не пришло.

Я телеграфировал в Вашингтон и указал на мое нежелание ехать вместе с послом. Но власти посмотрели на этот вопрос иначе и 7 июля телеграфировали мне:

«Ссылаемся на ваш 373. Если Моррис отправится в Омск, желательно, чтобы вы сопутствовали ему».

Как только я узнал, что Моррис едет, я посоветовался с ним, и мы приготовились к поездке.

Мы должны были подготовить наш поезд с охраной из американских солдат, и только 11 июля выехали из Владивостока.

Колчаковские сторонники внушали Вашингтону, что мое отношение к русскому вопросу обусловлено службой на Дальнем Востоке, сталкивающей меня с реакционно настроенными казаками и не позволяющей составить представление об условиях к западу от Иркутска.

Я решил использовать свою поездку в Омск, для того чтобы узнать, если это будет возможно, отношение населения к омскому режиму. Посол Моррис располагал своим переводчиком, а я—своим; мы решили, что они должны действовать сепаратно и вести беседы с населением, когда наш поезд по разным поводам будет останавливаться.

Все запасные пути на станциях были заполнены поездами, набитыми беженцами из различных мест Западной Сибири. Я приказал моему переводчику беседовать главным образом с женщинами, так как думал, что они будут рассказывать охотнее, чем мужчины, а я делал заметки обо всем том, что сообщал мне переводчик после возвращения в поезд.

От Владивостока железная дорога проходит на север, по берегу, имея Амурскую губу к западу, и подымающиеся холмы к востоку. Проехав около 20 миль от Владивостока, мы оставили за собой окопы.

Город Никольск, — около 60 миль от Владивостока, — является местом скрещения части Уссурийской железной дороги, идущей на Хабаровск, с главной линией, идущей к ст. Пограничная, где она соединяется с Китайско-восточной железной дорогой, проходящей через Манчжурию. Никольск является для Сибири новым городом с постоянным населением около 50 тыс. чел., и в царское время там находился штаб армейского корпуса. За Никольском, по главной линии, расположены в большом количестве обработанные поля, по крайней мере в прилегающих к железной дороге местах, и в этом районе насчитывается свыше 80% обработанной земли; основная посевная культура — пшеница. На ст. Пограничная — на границе Сибири и Манчжурии — имеются таможня, железнодорожная станция и незначительное количество строений. Выехав отсюда, мы проехали по Манчжурии 920 миль. Весь этот район, от Владивостока до Харбина, тянущийся на 480 миль, ведет экстенсивное хозяйство больших или меньших размеров.

Достигнув Харбина 13 июля, мы попали в полосу утомительнейшей жары, но город оказался очень интересным. Постоянное население его очень разноплеменно и составляет 80 тыс. чел. Харбин расположен на судоходной р. Сунгари. Считается, что в Харбине представлены все национальности,—там имеется около 30 тыс. русских, а часть города населена исключительно китайцами.

Значение Харбина в большой мере обусловливается тем, что он находится на скрещении Китайско-восточной и Южно-манчжурской или Японской железной дороги, идущей на Мукден и Дайрен. В городе весьма разноплеменное население и много солидных торговых предприятий, слабо связанных с жизнью самого города. Харбин расположен вблизи восточной части обширной равнины, простирающейся к западу, причем эта равнина становится все более сухой по мере удаления на запад. Отдельные части ее населены кочевниками, которые передвигаются с места на место для перемены пастбищ.

Цицикар, около 175 миль к западу от Харбина, является главным городом Западной Манчжурии и обладает постоянным населением около 70 тыс. чел.

Манчжурия—железнодорожная станция на границе Манчжурии и Сибири — находится на расстоянии 415 миль от Цицикара. Здесь Китайско-восточная железная дорога соединяется с Забайкальской железной дорогой, представляющей часть Сибирской железной дороги. Это место является центром для караванов, перевозящих товары на большие расстояния. Караваны составляются из лошадей или верблюдов, которые часто запрягаются в широкие двухколесные телеги. В 235 милях от Манчжурии находится ст. Карымская, ближайший пункт скрещения Забайкальской и Амурской железных дорог, которая идет на северо-восток и на север, вдоль реки Амур, к Хабаровску и оттуда на юг, к Владивостоку.

От Никольска до Карымской дорога имеет только одну колею, но от этого места на запад идет двойная колея. Наиболее трудным участком Сибирской железной дороги в смысле эксплоатации и поддержания в порядке, является участок от ст. Карымской до ст. Иркутск. Эта трудность обусловливается тем, что железная дорога должна пересечь забайкальское плато и пройти вокруг южной части Байкальского озера. Это вызывает необходимость пользоваться 38 туннелями, содержание которых обходится весьма дорого и сопряжено с трудностями. Инженеры утверждают, что другого более подходящего пути не имеется.

Чита, где в это время господствовал Семенов, находится в 140 милях от Карымской и имеет постоянного населения около 75 тыс. чел.

В Верхнеудинске, где были расположены штаб и два батальона 27-го пехотного полка для охраны участка Забайкальской дороги, порученного американцам, мы остановились на день, чтобы повидаться с полк. Морроу и осмотреть его лагерь и войска. В этот день была прекрасная погода, и я остался весьма доволен состоянием лагеря полк. Морроу и его команды. Здесь имеется важная караванная дорога через Великую монгольскую пустыню, идущая от Калгана до Верхнеудинска. По этой дороге постоянно проходят караваны верблюдов, совершающие поездку в 40 дней.

Железная дорога доходит до Байкала в 80 милях от Верхнеудинска и идет по самому берегу озера, на протяжении около 180 миль. Озеро весьма красиво. Оно имеет около 400 миль в длину и от 20 до 60 миль в ширину, с общей площадью в 13 тыс. квадратных миль. Говорят, что оно обладает наибольшей глубиной из всех пресных озер мира, и во многих местах эта величайшая глубина начинается почти от самого берега озера. Наибольшая глубина его равняется 6 500 футам. Горы, окружающие озеро, имеют до 4 500 футов высоты над уровнем моря, в то время как озеро расположено на высоте около 2 тыс. футов над уровнем моря.

Иркутск, столица центральной Сибири, расположен на р. Ангаре, в 40 милях от того места, где река вытекает из озера Байкал. Это наиболее интересный город Сибири с исторической точки зрения. Ангара является единственным выходом из Байкальского озера. В царские времена политические и уголовные преступники, ссылаемые в Сибирь, следовали главным образом в Иркутск и оттуда посылались в различные места заключения или под надзор полиции. Жестокие меры, принимавшиеся для того чтобы предупредить побеги этих заключенных, не исчезли еще совершенно и в то время, когда я проезжал через Иркутск.

Железнодорожный путь проходит по южной стороне реки, а город находится на северной стороне, и станция соединена с городом понтонным мостом, поддерживаемым прочными канатами.

Покинув Иркутск, мы проехали по весьма лесистой местности на протяжении около 400 миль, а затем показались громадные степные пространства Сибири, которые начинаются от г. Красноярска, основанного в 1628 г. на берегах р. Енисея. Отсюда летом отправляются баржи с продуктами

этого района вниз по реке к ее устью на Ледовитом океане. Здесь они перегружаются на суда и идут в те страны, которые считают для себя выгодным получение этих продуктов. Красноярск я вспоминаю с глубокой печалью, так как в нем был расположен концентрационный лагерь для германских и австрийских пленных. Я чувствовал в то время, что обращение с этими людьми являлось позорным пятном для современной цивилизации, так как русские не могли кормить их, но и не выпускали их на свободу. Там находилась одна молодая женщина-шведка, которая жила в городе и посвящала всю свою энергию и все свое время помощи этим обездоленным людям.

В Красноярске я узнал кое-что о ген. Розанове, с которым я пытался завязать отношения во Владивостоке.

Этот человек выпустил 27 марта 1919 г. следующий приказ по своим войскам.

«1. Занимая селения, которые ранее были заняты бандитами (партизанами), требовать выдачи вожаков движения; в тех селениях, где окажется невозможным их найти, но будут достаточные основания предполагать их присутствие,— расстреливать каждого десятого из населения.

2. Если при проходе войск через город, население не будет осведомлять (при возможности делать это) о присутствии противника, на всех без исключения должна быть наложена денежная контрибуция.

3. Селения, жители которых встретят наши войска с оружием в руках, должны быть сожжены до-тла и все взрослое мужское население расстреляно; имущество, дома, телеги и т. д. должны быть использованы для нужд армии».

Мы узнали, что Розанов имел заложников и за каждого убитого своего сторонника убивал десять из них. Он говорил об этих практиковавшихся им в Красноярске методах, как о необходимых, для того чтобы держать население в ежовых рукавицах, но он объявил о своем намерении сбросить рукавицы, когда поедет во Владивосток, и ввести другие методы управления, чем те, которые он применял по отношению к красноярскому населению.

Таковы были деяния сторонников Колчака, в то время, когда их поддерживали иностранные войска.

Ген. Нокс сообщил майору Слоутеру, что адмирал Колчак хочет послать во Владивосток человека, к которому я отнесся бы благожелательно, причем ген. Нокс предлагал, чтобы я просил прислать Розанова, так как он «энергичный человек». Я ответил майору Слоутеру, что я не интересуюсь личными

качествами кандидата и надеюсь только на то, что Колчак пошлет во Владивосток человека, который будет придерживаться методов цивилизованных наций. Розанов представлял собой третью одиозную фигуру из известных мне в Сибири, хотя он никогда не мог вполне достигнуть того предела, которого достигли Калмыков и Семенов.

Город Томск расположен на расстоянии около 60 миль от магистрали Сибирской железной дороги, на ветке, соединяющей ст. Тайгу с Томском. Мне очень понравилось прекрасное расположение Томска. Он считается культурным центром Сибири, и в нем находится весьма известный университет с очень хорошими постройками, но лишенный в то время всякого оборудования.

Назначенный Колчаком губернатор Томска встретил нас и был очень любезен; когда Моррис спросил, что думает население о колчаковском правительстве, он ответил, что население не доверяет должностным лицам, окружающим Колчака.

В течение всей этой поездки Моррис и я получали — и путем личного собеседования и через наших переводчиков—информацию относительно той позиции, которую занимало население к колчаковскому правительству. В день нашего отъезда из Томска или на следующий день Моррис сказал мне:

«Вас и меня весьма порицают за наше отношение к колчаковскому режиму; постоянно повторяют, что мы руководствуемся дальневосточной обстановкой, но что как только мы отправимся на запад, за Иркутск, мы найдем совершенно другую обстановку. Однако никто из тех, кого мы спрашивали и кого спрашивали наши переводчики, не сказал ни одного хорошего слова о колчаковском режиме.

Моррис и я за это время работали вместе весьма согласованно, и я чувствовал, что он относится ко мне очень доверчиво и оценивает положение так же, как и я его оценивал.

Как раз перед приездом в Омск или по прибытии туда Моррис получил телеграмму. Прочтя телеграмму, он сказал:

«Теперь, генерал, вы должны поддерживать Колчака».

Я ответил, что я не получил от Военного департамента ничего, что обязывало бы меня оказывать поддержку Колчаку.

Он заявил мне, как мне показалось, с некоторой холодностью:

«Этим делом ведает Государственный, а не Военный департамент».

Я возразил:

«Государственный департамент не ведает мною».

Я чувствовал, что Моррис был замечательно добросовестным человеком и занимал нейтральное положение по отношению к окружающей обстановке, поскольку она подвергалась его собственной оценке; но это замечание делало ясным, что он получил извещение, указывавшее ему, что Государственный департамент желает поддерживать Колчака или уже поддерживает его.

Я обеспокоился, что это новое обстоятельство может помешать сердечному сотрудничеству в нашей работе. Между тем было почти невозможно найти в Сибири нейтрально настроенного человека, и симпатии Морриса к моим усилиям оставаться нейтральными в положении, когда это было весьма трудно сделать, очень высоко ценились мною. Генеральный консул Гаррис и консул Мак Говэн были известны, как весьма твердые сторонники Колчака, таким же был и американский Красный крест; но, насколько я могу судить, другие представители Соединенных штатов стремились быть нейтральными, и я чувствовал, что нахожусь в дружеском сотрудничестве со всеми, за исключением упомянутых лиц.

Тому, кто не знает системы наше управления, представляется иногда загадочным, каким образом Государственный департамент мог поддерживать Колчака, а Военный департамент не поддерживать. Я сам был недоволен тем, что президент Вильсон, зная об отсутствии нейтральной позиции у генерального консула Гарриса в Сибири, одобрял эту позицию, но президент, как всем известно, был совершенно поглощен вопросами, связанными с мирной конференцией, и не мог уделять личного внимания Сибири. Мне представляется, что генеральный консул Гаррис пользовался полной поддержкой русской секции Государственного департамента, и я думаю, что он имел поддержку и одной ступенью выше в иерархии Государственного департамента.

Знал или не знал об этом президент, но причина отсутствия приказаний мне, как командующему войсками Соединенных штатов, поддерживать Колчака — была очевидна. Дать приказ американским войскам принять участие на одной из сторон во внутреннем конфликте, что не только предполагало возможность употребления силы, но и обязывало ее употребить,— являлось бы началом войны. А конституция Соединенных штатов говорит:

«Конгресс облечен властью объявлять войну, устанавливать каперские свидетельства и репрессалии и издавать правила относительно захватов на суше и на море».

Таким образом исполнительная власть не имела права распорядиться ввести в дело войска; президент Вильсон и Военный департамент несомненно считали, что я должен оставаться нейтральным.

Это было видно и из моих первоначальных инструкций, и из предписаний начальника Штаба от 28 марта 1919 г. продолжать эту политику, пока она будет изменена президентом, и из следующего заявления самого президента 26 июня 1919 г. в ответ на резолюцию сената относительно американских войск в Сибири:

«Инструкции генералу Грэвсу предписывают ему не вмешиваться в русские дела, но оказывать в случае необходимости поддержку Стивенсу».

Могло ли намерение нашего правительства по отношению к моей миссии быть выражено более ясно?

Несмотря на эти инструкции, представители Государственного департамента — или некоторые из них — не прерывали своих усилий дискредитировать меня и мою работу в Сибири. Это мое заявление подтверждается следующим сообщением начальника Штаба от 22 ноября 1919 г., подписанным бригадир-генералом Черчиллем, начальником военной разведки:

«Собеседование с русской секцией Государственного департамента заставляет мену думать, что по мнению Государственного департамента инструкции военного министра ген. Грэвсу — напрячь все усилия к установлению самоуправления и к самозащите, поскольку русские сами пожелают получить в этом поддержку, уполномочивали ген. Грэвса сделать все практически возможное для упрочения колчаковского правительства. Колчак не был признан правительством, но ноты от 26 мая и 12 июня ясно показывают, что союзные и присоединившиеся державы согласились оказать адмиралу Колчаку и его сторонникам известную поддержку. Эти дипломатические документы, подписанные президентом Соединенных штатов, представляют величайшую важность».

Обе ноты, на которые ссылается ген. Черчилль, никогда не были мне посланы. Я не мог бы изменить моей политики, если бы даже они и были мне посланы, потому что я имел специальные инструкции «не вмешиваться в русские дела», пока эти инструкции не будут изменены президентом. С Военным же департаментом я был связан телеграфом ежедневно.

Почему ген. Черчилль был избран в качестве посланца, чтобы сообщить мне предполагаемое мнение Государственного департамента? Он не являлся человеком, которому Государственный департамент должен был сообщать свои взгляды

относительно проводимой мною политики. Дело в том, что Государственный департамент в лице де-Витт Пуля искал сотрудника Военного департамента, который пожелал бы попытаться помочь ему дискредитировать работу военного командования в Сибири.

Другим подтверждением моего мнения является факт, сообщенный мне, когда я находился еще в Сибири, знаменитым журналистом Фразиер Хэнтом, который вероятно еще более знаменит теперь; когда он посетил Государственный департамент, чтобы навести справки относительно поездки на Дальний Восток, один из представителей Государственного департамента говорил обо мне и о моей работе в Сибири в весьма осуждающих тонах. Хэнт думал, что я знаю об этом, и, как он выразился, ожидал найти во мне отчаянного субъекта. В своих последующих статьях он отзывался в весьма лестных выражениях о позиции и работе войск Соединенных штатов в Сибири.

Затем один генерал-майор армии Соединенных штатов, находящийся ныне в отставке, рассказывал мне, как к нему обратился какой-то представитель Государственного департамента, который заявил, что они добьются отстранения меня от командования в Сибири, и спросил, как понравилось бы ему это место.

Этот представитель Государственного департамента должен был бы знать, что пока секретарь Бекер и ген. Марч находятся на службе в Военном департаменте, Государственный департамент не может избирать командующего американскими войсками, и я рассматриваю этот поступок только как дешевый политический ход, как стремление найти поддержку со стороны упомянутого офицера в попытке добиться моей отставки. Недоброжелательное отношение ко мне Государственного департамента не могло возникнуть на личной почве, так как я никого там не знал. Всякому ясно, что представитель Государственного департамента, столь активный в вопросах, касающихся Военного департамента, надеялся после моей отставки получить такого командующего в Сибири, который пренебрег бы не только данными ему инструкциями, но и конституцией Соединенных штатов, и употребил бы наши войска для помощи Колчаку, некоторые военные сторонники которого совершали деяния, ложившиеся пятном на цивилизацию.

Меморандум ген. Черчилля, сообщающий о том, как он представлял себе точку зрения Государственного департамента, в конце концов оказал действие и на Военный депар-

тамент; одному офицеру генерального штаба было приказано представить докладную записку о том, выполнял ли я или нет в Сибири данные мне инструкции.

До написания этой докладной записки один армейский офицер дал в Метрополитэн-клубе обед, на котором присутствовали Пуль, несколько британских офицеров и офицер, которому было поручено написать докладную записку. О других приглашенных я не имею сведений. Армейский офицер охарактеризовал этот обед как совещание. Офицер, которому было поручено написать докладную записку, заявил, что из этого совещания он вынес впечатление, «что британские офицеры и представители нашего Государственного департамента, присутствовавшие на совещании, считали отказ ген. Грэвса принять участие в борьбе Колчака с большевиками нарушением данных ему инструкций». В этом духе офицер должен был написать свою докладную записку. Так как этому офицеру надлежало выяснить, выполнил ли я или нет мои инструкции, естественно было бы думать, что ему необходимо ознакомиться с ними. Но Государственный и Военный департаменты смотрели на это иначе: во всяком случае этот офицер вынужден был написать, выполнил ли я или нет мои инструкции, не видя их.

Основываясь на этой докладной записке, генерал-майор Хаан, начальник военнооперативного отдела, заявил 15 декабря 1919 г. следующее:

«Следует отметить, что в данных инструкциях нет ничего, что уполномочивало бы командующего американскими силами в Сибири употребить эти силы на борьбу с какими-либо русскими силами. Даже согласие поддержать адмирала Колчака не обязывает к вооруженному выступлению против его противников. Принцип невмешательства во внутренние русские дела ограничивает действия американских войск в Сибири охраной военного имущества, поддержкой правильного функционирования путей сообщения и помощью Стивенсу.

Ген. Грэвс бесспорно выполнил эти инструкции в трудных условиях и уклонился от вмешательства во внутренние русские дела. Следует считать, что он правильно понимает характер данного ему поручения.

Имеются однако указания, что Государственный департамент считает, что согласие на поддержку Колчака обязывает к противодействию колчаковским противникам всеми путями, исключая использование вооруженных сил на театре военных действий. Из этого можно сделать вывод о неко-

торой перемене в политике Государственного департамента в сравнении с упомянутой выше политикой невмешательства в русские дела».

После того как я вернулся из Сибири и достал книгу «Russian-American Relations, March 1917 — March 1920. Documents and Papers» я прежде всего ознакомился с содержанием нот от 26 мая и 12 июня, о которых упоминал ген. Черчилль.

В ноте, адресованной адмиралу Колчаку 26 мая от имени Соединенных штатов, Англии, Франции, Италии и Японии, говорится:

«Мы готовы помочь правительству адмирала Колчака и его сторонникам снаряжением, снабжением и продовольствием, чтобы это правительство могло сделаться всероссийским, при условии получения от него прочных гарантий в том, что его политика будет преследовать цели, одинаковые с целями союзных и присоединившихся держав».

Нота от 12 июня сообщала Колчаку, что Соединенные штаты, Англия, Франция и Япония готовы предоставить ему «поддержку, указанную в первоначальной ноте».

Следует отметить, что это предложение помощи включало только предоставление Колчаку «продовольствия, военного имущества и материалов», но в ней ничего не говорилось о предоставлении военной поддержки, а следовательно я как командующий американскими войсками не имелся в виду при этом. Почему же эти ноты были упомянуты при критике моих действий?

Ген. Черчилль не приводит содержания нот, но делает вывод, что если бы содержание их было известно, существовало бы основание для критики. Такой поступок являлся недостойным офицера, занимающего высокий пост в Военном департаменте, и весьма необычным для офицера американской армии.

Рапорт ген. Хаана представляется для меня весьма ясным за исключением той части, где говорится, что Государственный департамент считает, что я должен использовать американские войска против враждебных Колчаку сил за исключением применения их на театре военных действий. Я не мог ни помочь, ни повредить Колчаку никаким иным путем, кроме как использованием американских войск, и моя власть и ответственность касались только этих войск. Я не был снабжен политическими полномочиями, я не обладал ни финансовыми, ни экономическими правами за исключением тех, которые предоставляются законом и распоряжениями Военного депар-

тамента всем командующим американскими войсками. Все эти факты были известны Государственному департаменту.

Употребление слов «театр военных действий» в отношении событий, происходивших в Сибири, было неопределенно и неправильно. Бои, происходившие в Сибири, обусловливались стремлением значительных групп рабочих и крестьян,— из которых некоторые вероятно руководились большевиками и были известны под названием «партизан»,—защитить себя и свои семейства от жестокостей, совершавшихся колчаковскими войсками.

Следующим интересным местом после Тайги был Ново-Николаевск, ныне называемый Ново-Сибирском. Этот город находится на р. Оби, которая имеет значение, поскольку она соединяет Южную Сибирь с Ледовитым океаном.

Советы сделали этот город столицей обширной сельскохозяйственной области, и он получил название Чикаго Сибири.

Следующим городом был Омск, где находилась главная квартира Колчака. Этот город расположен на р. Иртыше и был основан в 1717 г. Советы сделали также и этот город экономическим центром обширного района.

По прибытии нашего поезда в Омск, Моррис и Гаррис совершили прогулку по платформе, очевидно обсуждая положение; когда Моррис вернулся в поезд, он сказал: «Гаррис говорит, что никто не может больше работать с вами».

Гаррис жил в Омске, а я во Владивостоке, на расстоянии 3 070 миль. Его обязанности определялись Государственным департаментом; я не имел ничего общего с обязанностями Гарриса, а он не имел ничего общего с моими; о каких-либо личных разногласиях с ним я ничего не знал. Гаррис не сделал бы этого заявления, если бы я использовал американские войска так, как это делали британцы, французы и японцы, т. е. использовал бы свои войска для поддержки Колчака. По существу столь оскорбительное для меня заявление генерального консула Гарриса послу означало признание им, что никто не может принудить меня оказывать поддержку Колчаку. Пускать в ход обвинения и неверно истолковывать поступки тех, кто не хотел следовать их указаниям,— было характерным методом русских монархистов, окружавших адмирала, которых генеральный консул Гаррис считал своими естественными сторонниками. После приезда посла Морриса один из членов колчаковского правительства сказал:

«Сукин прибег к другому способу спасения России: мы находимся накануне признания».

Сукину сообщали, как это часто делается по отношению к министрам иностранных дел, что Колчак будет признан иностранными правительствами, и каждый вечер колчаковские министры заседали, чтобы обсудить вопросы, которые должны были быть обсуждены на следующий день на официальном совещании союзных представителей и колчаковских министров.

Вопрос о финансировании и восстановлении железных дорог в Сибири являлся важным вопросом, требовавшим обсуждения со стороны иностранных и русских представителей. Полк. Эмерсон находился в это время в Омске и говорил мне, что русские сами не знают, что они имеют. Он рассказал мне, что однажды русские запросили у него некоторые материалы, — кажется это была медь. Он знал, что вдоль Сибирской железной дороги этот материал имелся в количестве, могущем удовлетворить потребность в нем в течение 40 лет. На этот запрос он ответил русским, что они не нуждаются в просимом материале, и этого было достаточно для них, чтобы принять по отношению к нему свою обычную враждебную позицию.

Моррису было предписано заявить:

«Если омское правительство окажется способным удержать фронт, мы сможем вероятно признать его».

Ген. Нокс, который знал моральное состояние, устойчивость и боеспособность войск Колчака значительно лучше, чем посол Моррис, сказал, «что его правительство не может ни в какой форме оказать военную помощь и что он не может даже сообщать об этом в Лондон, так как все, чем снабжаются колчаковские войска, попадает в руки красных».

С целью установить, могут ли колчаковские войска удержать свои позиции в августе 1919 г., я попробовал познакомиться с присланными мне рапортами.

В одном из них говорилось следующее:

«Следует считать, что к 1 июля сторонников омского правительства за исключением чиновничества и военных было менее 1% населения; сторонников красных около 45%; социалистов-революционеров — около 40%; принадлежащих к другим партиям — около 10%, а 5% можно отнести за счет военных, чиновничества и сторонников Колчака».

Начиная с этого времени и вплоть до падения омского правительства, армия Колчака представляла собой бегущую толпу.

Следует вспомнить, что посол Моррис прибыл в Омск для совещания через три недели, после того как был написан

этот рапорт. Колчаковские войска потерпели поражение у Челябинска; сообщалось, что они должны быть отведены к р. Ишим, реорганизоваться и занять фронт по этой реке, от Ишима на севере, до Петропавловска на юге (расстояние в 1010 миль) с целью начать с 1 сентября наступление, которое поставило бы своей задачей «сбросить большевиков в Волгу».

Сообщения, выпущенные для публики, указывали, что ген. Пепеляев имел под своим командованием на севере, т. е. на правом фланге — 20 тыс. чел.; ген. Лохвицкий в центре — 31 тыс. чел. и ген. Сахаров на юге, т. е. на левом фланге — 50 тыс. чел.

Так как я находился в это время в Омске и мне нечего было делать, то я посетил ген. Дитрихса, главнокомандующего русскими силами, и просил разрешения отправиться в Петропавловск для ознакомления с ходом мобилизации. Он сообщил мне, что по случаю мобилизации и предполагаемого приезда Колчака в Петропавловске наблюдается чрезвычайное стечение народа, и настаивал, чтобы я отправился в Ишим, на север, попросил у русского командующего конвой и вагоны, а из Ишима проехал бы на Петропавловск, осмотрев таким образом все интересующее меня. Я был весьма удовлетворен указаниями ген. Дитрихса. Моррис и я жили в одном вагоне, поэтому мне было необходимо организовать мою поездку в Ишим, находящийся на расстоянии около 160 миль от Омска. Я отправился к полк. Эмерсону, просил его взять его собственный вагон и поехать с нами в Ишим; он любезно согласился сделать это и заказал поезд в составе спального вагона, вагонов для 20—30 американских солдат, платформы для моей машины Кадиллак и свего собственного вагона. Мы отправились в 8 час. утра. Около 11 мы были отведены на запасной путь и оставлены там; никто не мог или не хотел дать нам объяснений, почему нас задержали. Полк. Эмерсон не мог заставить двинуть наш поезд, несмотря на то, что был первым помощником Стивенса, считавшегося руководителем технического распорядка движения по железным дорогам. Незадолго до захода солнца наш поезд двинулся. Затем нас снова остановили, и в результате на проезд 160 миль нами было затрачено 32 часа. За 4 часа до приезда в Ишим мы были остановлены у маленького городка; появилось большое количество колчаковских офицеров, заявивших капралу, которому была поручена охрана поезда, что они берут поезд для военных надобностей и очень сожалеют, что мы должны его покинуть.

Капрал решил, что он может сам справиться с этим делом, не докладывая мне, и, выполняя свой план, приказал охране зарядить винтовки. Он заявил русским офицерам, «что если они что-нибудь предпримут, в городе будет такое количество мертвых русских офицеров, какого никогда не видели».

В результате этого заявления мы беспрепятственно доехали до Ишима.

После отъезда из этого места ко мне пришел переводчик и рассказал о разговоре между капралом и русскими офицерами, но капрал никогда не доносил мне о случившемся.

Наконец мы прибыли в Ишим в 4 часа пополудни, на второй день после нашего отъезда из Омска.

Когда я вышел из вагона в Ишиме, появился, как я и ожидал, вездесущий английский офицер, который сказал мне, что я должен и чего не должен делать. Один английский офицер повидимому всегда находился при какой-нибудь части колчаковских войск. Этот англичанин, по имени капитан Моррей, сказал мне:

«Генерал, я прошу вас не двигаться дальше, так как большевики возьмут вас в плен, и это повредит тому, что нами достигнуто здесь».

Это заявление казалось замечательным по двум причинам: Во-первых — как и почему капитан Моррей узнал, что я намереваюсь отправиться в Петропавловск на машине? Ясно, что об этом ему было сообщено из Омска и что это была первой попыткой удержать меня от непосредственного ознакомления с производившейся мобилизацией. Во-вторых — каким образом я мог бы подвергнуться опасности попасть в плен к большевикам, отправляясь вдоль линии, которая, по словам ген. Дитрихса, колчаковского командующего, была занята колчаковскими войсками? Мы оказались бы весьма глупыми, если бы не почувствовали в этом некоторую фальшь.

Капитан Моррей любезно предложил посетить русского командующего и узнать, когда я могу повидать его. Он вернулся и сказал, что русский командующий приказал ему передать мне, что он прилег отдохнуть и сможет принять меня, когда закончит свой отдых. Это сообщение было для меня равноценным указанию на то, что он враждебно относится ко мне и к моему посещению. После подобного извещения моим естественным намерением было игнорировать этого русского командующего, но я знал, что все официальные представители в Омске—и русские и союзные — относились враждебно к моим действиям в Сибири и недоброжелательно

ко мне лично; это делало необходимым для меня выполнять всякие твердо установившиеся обычаи.

Я решил, что мне следует или посетить этого русского командующего или занять оборонительное положение.

Я отправился сделать мой официальный визит вместе с полк. Эмерсоном, майором Слоутером и моим переводчиком.

Русский командующий жил в поезде, который мы не нашли в том месте, которое нам было указано капитаном Моррем. Мы случайно разыскали поезд и были проведены к русскому командующему. Его манера держать себя обнаруживала чрезвычайно недружелюбное отношение к нам. Я запросил у него относительно конвоя и заявил, что делаю это по указанию ген. Дитрихса. Он ответил, что не располагает солдатами, которым он доверил бы мою охрану. Тогда я спросил его, может ли он предоставить в мое распоряжение машины, и сказал, что ген. Дитрихс обещал их мне. Командующий ответил отрицательно. Затем я спросил его, имеются ли в городе Ишиме какие-нибудь машины, которые я мог бы нанять, чтобы отвезти нас до Петропавловска. Он сказал:

«Да, но вы их не получите».

Тем временем этот русский послал за стаканом чая, сел и пил его в нашем присутствии, не приглашая нас сесть. Мы поднялись, сказали «до свиданья» и ушли.

Поведение командующего обнаруживало явным образом, что было нечто такое, чего нельзя было нам показывать, чего мы не должны были знать. Мы подозревали, что русская армия, о которой так много говорилось, была в большей или меньшей степени мифом.

По возвращении в поезд мы решили взять мой автомобиль, который имел семь пассажирских мест, и отправиться в Петропавловск, несмотря на тяжкую опасность, о которой говорил нам капитан Моррей. Полк. Эмерсон, майор Слоутер, переводчик, шофер, один солдат и я отправились в Петропавловск в 7 час. вечера 14 августа. Все мы были вооружены револьверами, исключая солдата, который был вооружен винтовкой. Автомобиль имел американский флаг, который развевался на радиаторе, точно так же как флаг генерал-майора.

Дорога от Ишима до Петропавловска считается большой дорогой, но она отличалась от обычной проселочной только двумя канавами, вырытыми на расстоянии восьми футов; эти канавы являлись единственным указателем дороги на Петропавловск. Мы отъехали всего 63 мили, когда начала спускаться ночь. Продолжать путешествие ночью было неблагора-

зумно, а потому мы свернули в придорожный овес и начали ожидать рассвета.

Это была ночь, проведенная без всякого комфорта, и оставаться на месте было почти невозможно из-за комаров.

Около двух часов утра показался какой-то русский верхом на лошади и спросил, кто мы и что мы здесь делаем. Я сказал переводчику, чтобы он сообщил ему все, что тот хотел знать. Тогда русский предложил нам отправиться в его селение и провести ночь там; при этом он указывал, что его деревня сочтет для себя за честь беседовать с американским генералом. Я выразил нашу благодарность ему и его односельчанам, но заявил, что мы должны двинуться в путь, как только рассветет, дожидаться чего осталось недолго. Повидимому он был удовлетворен и уехал. Как только стало возможным беспрепятственно двигаться дальше, мы отправились, и перед восходом солнца прибыли в селение на берегу р. Иртыша, где, нам говорили, можно было перебраться на другую сторону. В селении мы остановились, чтобы навести справки относительно переправы через реку, и в несколько минут наш автомобиль был окружен мужчинами, женщинами и детьми.

Покидая Ишим, я наполнил мои карманы плитками шоколада, которые мы взяли на всякий случай. Я роздал эти плитки женщинам и детям, которые повидимому были очень довольны. Мы не обнаружили по отношению к нам ни малейшей враждебности; наоборот повсюду отмечали дружественное и сердечное отношение. Я спросил у одной женщины, которая повидимому являлась старостой, как мы можем перебраться через реку; она отправила одного мужчину, чтобы сопровождать нас и показать нам место переправы. Река была в этом месте вероятно в триста ярдов шириной.

Местные жители протянули через реку веревку, построили паром, который мог выдерживать на себе лошадь и телегу, и при помощи веревки перевозили с одного берега реки на другой то, что им было нужно. Возникло некоторое опасение, выдержит ли паром вес нашего автомобиля. Мы решили, что выдержит, вышли из машины, шофер въехал на паром, и все обошлось благополучно. Русскому было сказано, что мы вернемся после полудня, и тот обещал, что если паром, когда мы вернемся, окажется на его стороне, то он переправит его на наш берег. Мы все устроились на пароме, тянули за веревку и таким образом перебрались на противоположный берег реки.

Селение находилось в 30 милях от Петропавловска, куда мы прибыли около 10 час. утра. Мы искали колчаковскую армию, но во время нашей поездки встретили только трех русских солдат.

Русский командующий в Петропавловске не был извещен о нашем предполагаемом приезде, так как ожидалось, что нас задержат в Ишиме. Когда я встретился с этим русским генералом, он обнял меня и оказался очень гостеприимным. Я спросил, где находятся его войска, на что получил ответ, что у него их нет. Я спросил, каким же образом можно рассчитывать на начало наступления через две недели, когда нет войск. Он заявил, что, если предполагается наступление, то я больше осведомлен об этом, чем он. Мы отправились в Петропавловске на станцию, чтобы посмотреть на то скопление народа, о котором мне говорил Дитрихс. Там находилось небольшое количество солдат-грузчиков, достаточное для нужд небольшого гарнизона, но их нельзя было характеризовать как «скопление народа». Мне стало ясно, насколько распространена была ложь в определении сил Колчака. Эта ложь являлась частью системы, проводимой для получения денег от Соединенных штатов, чтобы помочь Колчаку уничтожить большевизм.

На обратном пути в Ишим мы нашли паром еще на нашей стороне реки, и через некоторое время переправились на другой берег. Большинство жителей селения собралось, чтобы встретить нас; священник попросил нас зайти в его дом, предложив вина и пирогов, и мы воспользовались его предложением. Я спросил у него относительно большевиков. Он ответил, что ходят слухи о том, что они ожидаются, но сам он не знает об этом. Мы провели около часа в доме священника, и со стороны жителей этого селения встретили к себе безусловно весьма доброжелательное отношение.

Британский капитан не встретил нас после нашего возвращения в Ишим, и наше возвращение в Омск протекало без задержек.

В тот же день, когда я вернулся в Омск, я отправился к ген. Дитрихсу и попросил у него объяснений по поводу столь необычайного информирования меня; но он заявил, что я пошел по неправильному пути, так как колчаковская армия была на расстоянии около 10 миль к западу от того места, где я был. Я обратил внимание ген. Дитрихса на заявление русского командующего в Петропавловске о том, что в этом районе не имеется войск. Он ответил, что этот человек недостаточно осведомлен, чтобы знать что-либо об этом.

Это заявление могло бы удовлетворить только человека, который желал быть обманутым, действительность же была такова, что убеждала всякого, исключая генерального консула Гарриса, в том, что падение Колчака — неминуемо.

7 августа, до моей поездки в Ишим, я телеграфировал Военному департаменту из Омска:

«Колчаковские войска продолжают отступать, и это производит впечатление такой деморализации, что надежда на реорганизацию армии и возобновление наступления может основываться только на слабости большевиков и отсутствии у них желания продвигаться на Омск, чего я не могу предполагать. Весьма достоверные сообщения подтверждают указания о том, что офицеры покидают войска и бегут в тыл, штабные офицеры предупреждают в этом бегстве строевых, а солдаты бросают свое оружие и амуницию, в некоторых случаях тяжелую одежду, с тем чтобы быстрее двигаться в тыл. Я не мог обнаружить никакого энтузиазма по отношению к колчаковскому правительству».

10 августа полк. Сарджент, который замещал меня во Владивостоке во время моей поездки в Омск, телеграфировал Военному департаменту:

«Ген. Гайда, прибывший 8 августа из Омска, заявил в интервью следующее: «Колчаковское правительство не может удержаться у власти, и если союзники будут помогать ему, это будет величайшей исторической ошибкой. Правительство делится на две различные части: одна — выпускает прокламации и распространяет сообщения для иностранного потребления о благожелательном отношении правительства к созыву Учредительного собрания и готовности осуществить его созыв, другая часть тайным образом строит планы и заговоры с целью восстановления монархии. Это заметно только тем, кто является частью правительства. Лицемерное правительство пытается убедить крестьян, что их задача заключается в предоставлении продовольствия, и ищет психологического момента для восстановления монархии. Колчак окружил себя офицерами старого режима, спасение которых в будущем зависит только от восстановления монархии».

После моего возвращения из Ишима, 18 августа, я сообщил по телеграфу следующее:

«Адмирал Колчак заявил послу Моррису, что сибирская армия отводится на р. Ишим, будет там реорганизована и может выступить против большевиков. По дороге в Ишим мы видели приблизительно тридцать поездов, которые были использованы для целей эвакуации. Все поезда были напол-

нены солдатами, которые очевидно возвращались с фронта. Мы насчитали 5 тыс. солдат. Можно было видеть несколько винтовок, но было ясно, что эти солдаты не представляют собой организованной группы, а возвращаются в индивидуальном порядке. Несколько семипалатинских казаков прибыло из Екатеринбурга в Петропавловск. Я говорил с ними, и они заявили, что пехота колчаковской армии не хочет сражаться, что казаки устали выполнять в сражениях все роли и теперь находятся на пути к дому».

В докладе от 26 сентября после моего возвращения во Владивосток я писал:

«Тот факт, что колчаковские силы тают, подтверждается многими из тех, кого я позже видел в Омске. Полк. Грей, командовавший штурмовой бригадой колчаковских войск, рассказал нам о положении, создавшемся среди русских войск. Трудно вообразить более тяжелое положение, чем то, которое он обрисовал. Он заявил, что за последние шесть недель вряд ли было хотя бы одно сражение, что армия распадается и что по отношению к населению солдаты ведут себя хуже, чем когда-либо вели себя большевики; что фактически каждый солдат обладает лошадью и телегой, которые он отобрал у крестьян; что солдаты производят реквизиции, где им вздумается, иногда выдавая, а чаще и не выдавая расписок».

Это сообщение относится к периоду времени перед 20 августа, хотя мой доклад не был написан до моего возвращения во Владивосток. В этом докладе от 26 сентября я сообщал:

«В качестве показателя отношения населения к колчаковскому режиму сообщаю, что в Омске меня посетил ген. Иванов-Ринов и сказал, что, как только они разобьют большевиков, весь личный состав министров Колчака будет изменен; что они не имеют точки соприкосновения с населением; что население не доверяет министрам и что Колчак хочет отделаться от них».

В связи с этим я спросил Иванова-Ринова, позволят ли они ему оставаться у власти, и он ответил: «Да, если он будет склонен удовлетворить желания населения».

Я отметил это весьма знаменательное заявление, так как Иванов-Ринов принадлежал к колчаковской администрации и являлся главой всех сибирских казаков. Это заявление граничит с отсутствием лояльности, так как посол Моррис, с которым я прибыл в Омск, взвешивал прочность и способность колчаковского правительства, чтобы высказаться пе-

ред правительством Соединенных штатов о целесообразности признания Колчака.

На следующий день после визита Иванова-Ринова я был свидетелем происходившей в русской церкви церемонии, во время которой адмирал Колчак произвел Иванова-Ринова в чин генерал-лейтенанта, поцеловал его, объявил его русским патриотом и вручил ему золотое оружие.

Когда мы были в Омске, мы услышали, что в Колумзино (у Омска, по другую сторону реки) прибыл поезд. Посол Моррис, полк. Эмерсон и я отправились ознакомиться с теми условиями, в которых находились люди с фронта, заболевшие тифом. Мы нашли этих больных и раненых помещенными в товарные вагоны, не имеющие никаких специальных приспособлений. Многие из этих людей были слишком больны, чтобы обслуживать себя, а на 5—6 тыс. чел. имелась всего-навсего одна сестра милосердия. Совершенно не было организовано дело с питанием, и только весьма ограниченное количество воды подавалось в манерках. Не предусматривалось никакой помощи тяжелобольным, когда они отдавали дань природе.

Мы заглянули в первый товарный вагон и увидели там двух мертвых людей и умирающего третьего, голову которого держал его больной товарищ, стараясь дать ему глоток воды. Многие из больных собирались с силами и выползали из вагонов, но затем силы им изменяли, и они валялись около поезда беспомощной массой человеческих тел.

Так как эти люди действительно отдавали свою жизнь, сражаясь за Колчака, можно было ожидать, что какие-нибудь сторонники Колчака — мужчины или женщины или те и другие вместе — предоставят комфорт и помощь этим брошенным на произвол судьбы, умирающим людям. Было прискорбно видеть этих несчастных, предоставленных самим себе.

Когда мы вернулись в Омск, полк. Эмерсон и я отправились в парк. Там была целая банда гуляк; мы насчитали до тысячи танцующих. Эта веселящаяся толпа находилась в расстоянии не больше двадцати минут ходьбы от места, где умирали солдаты, умирали во многих случаях несомненно из-за отсутствия ухода за ними.

Во время нашего пребывания в Омске послу Моррису по-видимому казалось, что есть некоторая надежда успокоить Сибирь, помогая Колчаку, но я совершенно не видел практического пути для установления порядка при посредстве сторонников Колчака. Поездка в Омск не изменила моих

взглядов, наоборот — после поездки я приобрел еще большую уверенность в правильности моей оценки прочности режима Колчака, так как я уже более не давал вводить себя в заблуждение сообщениями о положении населения к западу от озера Байкал.

Относительно советов посла Морриса в вопросе о признании Колчака существовали противоречивые сообщения. Я видел в американской прессе сообщение, что он рекомендовал признание. В полученной мною из Омска информации, которую я считаю весьма достоверной, так как она исходила непосредственно от Сукина, колчаковского министра иностранных дел, указывалось, что Моррис рекомендует признание, если Соединенные штаты будут склонны послать в Сибирь для замены чехов 25 тыс. солдат и предоставят финансовую помощь Колчаку в размере 200 млн. долларов. Я уверен, что эти условия были тесно связаны с отзывом посла.

Сукин сказал моему информатору, что Колчак не желает расширять железнодорожное соглашение, пока Соединенные штаты не признают Колчака, не предоставят финансовой помощи в размере 200 млн. долларов и не пошлют 25 тыс. американских солдат для замены чехов. Он указал дальше, что Моррис согласился не делать окончательного вывода относительно их нежелания расширить межсоюзническое железнодорожное соглашение до окончательного решения Вашингтоном вопроса о признании, финансовой поддержке и посылке американских войск. Всякий, знавший настроение Конгресса Соединенных штатов в то время, мог считать подобный условный ответ о признании равносильным ответу о непризнании. Во всяком случае — и к счастью для Соединенных штатов — Колчак признан не был. По моему мнению, ни в какой период колчаковского режима признание не помогло бы ему.

Около 20 августа посол и я покинули Омск и отправились во Владивосток. Мы останавливались в Ново-Николаевске, Иркутске, Верхнеудинске и в Харбине. Ничего интересного не произошло, пока мы не достигли семеновской территории.

В то время было широко известно, что Семенов учредил нечто, называвшееся «станциями смерти», и открыто хвастался, что не может ночью уснуть, если не убьет кого-нибудь в течение дня. Мы остановились на маленькой станции, и к нам в вагон зашли два американца из отряда по обслуживанию русских железных дорог. Они рассказали нам об убийстве русских, произведенном семеновскими солдатами за два-

три дня до нашего приезда в товарном вагоне, в котором находилось 350 чел. Я не помню, были ли в поезде только мужчины или же мужчины и женщины.

Наиболее существенное из рассказа этих двух американцев следующее: «Товарный поезд с арестованными прошел мимо станции, к месту, где, как широко было известно, производились казни. Служащие отряда отправились к месту казни, но были остановлены семеновскими солдатами. Через 1 ч. 50 м. пустой поезд вернулся на станцию. На следующий день двое служащих пошли к месту убийства и увидели доказательства массового расстрела. По патронам, разбросанным на земле, было видно, что арестованные были убиты из пулеметов, так как пустые патроны были свалены в куче, как это бывает при пулеметной стрельбе. Тела были сложены в две ямы, которые были засыпаны свежей землей. В одной яме тела были засыпаны совершенно, в другой — остались незасыпанными много рук и ног».

Я получил от одного из этих свидетелей письменное показание об этом случае, но не смог сохранить его в моих бумагах; тем не менее все сказанное мною выше в основном совпадает с этим показанием.

Во время моей поездки в Омск и обратно я имел возможность разговаривать со многими сотрудниками Стивенса относительно работы железной дороги и действия железнодорожного соглашения.

Я сообщил в Вашингтон следующее:

«Из разговора с представителями американского отряда по обслуживанию железной дороги я вынес впечатление, что наши железнодорожники сделали очень мало. Они давали советы, но не имели возможности удостовериться, что их указания выполнялись. Моррис думает, что они что-то сделали и что препятствия могут быть устранены, но я не считаю это осуществимым, до тех пор пока Колчак будет оставаться у власти. Фактически контролируют железные дороги русские военные круги. Они осуществляют это через станционных комендантов и местные контрольные советы. Эти должностные лица не пропускают на участки ничего, что не предназначено для сторонников Колчака, и оправдывают свои действия надоевшими криками о большевизме. Железнодорожное же соглашение подразумевает, что управление железной дорогой осуществляется Техническим советом, предусмотренным в союзном соглашении».

Упомянутые военные должностные лица были назначены Колчаком и он не желал увольнять их, несмотря на то, что

на железной дороге происходили скандалы и брались взятки. Полк. Эмерсон говорил мне, что эти станционные комендanты требуют 40 тыс. рублей сверх обычного фрахта за правильную доставку одного груженого товарного вагона из Владивостока в Омск.

Один русский генерал во Владивостоке отказался от места на Забайкальской дороге, на котором получал 3 тыс. рублей в месяц, по той причине, что ему и его семье этого нехватало, а приехав во Владивосток, он занял место во Владивостокском контрольном совете без всякого жалования.

Когда я был в Иркутске, мне рассказывал второй помощник Стивенса, полк. Лантри, что для отправления в различные пункты Сибири в Иркутске имеется 13 500 *т* товаров, а в Сретенске 27 тыс. *т*. Эти товары состояли главным образом из соленой рыбы в боченках, которая является основной пищей необеспеченных кругов русского населения, весьма нуждавшегося в ней. Местный контрольный совет отказывался выдать ему хотя бы один пуд этой рыбы. Позже полк. Лантри сообщал мне, что вся эта рыба испортилась и была выброшена в реку.

В то же самое время консервированная амурская семга токийской фирмы Сэйль и Фразер беспрепятственно провозилась через эти города. Консервированная семга была значительно дороже и не столь необходима для необеспеченных слоев населения. Причиной, почему эти местные контрольные советы в Иркутске и в Сретенске не позволили полк. Лантри провести эту рыбу, заключалась конечно в том, что никто не хотел дать им взятку за разрешение перевозки.

Члены контрольных советов, являвшиеся представителями колчаковского военного командования, были индиферентны к нуждам неимущего населения.

По моему мнению, президент Соединенных штатов никогда не принял бы участия в межсоюзническом железнодорожном соглашении без уверенности в том, что это соглашение принесет пользу русскому населению, невзирая на принадлежность его к той или иной политической группировке. Это не было выполнено в Сибири.

Все союзные представители и представители Государственного департамента Соединенных штатов определенно стояли за Колчака, и чем безнадежнее становилось его положение, тем более жестокими становились его сторонники по отношению ко всякому, кто не оказывал ему помощи. Соединенные штаты, Англия, Франция и Япония могли бросать

достаточно средств, чтобы железные дороги работали; достаточно солдат, чтобы охранять их,— все для блага Колчака. Но после ужасных эксцессов, совершенных его сторонниками и теми, кто оказывал ему поддержку, никакая власть на земле не могла бы побудить крестьянина бороться на стороне Колчака.

Другая большая несправедливость по отношению к железнодорожным рабочим обусловливалась падением ценности рубля в сентябре 1918 г. без повышения заработной платы. Я подсчитал заработную плату персонала, обслуживавшего поезда в период пребывания у власти Колчака. Для кондукторов, машинистов и поездной прислуги их помесячная заработная плата исчислялась в 3 доллара 75 пенсов. Это — средний заработок, с незначительными колебаниями в ту или другую сторону. Это было лучше, чем ничего, потому что, если они бросали железную дорогу, они не могли получить никакой другой работы.

Однажды, когда рабочие начали стачку за повышение заработной платы, колчаковская администрация назвала это большевизмом и предала казни некоторых вождей стачки. Я сомневаюсь, чтобы можно было указать за последнее пятидесятилетие какую-либо страну в мире, где убийство могло бы совершаться с такой легкостью и с наименьшей боязнью ответственности, как в Сибири во время правления адмирала Колчака.

В качестве примера жестокости и беззаконий, практиковавшихся в Сибири, приведу один типичный случай, происшедший в Омске, в столице Колчака, 22 декабря 1918 г., ровно через месяц и четыре дня, после того как Колчак сделался «верховным правителем».

В этот день произошло восстание рабочих в Омске против колчаковского правительства. Революционеры, добившись частичного успеха, открыли тюрьмы и позволили бежать 200 заключенным. Среди них было 134 политических заключенных, включая несколько членов Учредительного собрания. В тот же день колчаковское военное командование в Омске издало приказ, призывающий всех бежавших вернуться в тюрьму и указывающий, что в случае отказа вернуться в течение 24 часов — они будут при обнаружении расстреляны.

Все члены Учредительного собрания и некоторые другие важные политические заключенные возвратились в тюрьму. Ночью несколько колчаковских офицеров взяли членов Учредительного собрания из тюрьмы, сказав им, что они везут

их на суд за предъявленные к ним обвинения, и расстреляли и казнили их всех. Офицеры не понесли никакого наказания за это жестокое и беззаконное убийство. Благодаря сибирским условиям подобные жестокости было легко скрывать от гласности.

Иностранной прессе постоянно сообщалось, что большевики — это те русские, которые совершают ужасные эксцессы, причем подобная пропаганда была так широко распространена, что никто никогда не поверил бы, что эти жестокости были совершены над большевиками.

Полк. Морроу, командующий американскими войсками на Забайкальском секторе, сообщал о жестоком, бессердечном и почти невероятном избиении Семеновым целого селения. Когда войска Семенова приблизились к селению, жители повидимому пытались спастись из своих домов бегством, но семеновские солдаты расстреливали их — мужчин, женщин и детей, словно охотясь за кроликами, и оставили их тела там, где они были убиты. Они расстреляли не одного, а всех, кого нашли в селении. Полк. Морроу пригласил одного японского и одного французского офицера отправиться вместе с офицером американской армии, чтобы обследовать это массовое убийство, и все, о чем я сейчас рассказываю, в существенной своей части содержится в докладе, подписанном американцем, французом и японцем. В дополнение к вышеуказанным избиениям эти офицеры сообщили, что они обнаружили тела четырех или пяти человек, которые очевидно были заживо сожжены.

Понятно, можно изумляться, какова могла быть цель совершения подобных ужасных убийств.

Цель эта сходна с той, которую ставят люди, ведающие местами заключения, держа кровожадных собак и прибегая к другим средствам, чтобы терроризировать заключенных и предотвратить попытки к бегству. Жители Сибири, которые приносились в жертву, не являлись пленниками, но те, кто был ответствен за террор, считали, что все русские должны по крайней мере поступать так, как будто они совершенно добровольно поддерживали Колчака. Такое обращение иногда достигало временного успеха, препятствуя распознаванию действительного настроения населения.

Как раз такие условия были в Сибири. Я убежден, что американский народ ничего не знает об этих ужасных условиях.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЯПОНИЯ, КАЗАКИ И АНТИАМЕРИКАНИЗМ

Посол Моррис и я прибыли во Владивосток вечером 6 сентября 1919 г. Вскоре после моего приезда я впервые столкнулся с новым японским ставленником в лице ген. Розанова, который был послан Колчаком из Красноярска во Владивосток для командования русскими войсками на Дальнем Востоке.

В моей канцелярии находились донесения о том, что 2 сентября русские в присутствии японских войск арестовали американского капитана и капрала в Имане, в 250 милях к северу от Владивостока, под предлогом, что эти люди не имеют паспортов. Так как они были одеты в форму американской армии, так как в Сибири не имелось признанного правительства и так как сверх того ни один военный в Сибири не был обязан иметь паспорта, повод для ареста этих людей являлся почти столь же незаконным, как и самый арест. Утром 7 сентября я послал моего начальника штаба, полк. Робинсона, в канцелярию ген. Розанова и требовал немедленного освобождения капрала; капитан был освобожден сразу же в день ареста. Ген. Розанов заявил полк. Робинсону, что он наведет справки и позже даст мне ответ. Такое заявление ни в какой степени не удовлетворило меня; я приказал полк. Робинсону вернуться и сказать ген. Розанову, что дело не в наведении справок, и что его отказ дать распоряжение об освобождении капрала Спурлинга будет рассматриваться мною как окончательный отказ. Получив такое заявление, ген. Розанов распорядился освободить капрала.

Когда капрал вернулся, мы выяснили, что он был жестоко избит.

Еще до его освобождения, как только узнали об аресте американцев, майор Шаматульский, офицер местной команды, взял поезд, несколько американских солдат и отправился на Иман. Когда он прибыл туда, японский офицер заявил ему, что японцы не позволят американцам атаковать казаков и если они их атакуют, японцы присоединятся к казакам и окажут вместе с ними сопротивление американцам. Майор Шаматульский ответил японскому офицеру, что он намерен освободить капрала и всякое сопротивление со стороны японцев будет для последних опасно. Тем временем майор Шаматульский арестовал трех казаков в форме. Казаки устроили траншеи и заняли их, приготовившись к сопротив-

лению американцам. Японцы присоединились к казакам в траншеях; они некоторое время надеялись вызвать смятение среди американцев, но очевидно потеряли присутствие духа: раньше чем открылась стрельба, японцы заявили американскому майору, что капрал находится не в Имане, а отправлен в Хабаровск. Майор Шаматульский отвел свои войска и приготовился вернуться на свою стоянку. Тогда японский офицер пришел к майору и попросил не брать с собой трех казаков и освободить арестованных. Однако майор Шаматульский заявил, что возьмет их с собой и задержит, до того времени пока будет возвращен американец. Японцы угрожали прибегнуть к силе, но этого не случилось, и майор Шаматульский все же увез с собой пленных.

После своего возвращения к американским войскам капрал показал, что он в поезде подвергся избиению со стороны двух казачьих офицеров; то же продолжалось в течение 15 минут и на платформе по прибытии в Хабаровск, когда он был взят на попечение японцев.

Часто бывает невозможно найти полное и достоверное доказательство подлинности факта, который вам известен. Именно так было в данном случае. Хотя я и не имею основания обвинять более высокие японские власти, чем майор в Имане, в этом подлом и низком поступке, но уверен, что этот арест и избиение американского капрала были не только простым попустительством со стороны японцев, а были подстроены ими.

Я выдвигаю такое обвинение потому, что Калмыков и его солдаты находились под японским командованием и в частности японский офицер командовал казаками, когда было нанесено оскорбление Соединенным штатам. Так как Иман не находился на участке железной дороги, порученном охране Японии, то японские войска не несли ответственности за этот город. У них была другая цель и эта истинная цель обнаружилась в факте ареста американцев.

3 сентября полк. Сарджент, выполнявший обязанности командующего на время моего отъезда в Омск, телеграфировал Военному департаменту следующее:

«Сегодня Семенов и Калмыков отправились из Владивостока в Хабаровск».

Эти два японских ставленника отправились вместе в Хабаровск с особой целью. Этой целью было—создать план нападения на американских солдат.

Ген. Хорват, являвшийся противником моей политики невмешательства во внутренние дела, посетил меня и предосте-

рег, что Калмыков прибыл, для того чтобы уничтожить американских солдат, и что если я не сконцентрирую небольших отрядов, охраняющих железную дорогу, я потеряю некоторых из них. Он заявил, что Япония это санкционировала и предоставила Калмыкову 30 тыс. иен; далее он сообщил, что приготовлена к отправке телеграмма «всем, всем» с указанием, что таким же образом будет поступлено со всеми большевиками.

Начальник крепости, полк. Бутенко, имел доступ ко всем телеграммам, идущим через Владивосток. Посетив меня примерно тогда же, когда и ген. Хорват, он подтвердил сообщение последнего и сказал, что Семенов телеграфно предложил Калмыкову отправиться вперед и атаковать американские войска, а если он будет нуждаться в поддержке, то Семенов пошлет ему в помощь свои войска. Японцы телеграфировали Калмыкову, что они не окажут ему активной помощи, но предоставят моральную поддержку.

В связи с этим министр иностранных дел омского правительства Сукин сообщил майору Слоутеру в Омске следующее:

«Я могу сказать вам также, если вы не знаете об этом, что на Дальнем Востоке недостаточно американских войск, чтобы побороть затруднения, которые создадутся, если у вас будут трения с Семеновым и Калмыковым. Дело в том, что японцы всеми мерами поддерживают Семенова, вплоть до посылки войск, если это представляется необходимым».

В то же время меня посетил глава приморского земства Медведев и подтвердил то, о чем мне говорил Хорват. Эти три человека принадлежали к различным социальным кругам, а Медведев принадлежал даже к совершенно иной политической группировке, чем два остальных; следовательно эти три человека никогда не могли итти вместе к общей цели и еще менее — стремиться ввести меня в заблуждение.

Один полковник французской армии, — имя которого я помню, но не считаю разумным предавать его гласности, — тоже посетил меня и сказал, что казаки пытаются купить некоторое количество винтовок у французов, и он уверен, что они замышляют нападение на американцев.

После возвращения капрала, избитого казаками, я написал ген. Розанову письмо с требованием указать имена двух казачьих офицеров, которые били капрала, и извиниться за совершенные насилия через местную прессу. Я не получил никакого ответа.

Неделю спустя после отправки письма американскую главную квартиру посетил по каким-то делам начальник розановского штаба; я заявил ему, что не буду иметь никакого дела с розановским штабом, до тех пор пока не получу ответа на свое письмо.

Непосредственно я никогда не получал соответствующего извещения, но в прессе, которая издавалась в Вашингтоне, я встречал указание на то, что извинения за оскорбления были принесены. Я не считал нужным выяснять, где и кем были принесены эти извинения, и позже никогда не имел дела ни со штабом ген. Розанова, ни с ним самим. Он был устранен от власти 31 января 1920 г.

После моего возвращения из Омска в моей канцелярии оказался рапорт о зверском и отвратительном убийстве, совершенном японцами.

В этом рапорте указывалось, что 27 июля 1919 г. отряд японских солдат под командой японского майора арестовал девять русских в г. Свиагино, который находился на участке железной дороги, порученном американской охране. Японцы заявили американскому офицеру, что эти люди подозреваются в большевизме.

Русским было указано, что, если они дадут сведения относительно большевиков, они будут освобождены.

Четверо из девяти были отпущены. Остальные пятеро были жестоко избиты, но отказались говорить.

Опять-таки японцы не несли ответственность за Свиагино.

Японцы стали вести себя так, как будто намеревались казнить русских, которые не давали им показаний, и как только это намерение японцев стало ясным, американский офицер заявил протест, но безуспешно.

Донесение следующим образом рассказывало о казни:

«Пятеро русских были приведены к могилам, вырытым в окрестностях железнодорожной станции; им были завязаны глаза и приказано встать на колени у края могил со связанными назад руками. Два японских офицера, сняв верхнюю одежду и обнажив сабли, начали рубить жертвы, направляя удары сзади шеи, и, в то время как каждая из жертв падала в могилу, от трех до пяти японских солдат добивали ее штыками, испуская крики радости.

Двое были сразу обезглавлены ударами сабель; остальные были повидимому живы, так как наброшенная на них земля шевелилась».

Мне горько признавать, что свидетелями этой расправы было несколько солдат и офицеров американской армии.

Это убийство было совершено японцами не потому, что жертвы совершили какое-нибудь преступление, а только потому, что они были заподозрены в большевизме.

Я настолько был подавлен этим зверством, что вызвал начальника американской команды из Свиагина в главную американскую квартиру во Владивостоке и в присутствии японского начальника штаба заявил ему, что он должен был бы применить силу и помешать этому убийству. Я заявил также японскому начальнику штаба, что, если подобные вещи будут когда-либо иметь место на американских участках железной дороги, это вызовет конфликт между японскими и американскими войсками. Он ответил, что ему хотелось бы собрать справки относительно содержания рапорта. Я заметил, что не нахожу препятствий к наведению справок и высказал надежду, что он сообщит мне о результатах. Он обещал сделать это. Примерно пять недель спустя он посетил мою канцелярию и заявил, что вынужден признать правдивость рапорта, но должен указать, что это не является обычным для японской армии.

9 июня 1919 г. я получил следующее сообщение от полк. Морроу из Верхнеудинска:

«Вследствие продолжающихся нападений блиндированных вагонов Семенова на железную дорогу, захвата вагонов, угроз железнодорожным служащим, нападений на рабочих, продолжающихся угроз по адресу моей охраны, обстрела и арестов русских войск, отправляющихся на фронт, — вчера, 8 июня, в 5 час. вечера я имел беседу с генералом японской армии Иоше, военным губернатором ген. Меджиком и командующим русскими войсками в Березовке, ген. Пешинко. Основываясь на изложенном выше, я потребовал от них, чтобы был обеспечен отвод блиндированных вагонов с американского участка, и одновременно довел до их сведения, что, если мое требование не будет исполнено в течение 24 часов, то я уничтожу эти вагоны».

Ген. Иоше в присутствии полк. Морроу согласился оставаться нейтральным, но позже послал ему следующее сообщение:

«Японцы заявляют, что они окажут сопротивление силой удалению семеновских блиндированных вагонов американскими войсками, примут блиндированные вагоны под японскую охрану в Березовке и будут защищать их там от американских войск».

Так как это происшествие на американском участке было единственным основанием для выступления японцев, то ста-

новилось ясным, что японские и семеновские войска представляют собой одну боевую единицу.

Всем в Сибири это было хорошо известно, но японцы упорно утверждали, что они не несут ответственности за деяния Семенова и Калмыкова.

Отказываясь принимать в соображение донесения американского командования, Государственный департамент вероятно не знал о новых методах, практиковавшихся нашей союзницей, Японией, для уничтожения большевизма. Между тем представители Государственного департамента всецело встали на сторону Колчака, имея своими союзниками в этом деле британцев, французов, японцев, атаманов Семенова и Калмыкова и ген. Розанова. Повидимому единственным диссонансом в этом деле являлся мой отказ присоединиться к Государственному департаменту и его союзникам в их решении уничтожить большевизм, несмотря на возвещенную Соединенными штатами политику невмешательства.

Август Хэд, принадлежащий к военноторговому совету, действующему по указаниям Государственного департамента, был одно время весьма беззаботен в отношении посылки информации, которая повидимому была недостаточна. Наконец Хэд получил телеграмму через мою канцелярию, прочитал ее мне и сказал, что она исходит от Государственного департамента.

В телеграмме говорилось: «Вы не посылаете информации из Сибири. Мы нуждаемся в ее получении».

Так как Хэд являлся должностным лицом Государственного департамента, то было бы, я думаю, неудобно игнорировать его донесения так, как это делалось по отношению к моим.

В тот критический период, когда казаки на Востоке пытались приобрести оружие, чтобы употребить его против американских войск, винтовки и амуниция, посылаемые Соединенными штатами для действующей армии Колчака, начали прибывать на транспортах Соединенных штатов. Эти винтовки посылались Колчаку на основании соглашения Вильсона от 12 июня 1919 г.: «Помогать правительству адмирала Колчака и его сторонникам военным имуществом, материалами и продовольствием».

Я получил извещение из Вашингтона: «Ген. Хакен, начальник распорядительного департамента в специальной комиссии по делам Дальнего Востока, назначен русским правительством в Омске, чтобы принять все военное имущество,

посылаемое во Владивосток для действующих сил адмирала Колчака».

16 сентября я телеграфировал Военному департаменту: «Сегодня утром мне предложено получить один миллион золотом и выдать требуемые винтовки. Ввиду антиамериканской деятельности колчаковских агентов, я отказался принять золото и выдать винтовки. Моррис находится здесь и одобряет это». Мой отказ послужил поводом для взрыва негодования со стороны ген. Нокса. Он заявил в местной прессе, что эти винтовки были оплачены Россией и я задерживаю их, для того чтобы повредить Колчаку. Хотя я совершенно ясно доносил Вашингтону о мотивах моего отказа выдать оружие, я все же встречал в американской прессе указание на заявление Государственного департамента о том, что я вмешиваюсь в дела, которые меня не касаются.

Что касается отказа выдать это оружие Колчаку во Владивостоке, то,— если газеты правильно указывали, что это было сообщено Государственным департаментом, — это сообщение являлось неверным и недобросовестным изображением действительного положения вещей.

Кто-то информировал, что я задержал колчаковское оружие из-за «антиамериканских статей во владивостокских газетах». Газета, которая сейчас находится передо мной, говорит, что я задержал оружие «в отместку за антиамериканские статьи во владивостокской газете». В другой газете появилось сообщение, что я задержал оружие «за публикацию ожесточенных антиамериканских статей во владивостокской газете». Одна из газет сообщала, что Государственный департамент обеспечил выдачу винтовок. Еще одна газета не упоминала о Государственном департаменте, но чрезвычайно критически оценивала мой поступок.

Два вопроса вставали передо мной в связи с этими статьями. Первый вопрос был: «Давалась ли эта информация газетным корреспондентом в Вашингтоне?» Мне казалось, что информация была такого рода, что нетрудно было догадаться об ее цели.

Другим вопросом было: «Если эта информация давалась газетным корреспондентом, то каким департаментом правительства?»

Но не все ли равно, откуда или кем давалась она,— информация была неверная, недобросовестная и не соответствовала фактам.

Военный департамент знал о действительных мотивах отказа выдать эти винтовки во Владивостоке. Причина моего

отказа, о которой говорила пресса, конечно не могла быть одобрена гражданами Соединенных штатов; но если бы они знали правду, то думаю, что вряд ли нашелся бы какой-нибудь американец, который не одобрил бы моего отказа.

Действительная причина отказа выдать оружие во Владивостоке указана мной в донесении Военному департаменту:

«Ссылаюсь на ваш 357. Сегодня утром мне предложено получить один миллион золотом и выдать требуемые винтовки. Ввиду антиамериканской деятельности здесь колчаковских агентов, я отказался принять золото и выдать винтовки. Прошу одобрения поступка. Моррис находится здесь и одобряет. Я поручил Слоутеру заявить омскому правительству, что мы не будем предоставлять им какое-либо военное снабжение, пока колчаковские агенты на Востоке пытаются употребить военные силы против Соединенных штатов».

Я не усматриваю никакой мести за газетные статьи в этой телеграмме. В действительности я имел обильную информацию, в которой я не мог сомневаться; я не сомневался, как не сомневаюсь и теперь, что вышеупомянутые русские строили планы нападения на американские отряды и стремились получить прибывшие винтовки, для того чтобы вооружить ими казаков и тем самым обеспечить значительное преимущество в силе над любым количеством американских отрядов, которые я мог бы сконцентрировать.

Американские войска не имели полевых орудий, в то время как казаки их имели, кроме того американские отряды, охранявшие железную дорогу, были разбросаны на расстоянии почти 2 тыс. миль. Если бы были уничтожены небольшие мосты, я не имел бы возможности собрать свои отряды вместе, и 7 тыс. чел. я должен был бы разделить не меньше чем на четыре, а может быть и на большее количество отрядов.

Я не думаю, чтобы какой-нибудь американец ожидал от меня выдачи винтовок людям, намеревающимся употребить их против американских войск. Поистине я считал положение настолько серьезным, что вполне обдуманно и сознательно отказался бы выдать винтовки русским во Владивостоке, от кого бы ни исходил приказ. И я никогда не слышал о том, чтобы мой поступок осуждался Государственным департаментом.

Далее возникает вопрос: почему такая ложная информация о моем поступке давалась публике и кем она давалась? Я не думаю, чтобы она давалась Военным департаментом,

так как об этом департаменте не упоминалось в газетных статьях, а кроме того он знал о моих мотивах непосредственно от меня.

Я не считал бы ошибочным заключение, что информация давалось Государственным департаментом. Так как Государственный департамент всецело полагался на своих представителей в Сибири в вопросе об информации, он следовательно игнорировал информацию, исходившую от представителей Военного департамента. Меня посетил ген. Хакен; он вновь поставил вопрос о винтовках, и я согласился выдать их в Иркутске, который находится вне казачьей территории. Ген. Хакена это устраивало и он остался доволен таким решением, так как оно позволяло ему быть более уверенным в получении оружия. Такое разрешение вопроса не удовлетворяло русское военное командование на Дальнем Востоке; оно предложило, чтобы американцы охраняли один поезд, а русские другой. Но я отверг это предложение.

Япония и ген. Нокс возбудили в сторонниках Колчака настолько враждебное отношение к американскому военному командованию, что 17 сентября я телеграфировал в Вашингтон:

«Казаки под предводительством Калмыкова пытаются начать враждебные действия против американцев. Эти действия поддерживаются Семеновым и, я думаю, направляются Японией. Казаки имеют блиндированные вагоны, с которыми наше теперешнее вооружение сравниться не может. Я думаю, что этим обусловливается их нахальство. Просьба прислать в мое распоряжение один батальон трехдюймовой или горной артиллерии. Я не знаю, случится ли что-нибудь, если моя просьба не будет исполнена, но я совершенно уверен, что присылка артиллерии обеспечит американцам полную безопасность».

Нужно помнить, что Семенов и Калмыков были бандитами и убийцами. Они были способны на любое преступление. Только физический страх или боязнь потерять поддержку японцев могли удержать их от нападения на американцев или на кого-либо другого.

Первый поезд с винтовками и амуницией, отправленный правительством Соединенных штатов для выдачи «действующей армии адмирала Колчака», прошел до Иркутска без приключений. Когда же второй поезд достиг Читы, штаб-квартира Семенова остановила его (24 октября), и Семенов потребовал 15 тыс. винтовок. Лейтенант Райан, охранявший

этот поезд и располагавший 50 солдатами, заявил, что не может выдать винтовки без инструкций из Владивостока.

Семенов заявил лейтенанту, что, если он не выдаст винтовок в течение 30 часов, то они будут взяты силой; сделав это заявление, Семенов распорядился поставить два своих блиндированных вагона и батальон казаков рядом с американским поездом.

Американский консул поставил вопрос об этом распоряжении перед штабом Семенова, но ему подтвердили, что, если винтовки не будут выданы, их возьмут силой. Тогда консул заявил, что это дело должно быть доложено ген. Грэвсу во Владивостоке, так как Семенов указывал, что Колчак уполномочил его взять винтовки и русские сообщат мне об этом по телеграфу. Телеграмма лейтенанта Райана получена была мною около полуночи с 24 на 25 октября. Я телеграфировал лейтенанту Райану, чтобы он не выдавал ни одной винтовки.

Я чувствовал себя спокойным, давая такие инструкции, так как знал, что ген. Ои, японский командующий в Сибири, находился вместе с Семеновым в Чите, в то время когда лейтенанту Райану было предъявлено требование относительно оружия. Так как этот инцидент происходил в железнодорожном участке, порученном японской охране, и так как отсутствие протеста на действия Семенова со стороны ген. Ои или японского командования в Чите означало бы неспособность Японии выполнить железнодорожное соглашение, то я был уверен, что Япония не позволит Семенову доходить до крайности, т. е. до нападения на лейтенанта Райана.

Семенов задержал Райана на 40 часов и затем разрешил ему ехать дальше.

Как только Колчак был вытеснен из Омска и отправился на восток, я понял, что конец его близок, и отказался посылать ему винтовки. Из донесений, полученных мною до оставления им Омска, было видно, что власть Колчака кончилась и большая часть его войск перешла к большевикам.

Американский генеральный консул Гаррис был упрям и не хотел сдаваться. Он телеграфировал, что отъезд Колчака из Омска должен рассматриваться не как показатель слабости, а скорее — как показатель силы. Понятно, что и ген. Хакен желал, чтобы я продолжал выдачу винтовок; это давало бы ему возможность располагать ими, что наиболее отвечало его собственным интересам.

29 октября я по вопросу о винтовках дал в Вашингтон следующую телеграмму:

«Мне думается, что если мы, вследствие пассивности или добровольно, допустим получение американского оружия Семеновым, Калмыковым и Розановым, то тем самым, пренебрегая интересами населения, поможем вооружиться наихудшим преступникам Сибири и вызовем враждебное отношение к Соединенным штатам со стороны сибиряков. Кроме того мы поможем Японии замедлить урегулирование политического положения в Сибири, потому что эксплоатация и господство вышеуказанных преступников над девятью десятыми населения не может продолжаться бесконечно, какая бы помощь им ни была оказана».

Японская главная квартира уведомила меня позже, что оружие, выданное лейтенантом Райаном в Иркутске, было возвращено Семенову; за месяц или за два перед моим отъездом из Владивостока произошел еще новый инцидент с винтовками, выданными мною Колчаку. Ко мне пришел какой-то русский и заявил, что четыре вагона, — он указал мне номера их, — стоят на запасных путях под охраной японских солдат и нагружены американскими винтовками в их оригинальной упаковке. Я спросил русского о подробностях, но он вместо ответа схватил свою шапку и ушел, сказав при уходе: «Я ничего не могу вам больше сказать».

Я был уверен, что русский говорил правду, но не располагал доказательствами, на основании которых мог бы действовать. Через несколько дней после этого сообщения меня посетил начальник японского штаба. Я завязал с ним приятный для него разговор и, когда он почувствовал себя совершенно удовлетворенным, сказал ему о вагонах, нагруженных американскими винтовками, и заявил, что, поскольку они не были оплачены русскими, я прошу эти винтовки вернуть как американскую собственность. Я видел замешательство моего собеседника и удостоверился, что сообщение русского было правдой. Начальник японского штаба не отрицал, что они имели винтовки, но сказал, что должен навести справки.

Некоторое время спустя меня посетил другой японский генерал; я сказал ему, что до сих пор не имею ответа начальника штаба и что я желаю получить винтовки. С этого времени я был вдвойне уверен, что русский сказал мне правду.

В течение последующей недели или десяти дней я написал письмо японскому командующему, сообщая как о факте,

что японцы имеют винтовки, и указывая на мои прежние попытки вернуть их в свое распоряжение. Я уведомлял, что, в случае отсутствия ответа в течение сорока восьми часов, я предприму для получения принадлежащего нам оружия такие меры, которые сочту необходимыми. Я отправил мое требование в японскую главную квартиру с курьером и приказал ему получить на конверте расписку в получении письма.

Я ждал 12 часов, 24 часа; по прошествии 36 часов из японской главной квартиры пришло извещение с просьбой предоставить ровно полчаса для посещения меня до истечения указанного мною времени.

На следующий день в назначенное время мою канцелярию посетил начальник японского штаба при сабле и в перчатках в доказательство того, что он рассматривает свою миссию как весьма официальную.

Он держал мое письмо в руках и сказал:

«Мы считаем ваше письмо весьма «нелюбезным»; вы высказываете мнение, что Япония крадет американскую собственность».

Я попросил его присесть, после чего напомнил ему о моих попытках получить нашу собственность и о том, что мною не получено никакого ответа. Я высказал свое сожаление по поводу того, что они испытывают в связи с этим инцидентом неприятное чувство, но заявил, что не могу ни извиниться за письмо, ни взять его обратно.

Тогда он сказал, что мы столь долго были добрыми друзьями, что получить такое письмо, какое написано мною, было бы неблагоприятно для их репутации. Я ответил, что не придаю значения письму, но желаю иметь эти винтовки. Он заявил, что я могу взять винтовки в любое время, как только пошлю за ними. Я указал, что войска будут посажены в поезд в 3 ч. 30 м. пополудни и смогут принять винтовки, затем я согласился взять обратно свое письмо.

Я послал за винтовками и получил их в количестве 5 900 шт. в оригинальной упаковке. Это была часть винтовок, посланных Соединенными штатами «для действующей армии Колчака».

По временам расположение генерального консула Гарриса к омскому правительству доводило его до того, что он по-видимому стремился скрыть некоторые сообщения от Соединенных штатов.

Вот один из примеров:

Когда мы были в Омске, Моррис и я получили от одного англичанина сообщение, что Анненков, атаман семипалатинских казаков, убил 3 тыс. евреев в Екатеринбурге. Анненков был известен, как погромщик и убийца, присвоивший себе и своим казакам особую форму: на шапках и рубахах были изображены череп и скрещенные кости.

Д-р Розенблат, посланный евреями в Нью-Йорк, чтобы сделать там все возможное для евреев в Сибири, также слышал об этом погроме и сообщил об этом, воспользовавшись моей канцелярией, так как получил выговор от генерального консула за прежнее донесение; Гаррис конечно был недоволен тем, что я позволил д-ру Розенблату сообщить об этом погроме, и телеграфировал д-ру Розенблату следующее:

«Когда вы были в Екатеринбурге, то сообщили, что казаки произвели насилие или убили три тысячи евреев. Подобные ложные и безответственные сообщения, исходящие от вас, не могут принести пользы, но способны восстановить омское правительство против евреев. Вследствие этого я буду настаивать, чтобы в ваших последующих телеграммах вами сообщались только действительные факты».

Генеральный консул Гаррис играл словами. Точное число убитых было неважно в сравнении с тем фактом, что в Екатеринбурге был действительно еврейский погром. Это было хорошо известно, но Гаррис очевидно не хотел знать об этом. Военное донесение, сообщавшее об этом погроме, указывало, что анненковскими казаками было убито 3 500 чел.; дальше в нем говорилось:

«Запрошенный по этому поводу омский штаб не дал прямого подтверждения, но не отрицал этого и намекал на то, что в Екатеринбурге произошло нечто, что давало евреям некоторое основание думать так, как они думали».

Я получил телеграмму из Вашингтона, гласившую, что, по утверждению генерального консула Гарриса: «извещение д-ра Розенблата об еврейском погроме абсолютно ложно. Не посылайте телеграфных сообщений, которые точно не проверены». Даже представители Колчака не шли так далеко, как американский генеральный консул, и не отрицали правильности сообщений о том, что еврейские погромы были.

Как генеральный консул Гаррис получал свою информацию? Он не поехал в Екатеринбург. Его благожелательное отношение к колчаковскому правительству лишало его благоразумия. Д-р Розенблат мог с большим основанием характеризовать сообщение Гарриса как «ложное». Если генеральный консул Гаррис считал, что число убитых, о котором

сообщал д-р Розенблат, слишком велико или слишком мало, он мог бы вероятно проверить это сообщение, так как никто не мог дать точного количества убитых. Если Гаррис хотел сказать, что не было убито ни одного еврея, то он был весьма плохо осведомлен.

Д-р Розенблат не был единственным американцем, оклеветанным сторонниками Колчака за то, что он не закрывал глаза на факты.

Союз американской христианской молодежи в Сибири вел свою работу, следуя лучшим традициям этой организации. Глава Союза американской христианской молодежи, Фельт, был человеком с характером, человеком твердых принципов и высокого понимания долга, человеком, который не мог уклониться от своего понимания долга ради одобрения со стороны самозванных правителей.

20 октября 1919 г. генеральный консул телеграфировал Фельту следующее: «В связи с вашими затруднениями у владивостокских таможенных властей, меня известил министр финансов, что по полученной им точной информации кожи закуплены Союзом христианской американской молодежи с целью торговать ими и потому должны быть задержаны на складах во Владивостоке. Так как экспорт тяжелых кож воспрещен, то следовательно это касается и Союза христианской американской молодежи, как всяких других экспортеров и импортеров».

Это обвинение не имело в действительности основания и объяснялось желанием досадить Союзу христианской молодежи. Дело в том, что колчаковское правительство стремилось принудить Союз американской христианской молодежи превратиться во вспомогательного агента колчаковского военного командования, каким являлся американский Красный крест, и когда колчаковское правительство убедилось, что ему не удастся достичь своей цели, оно стало создавать Союзу христианской молодежи всякого рода неприятности

Только одним путем Союз американской христианской молодежи, — или какая-небудь другая американская организация, — мог приобрести дружеское расположение сторонников Колчака; это был путь не только сотрудничества с ними, но и подчинение их указаниям, каким образом оказывать им поддержку.

Нужно помнить, что лица, окружавшие Колчака, являлись частью бывшего правящего класса России. История покажет, что такой класс и во всякой другой стране всегда будет бороться до последней возможности, чтобы удержать за

собою свои привилегии, а в Сибири этот класс был весьма близок к своему поражению. Единственной целью царского офицерства было восстановление условий, существовавших перед революцией.

21 октября я телеграфировал в Вашингтон:

«Британский офицер, только что вернувшийся после трехмесячной службы в сибирской армии, описывает военное положение следующим образом: «Рассказы о сражениях и победах очень преувеличены; ничто не помешает большевикам взять в короткое время Омск, если это согласуется с их планом кампании; толпа, одетая в британскую форму, посылается на фронт и при первом удобном случае дезертирует к большевикам».

Если бы ген. Нокс знал об этом сообщении британского офицера, он прибег бы к такому же сильно действующему средству, как и О'Рейли, присланный в Сибирь в качестве верховного комиссара для замещения сэра Чарльза Эллиота, когда этот последний отправился послом в Японию.

Я был удивлен, когда месяц спустя после своего приезда во Владивосток О'Рейли посетил меня и заявил:

«Вы являетесь в Сибири единственным иностранным представителем, действительно выполняющим задачи, возвещенные правительствами.

Я исследовал, насколько мог хорошо, местные условия, и убежден, что политика «невмешательства» является единственной политикой, которая имеет надежду на успех. Отныне британцы будут с вами и будут следовать такой же политике, какой следуете вы».

Конечно я был весьма рад заявлению О'Рейли и горячо благодарил его; ведь я слышал очень мало любезных слов с момента заключения перемирия, когда я высказал мнение о том, что время использования американских войск для враждебных действий миновало.

Вообразите мое удивление, когда примерно четыре дня спустя ко мне снова пришел О'Рейли и показал следующую телеграмму из Лондона:

«Выезжайте из Сибири с первым пароходом, покидающим Владивосток, не ожидая британского судна».

Американский транспорт вскоре направлялся в Сан-Франциско, и я предоставил моему единственному британскому другу возможность совершить поездку до Сан-Франциско на борту военного транспорта.

Чем ближе придвигался момент полного падения колчаковского правительства, тем враждебнее становились сто-

ронники этого правительства — русские и союзные — по отношению к американскому военному командованию, которое они считали способным помочь Колчаку и не делающим этого. В действительности мы поддерживали Колчака, помогая сохранять железную дорогу свободной исключительно для его использования.

Почти ежедневно печатались сообщения относительно американского оружия, захваченного у большевиков. Розановский штаб выпустил сводку информаций, в которой говорилось следующее:

«Казаки открыто заявляют, что американцы помогают большевикам; по показаниям одного пленного из красных, его отряд имел целый ящик бомб и ящик револьверов системы Кольта, предоставленных ему американцами».

Эти лживые заявления делались таким образом, чтобы дальневосточные газеты могли их напечатать; подобные сообщения, будучи переданными по телеграфу в Лондон и в Токио, должны были привести к некоторому желаемому результату.

Было невозможно опровергнуть эти ложные сообщения. Население Соединенных штатов не имело представления об условиях Восточной Сибири, где не было другого закона, кроме закона насилия, которым пользовались японцы и колчаковские сторонники и которым, как им было известно, американцы пользоваться не могли.

На железнодорожной станции во Владивостоке произошел один случай, взволновавший меня так же, как и другие, имевшие место в Сибири. Один американский солдат подвыпил и ожидал поезда. Русский офицер посмотрел на солдата, подошел к нему и назвал его «самым настоящим большевиком». Американский солдат замахнулся на него кулаком, но не ударил его. Русский офицер выхватил револьвер и убил американца. Чтобы сделать сцену еще более эффектной, несколько японских офицеров, находившихся на станции и видевших убийство, поздравили русского рукопожатием над трупом американца. Русский сейчас же отправился в гражданский суд и отдал себя властям; он был судим и через час оправдан. Этот русский принадлежал к действующей армии Колчака, которой Соединенные штаты выдавали оружие и амуницию.

Через некоторое время появилось сообщение, что большевиками руководит на Дальнем Востоке американская главная квартира. Японский начальник штаба посетил меня и сказал, что слышал об этом. Я заявил ему, что решил выяснить

источник этой лжи, и если кто-нибудь откажется сказать мне, откуда он получил свою информацию, я поставлю вопрос о его честности. Я сказал ему: «Вы являетесь первым. Кто сообщил вам?»

Он ответил, что слышал об этом от одного чешского офицера.

Я послал адъютанта выяснить эту историю и в конце концов натолкнулся на русский штаб.

Эти лживые сообщения продолжали распространяться русскими реакционерами и тогда, когда американские войска покинули Сибирь.

В 1923 г. в Германии была издана русская книга ген. Сахарова,—одного из колчаковских генералов,—под названием «Белая Сибирь». В ней указывалось, что ген. Иванов-Ринов арестовал большое количество опасных лиц, в том числе Медведева и Огарева, которые находились в контакте с большевиками... и вели пропаганду среди населения, призывая его к восстанию. Ген. Сахаров сообщает, что ген. Грэвс заявил Иванову-Ринову о недопустимости этого ареста и настаивал на их освобождении.

В этом сообщении нет ни крупицы правды. Медведев и Огарев никогда не были арестованы, пока я был в Сибири.

Много раз русские и ген. Нокс говорили мне: «Вы помогаете большевикам», или: «Население обвиняет американцев в помощи большевикам». Моим неизменным ответом было утверждение, что если американские военные представители принимали бы участие во внутренней борьбе, они нарушили бы приказания правительства Соединенных штатов; если же обвинители могут указать хотя бы на один поступок американского военного командования, который противоречил этим приказаниям, то я готов принести извинения русским и осудить этот поступок.

Их неизменным ответом было: «Не поддерживая Колчака, вы даете основания большевикам думать, что вы поддерживаете их».

В этом заявлении была некоторая доля правды.

Когда американцы впервые прибыли в Сибирь, естественно многие из них ожидали, что пережитые война и революция изменят отношение представителей прежнего господствующего класса к старым методам управления. Но как только этот господствующий класс начал совершать ужасные жестокости в Сибири, или беспечно допускать и оправдывать эти зверства, — то стало ясно, что он ничему не научился.

Я пытался, насколько мог, выяснить, с кем Соединенным штатам придется иметь дело. Я пользовался прямыми и косвенными данными, чтобы составить мнение об офицерстве различных рангов. Среди офицеров разных рангов нашелся только один старший офицер, который казался мне обладающим личными недостатками, но прекрасным офицером, хорошо выполняющим свои обязанности.

К середине октября 1919 г. влияние Колчака на Дальнем Востоке стало весьма ничтожным. Понятно, что русские монархисты старались поддерживать представление о том, что раз Колчак еще пользуется иностранной поддержкой, то следовательно он имеет известное значение.

Несомненно предпринимались некоторые шаги, чтобы после падения Колчака объявить Семенова диктатором на Дальнем Востоке. Подобный шаг, поскольку это касалось Японии, разоблачил бы характер ее действий в России и совершенно отчетливо показал бы ее истинное намерение, осуществлявшееся с самого начала интервенции.

Даже ген. Нокс не мог пойти с ними на такой дерзкий шаг.

16 октября я телеграфировал Военному департаменту:

«Опасности нападений со стороны казаков теперь нет, оно возможно разве только на очень небольшие отряды. Все чехи, находящиеся сейчас на Дальнем Востоке, расположены вдоль железной дороги, и японцы знают, что будет трудно потушить пожар, если он разгорится. Начинают обнаруживаться признаки распада всего колчаковского режима. Я получил из Харбина от полк. Эмерсона письмо, датированное 22 октября, в котором он приводит следующее сообщение Сукина: «Сибирское правительство не в состоянии заставить выполнять межсоюзническое соглашение из-за антагонизма между железнодорожными должностными лицами и военными; последние считают, что старания союзников реорганизовать железнодорожное дело направлены к тому, чтобы получить над ним контроль со стороны союзных правительств».

Колчаковское правительство никогда не обнаруживало намерения выполнять межсоюзническое соглашение. Железная дорога всегда была военной дорогой, контролируемой и обслуживаемой военными должностными лицами. Охрана такой железной дороги, находившейся в руках одного из враждебных лагерей, вызывала весьма значительное раздражение против Соединенных штатов со стороны демократических кругов и имела своим результатом утрату престижа Соединенных штатов.

16 ноября мой офицер контрразведки доносил следующее: «Местные русские мало лояльны по отношению к колчаковскому правительству; некоторые теперь говорят о нем, как о «Ноксовском правительстве».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

МЯТЕЖ ГАЙДЫ

Порвав с руководящими колчаковскими кругами, ген. Гайда отправился на Восток: 8 августа 1919 г. он прибыл во Владивосток. Гайда не только заявил публично, что колчаковское правительство непрочно, но совершил ряд других вызывающих действий. Мне не понятно, почему сторонники Колчака на Дальнем Востоке ничего не предприняли для обуздания Гайды. Представив Колчаку обширный доклад, Гайда разрешил опубликовать из него выдержки. В этом докладе, указывая на ряд недостатков, он говорит следующее:

«Острота положения требует особых предупреждающих мероприятий. Она повелительно указывает на необходимость дать ясное и демократическое направление политике государства и с непоколебимой строгостью следовать ей; только в этом случае можно с уверенностью рассчитывать на поддержку со стороны большинства народа и армии. Правительство должно устранить всякие сомнения в его демократичности и желании установить законность и порядок. Правительство должно категорически отмежеваться от тех из своих агентов, которые, не задумываясь, извлекают выгоду из своего положения. Правительство должно заявить, что его конечной целью является созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Созвать представителей губернских и уездных земств и городских дум, а также представителей общественных организаций. Необходимо принять меры к тому, чтобы пресечь на всей русской территории такие беззакония, как расстрелы без суда. Необходимо также установить свободу собраний по образцу европейских стран.

Необходимо принять меры к восстановлению власти земств и городских управ и произвести расследование относительно административных взысканий, которым подверглись их члены.

Должны быть предприняты шаги к привлечению симпатий со стороны крестьянских масс и к развитию земледелия».

Эти прекрасные указания несомненно могли служить делу улучшения положения в Сибири, но жаль, что сам ген. Гайда, командуя войсками Колчака, не следовал этим принципам управления: тогда он являлся сторонником употребления кнута и штыка по отношению к непокорным русским. Заявление Гайды оказалось слишком запоздалым и не было вполне свободно от стремления отомстить.

Военное положение колчаковских войск весьма быстро ухудшилось. Офицер разведки, полк. Эйхельбергер, уже 22 августа доносил:

«Достоверная информация из многих источников указывает на то, что сибирская армия в действительности не держит никакого фронта».

Это донесение полк. Эйхельбергера было сообщено во Владивосток, когда я находился в Омске, и ровно неделю спустя я разыскивал на р. Ишим стотысячную армию Колчака, которую, как меня уверяли, я должен был найти, отправившись по этой реке. Другое сообщение из Омска, из ставки Колчака, указывало на разложение частей колчаковских войск. Добиться признания Колчака Соединенными штатами и получить для него финансовую помощь являлось последней надеждой русских монархистов и их союзных покровителей.

В это время на Востоке злободневной темой являлся возможный coup d'état Гайды. По всеобщему мнению чехи должны были поддержать Гайду. Подготовку к своему coup d'état Гайда вел через социалистов-революционеров. Чехи, как и Гайда, не были в это время ни монархистами, ни большевиками. Они являлись сторонниками парламентарного образа правления и не верили в возможность достигнуть этого при посредстве каких-либо крайних политических группировок в России.

О своих настроениях и своей политической позиции 16 ноября 1919 г. чехи заявили следующее:

«Невыносимое положение, в котором оказалась наша армия, заставляет нас обратиться к союзным державам с просьбой о совете: каким образом чехо-словацкая армия может обеспечить себе собственную безопасность и свободный возврат на родину согласно решению всех союзных держав.

Армия взяла на себя охрану железной дороги на вверенном ей участке и эту задачу добросовестно выполнила. Но ныне пребывание нашей армии на железной дороге для ее охраны становится невозможным, так как действия армии

противоречат ее представлениям о гуманности и справедливости. Охраняя железную дорогу и поддерживая порядок в стране, наша армия вынуждена действовать против своих убеждений и содействовать господствующему здесь полнейшему произволу и беззаконию.

Выжигание деревень, массовые убийства мирных русских граждан, расстрелы без суда демократически мыслящих людей только по подозрению в политической нелойяльности — составляют обычное явление; и ответственность за все это перед судом народов всего мира падает на нас, потому что, располагая вооруженной силой, мы не препятствуем существующему беззаконию. Эта пассивность является прямым следствием нашего нейтралитета и невмешательства во внутренние дела России и она же является причиною того, что мы, соблюдая безусловную лойяльность, становимся против своей воли участниками преступлений.

Сообщая об этом представителям союзных держав, верным союзником которых чехо-словацкий народ всегда был и будет, мы считаем необходимым приложить все усилия, чтобы поставить народы всего мира в известность о том тяжелом моральном положении, в котором оказалась чехословацкая армия, и о причинах этого.

Мы сами не видим иного выхода, кроме немедленного ухода с того участка, который вверен нашей охране, и предоставления нам права воспрепятствовать вышеуказанным беззакониям и преступлениям.

В. Гирса.

Действительная обстановка, поскольку ее возможно было описать словами, находила здесь свое полное отражение. Я часто подчеркивал в своих донесениях тот факт, что Соединенные штаты не могут избежать ответственности за создание подобных условий, потому что жестокости, совершенные над населением, были бы невозможны, если бы в Сибири не было союзных войск. Всякий непредубежденный человек, знакомый с фактами, знал, что Гирса сообщал о действительной обстановке.

Во время своих приготовлений к мятежу Гайда не действовал совместно с чехами. Я не видел признаков большого энтузиазма по отношению к нему со стороны членов земства, и он сам не проявлял желания сделать серьезную попытку заручиться поддержкой земства. В начале сентября Семенов, находившийся тогда во Владивостоке, пытался установить с Гайдой дружеские отношения, заявляя, что он

тоже демократ. Однако Гайда не отнесся благожелательно к предложенной Семеновым поддержке.

После удаления от власти ген. Розанова, 31 января 1920 г., среди его бумаг был найден доклад о мятеже Гайды. В этом докладе Розанов указывает: «В течение первого месяца пребывания Гайды во Владивостоке его работа шла в полном соответствии с желаниями местной организации правых социалистов-революционеров и земства, действовавших под руководством бывшего председателя сибирской думы Якушева. 18 сентября было назначено для совершения coup d'état".

Ген. Розанов являлся ответственным представителем Колчака в Восточной Сибири и, согласно его собственному заявлению, знал о планах Гайды, которые замышлялись в поезде, расположенном не более чем в 300 ярдах от его штаба. Тем не менее он не сделал ни одного движения, чтобы помешать выполнению этих планов. Как может быть расценена такая неспособность к действию? То, что Гайда готовится устранить от власти Розанова, было всем известно во Владивостоке. Некоторые полученные мною сообщения указывали, что Розанов даже опасался своими действиями помешать Гайде предпринять явно задуманный шаг. Другие сведения объясняли эту пассивность тем, что выступление со стороны Розанова могло вызвать такие последствия, которые обусловят падение Колчака.

Розанов продолжает в своем докладе: «Конвой Гайды численностью в 50 чел. возрос до 300 чел. Падение Омска в ночь на 15 ноября повидимому усилило надежду на успех».

Затем Розанов говорит, что лихорадочные и торопливые приготовления к наступлению, которые начались ночью 17 ноября, происходили на виду у его штаба и были хорошо известны ему; с этого времени он стал готовиться к сопротивлению.

Гайда очевидно позволил Розанову подготовиться и затем начал свое наступление в 12 час. ночи с 16 на 17 ноября. Это наступление было предпринято от ст. Океанская, находящейся в 22 милях от Владивостока. Розанов говорит, что в 8 час. утра 17 ноября Гайда раздавал оружие всем, кто подходил к его поезду, а Розанов все еще оставался пассивным.

После полудня 17 ноября союзные командующие имели совещание с целью наметить какие-нибудь планы, чтобы воспрепятствовать убийствам, грабежам и причинению ущерба союзникам, которые находились в городе. Они пришли

к заключению, что эта борьба политического характера, и решили оставаться нейтральными. Город был разделен на участки, и союзные войска должны были нести охрану на участках, порученных им союзными командующими. Ген. Розанов указывает, что, после того как союзные командующие решили оставаться нейтральными, японцы прислали ему пожелание «быстрого и успешного подавления мятежа ранее наступления утра 18 ноября». Я не знаю, было ли сделано такое сообщение в действительности или нет.

Ходили упорные слухи, что японцы разместили свои войска таким образом, чтобы помешать кому-либо оказать помощь Гайде, и воспрепятствовать его отрядам покинуть железнодорожную станцию, где они были заперты, как в мышеловке. Однако я никогда не получал более или менее достоверного сообщения, которое подтвердило бы обвинение японцев в том, что они не были нейтральны.

Розанов не удержался от обвинений американцев в том, что они не были нейтральны. Он говорит:

«В течение ночи американцы дважды открывали огонь из пулеметов по правительственным войскам».

Я знаю, что это заявление было ложным.

В час или два ночи на 18 ноября стало известно, что Розанов достиг успеха, и что Гайда потерпел поражение, хотя он и его сторонники оставались на железнодорожной станции, которую Розанов бомбардировал со своих небольших истребителей и полевой артиллерией.

Во время этого сражения я был свидетелем замечательной храбрости, проявляемой русскими солдатами. Русские поставили пулемет на перекрестке двух улиц без какого бы то ни было прикрытия. Очевидно противник находился на расстоянии выстрела, и весьма скоро после того как один из солдат занял свое место у пулемета, он был убит. Не делая никакого усилия, чтобы переставить пулемет или устроить ему прикрытие, солдаты один за другим были убиты на этом самом месте. Я наблюдал это из окон моей спальни, и, в течение всего времени, пока я стоял у окна, солдаты совершенно спокойно и добровольно шли туда, где их ожидала почти верная смерть.

Около 4 или 5 час. утра чешский генерал Чечек явился в мой штаб; он сообщил, что Гайда и его сторонники окружены на железнодорожной станции, и просил меня поддержать его просьбу о выдаче Гайды чехам. У меня было чувство сожаления по отношению к Гайде, но я заявил Чечеку, что не могу принять участия в борьбе за исключением

защиты жизни и имущества, в соответствии с соглашением между союзными командующими, принятым на совещании накануне после полудня.

Рано утром Гайда и его войска на станции сдались. Гайда был легко ранен.

Присутствие чехов несомненно оказало сдерживающее влияние на Розанова, так как они не позволили бы зверски убить Гайду и тех немногих чехов, которые были с ним, как было поступлено по отношению к русским или ко многим из русских, попавшим в руки Розанова. Среди последних было 18 или 20 молодых русских, захваченных на станции, которые принадлежали к какой-то организации во Владивостоке. Розановские солдаты вывели этих людей на перрон станции и предложили им присоединиться к розановским войскам. Все они заявили, что скорее умрут, чем присоединятся к подобной банде грабителей. Тогда их ввели в здание станции и приказали спускаться по круговой каменной лестнице, ведущей в подвальный этаж; на нижних ступеньках по ним был открыт огонь и они были убиты.

При этом присутствовало несколько человек, среди которых находились и американцы.

21 ноября я телеграфировал в Вашингтон:

«Я располагаю показанием американского железнодорожного отряда, которое устанавливает тот факт, что розановские войска отказывались подбирать антирозановских раненых и оставили их в течение нескольких часов на холодном снегу и под дождем, а затем отправились в амбар, в котором находились раненые, и убили их. Имеются и другие донесения об убийствах, но я не мог их проверить. Я получил заверение со стороны представителя Розанова, что женщины и дети не подвергнутся преследованиям.

Это движение вдохновлялось организацией социалистов-революционеров под наименованием «Сибирская национальная директория» и имело своей конечной целью созыв Учредительного собрания. В директорию входили: Якушев, в качестве председателя, ген. Гайда, в качестве командующего войсками, Моравский и полк. Краковецкий — члены директории. Никто из этих людей не был большевиком, и движение не может быть названо большевистским».

Во время боя полк. Краковецкий и четверо других сторонников Гайды проникли в американский штаб, были остановлены часовыми в дверях и просили покровительства. Это поставило меня в чрезвычайно затруднительное положение,

так как мы все знали, что удаление их из штаба равносильно смертному приговору.

Я был убежден, что мой штаб не может рассматриваться как американская территория, и следовательно я не имел права оказывать им покровительство.

Находившийся в это время во Владивостоке адмирал Роджерс, командующий азиатским флотом, заявил мне, что он рассматривает их как лиц, к которым применим принцип предоставления убежища, и настаивал, чтобы я снесся по телеграфу с Вашингтоном. Я с радостью принял указание адмирала и передал просивших покровительства людей на попечение полк. 31-го пехотного полка Бугби, до тех пор пока я получу ответ из Вашингтона. 18 ноября я послал каблограмму; 19 ноября на нее был получен следующий ответ:

«Государственный и Военный департаменты признают невозможным рассматривать ваш штаб как американскую территорию».

Еще до получения ответа на первую телеграмму я послал в Вашингтон вторую следующего содержания:

«Розанов расстреливает пленных. Если пленные, находящиеся в моем штабе, будут выданы Розанову, то они или некоторые из них будут расстреляны. Если возможно законным порядком рассматривать мой штаб как американскую территорию, это было бы очень желательно для американского престижа».

Я чувствовал, что если выдам этих пленников Розанову, то окажусь почти соучастником убийства, так как колчаковцы не придерживались практики цивилизованных стран, и этим людям не предоставлялось право пленных согласно законам войны. Воспользовавшись удобным случаем для отсрочки, я был убежден, что меня не будут порицать за ожидание ответа на мою вторую телеграмму, который, как я думал, не придет.

Полк. Бугби, на попечение которого я передал этих пленников, был очень исполнительным, добросовестным офицером, человеком с высокими идеалами и здравым смыслом.

Однажды вечером ко мне в канцелярию вошел полк. Бугби и, отдав честь, доложил:

«Генерал, пленники бежали».

Я не мог сказать ему, что фактически я рад; я ничего не мог сказать ему, но за всю свою жизнь я не чувствовал такого облегчения, как от этого рапорта полк. Бугби. Я решил не сообщать в Вашингтон об этом бегстве, так как по этому

поводу ничего нельзя было предпринять. И мне было весьма забавно получить 10 декабря, 20 днями позже того как мне было сказано, что я не могу легально держать у себя этих пленников, следующую телеграмму из Вашингтона:

«Государственный департамент советует, чтобы вы побудили беглецов покинуть ваш штаб, поскольку это будет отвечать общепринятым принципам гуманности и раньше чем будет возбужден вопрос о выдаче».

Это было похоже на подготовление а i на случай, если позже будут предложены беспокоящие вопросы.

Если бы не здравый смысл полк. Бугби и если бы я выдал этих пленников Розанову, — а я действительно не знаю, что мне пришлось бы делать, — они были бы мертвы по крайней мере 20 днями раньше, чем я получил эту телеграмму.

Через несколько лет, когда я уже ушел в отставку, полк. Бугби рассказал мне историю побега этих людей. В сумерки он приказал одному офицеру, которого считал неболтливым, взять пленников из того места, где они содержались, и поместить в более надежное место, причем он сказал, что если они убегут, это будет весьма плохо. Я никогда не говорил в Вашингтоне, что случилось с пленниками.

Позже я понял, как удачно вышло, что я воздержался поддержать ген. Чечека в требовании перед русскими выдать Гайду чехам. Сторонники Колчака обвиняли всех, кто не оказывал помощи Колчаку, в участии в бесплодных усилиях Гайды устранить Розанова от власти. Так вначале меня обвиняли в организации мятежа, а через несколько дней — в его финансировании. Как мало знали они о позиции правительства Соединенных штатов! Чтобы показать, насколько далеко шли эти нелепые слухи, приведу сообщение моего осведомителя в Сибири, который писал мне 20 декабря 1920 г. следующее:

«Во время моей службы в управлении морской контрразведки под начальством капитана Ларимера лейтенант Мартинек задал мне следующий вопрос: «Правда ли, что вы обещали владивостокскому правительству помощь в вопросе о признании?» Я ответил Мартинеку, что это сплошной вымысел, и поклялся, что вы никогда не обещали ни одному русскому и ни одной русской организации никакой поддержки в вопросе о признании».

Неудача Гайды не отразилась заметно на политическом положении на Дальнем Востоке. Колчак находился по пути на Восток и все, кроме американского генерального консула,

повидимому понимали, что он не играет крупной роли в борьбе.

25 ноября я телеграфировал в Вашингтон:

«Прибыли три японских транспорта с войсками; ожидаются еще новые. Снабжение идет слабо и помощи ждать неоткуда. Дальнейшее сообщается из британских источников: «Перехваченное большевистское радио сообщает о взятии в плен в Омске десяти генералов, ста десяти пушек и тридцати тысяч пленных. Совет министров едва добрался до Иркутска; земство и городская управа отказались встретить их».

22 ноября Сукин, министр иностранных дел, сообщил, что Колчак издал манифест, выражающий сожаление об ошибках прошлого и обещающий хорошее поведение в будущем. Колчак обещал уничтожить царство военного террора. Это свидетельствует о том, что он не только знал об ужасных жестокостях, совершенных его военщиной, но, обещая прекратить их в дальнейшем, повидимому мог не допускать их, в то время когда обладал всей полнотой власти. Тем не менее у меня в Сибири не было ни одного доказательства того, что Колчак прилагал какие-либо усилия для изменения ужасной обстановки на Дальнем Востоке.

Войска Иванова-Ринова избивали женщин, так же как и мужчин, истязали и убивали отцов за то, что их сыновей не было дома; Колчак даже перевел Иванова-Ринова в Омск, произвел его в генерал-лейтенанты и лично вручил ему золотое оружие. Это совсем не походило на осуждение действий Иванова-Ринова. Последним актом Колчака было назначение своим преемником Семенова, преступнее которого, как уже указывалось, во всей Сибири был только один субъект, а именно — Калмыков. Этот последний акт как-будто не свидетельствует о большом сожалении Колчака о том плохом «обращении, которому подвергались русские граждане» во время его правления.

25 марта 1919 г. Гаррис, американский генеральный консул, который, по словам Колчака, питал к нему чувства величайшей дружбы и исключительной симпатии, передал по телеграфу Соединенным штатам следующее сообщение, исходящее от омского правительства:

«Военное, политическое и в особенности международное положение на Дальнем Востоке таково, что русское правительство, хотя и имеет соответствующие органы, но не в силах осуществлять власть и поддерживать ее авторитет в этой части страны».

Колчак просил, чтобы это сообщение рассматривалось не только как конфиденциальное, но как «чрезвычайно конфиденциальное», ибо другим союзникам подобного заявления сделано не было.

Почему Колчак не мог сказать этого своему покровителю, ген. Ноксу?

Если все они были друзья, работавшие для достижения общей цели, почему только одному из них можно было доверить этот секрет?

Как раз в это время Иванов-Ринов был командующим на Дальнем Востоке и проявлял особую жестокость. Бесспорно, что заявление Колчака не совсем противоречило указанию Угета, финансового агента бывшего русского правительства в Вашингтоне, что верховный правитель заявил о либеральном направлении политики с целью привлечь на свою сторону общественное мнение Соединенных штатов. Колчак находился в затруднительном положении: он не мог держаться настолько либерально, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение Соединенных штатов без большого риска оттолкнуть от себя русских и союзников. Этим объясняется столь строгая тайна.

В условиях Сибири очень часто приходилось сталкиваться с заявлениями, имевшими своей целью ввести в заблуждение и скрыть действительное положение вещей. Ложь легко могла быть обнаружена окружающими людьми, но она вводила в заблуждение людей, находившихся на расстоянии 7—8 тыс. миль, в особенности когда подобные заявления окружались величайшей тайной.

Очевидно так называемое русское посольство в Вашингтоне настоятельно требовало от Колчака дать подобное указание Бахметьеву с тем, чтобы тот мог успокоить Государственный департамент относительно жестокостей, совершенных в Сибири; но мне кажется сомнительным, чтобы Колчак не был осведомлен относительно положения на Дальнем Востоке. Как показывают последующие его отношения с Семеновым и Ивановым-Риновым, совесть Колчака не была потревожена их поступками. Наиболее трудным для меня делом было определить, когда слова и поступки были искренними и когда они были предназначены, для того чтобы ввести в заблуждение.

Для иллюстрации дальневосточных нравов того времени привожу заметку из японской газеты «Кокумин» под заголовком «Замечания маркиза Окума по вопросу о международных отношениях». Замечания эти гласили:

«Международные отношения совершенно непохожи на отношения между частными лицами. Дипломатия, поведение которой направляется исключительно эгоистическими соображениями, не руководствуется представлениями о морали и искренности. Этим объясняется секретность дипломатии, которая имеет своею целью противостоять соперникам всеми доступными средствами».

Оставляя в стороне моральную оценку такого признания, ему во всяком случае нельзя отказать в откровенности и видимой искренности.

В начале ноября в позициях, занятых некоторыми союзными представителями во Владивостоке, произошли изменения.

В связи с падением Колчака появились признаки, указывавшие на новую ориентацию. 7 ноября полк. Эйхельбергер, офицер моей контрразведки, отмечал в докладе, что «вероятно 97% сибирского населения в настоящее время настроены антиколчаковски». 13 ноября ген. Семенов-Мерлин, главный помощник Розанова, сообщил мне, что «казаки желают предать забвению прошлое, и если американцы согласны, готовы установить с ними дружественные отношения». Он сказал, что в случае моего согласия Семенов готов прислать свое доверенное лицо с целью убедить меня рассматривать их скорее с точки зрения их будущих поступков, чем со стороны прошлого поведения. Я ответил, что не возражаю против встречи с представителями Семенова, но они должны твердо запомнить, что с убийцами я не желаю иметь ничего общего.

Представитель Семенова явился и заявил, что Семенов не одобрял действий окружающих его людей и до последнего времени даже не знал о тех ужасных убийствах, в которых повинны его офицеры. При следующем свидании он сообщил, что Семенов недавно предал смерти несколько своих офицеров за их преступления и что Семенов будет следовать моему совету и изменит свое поведение в будущем.

Я ответил:

«Мой единственный совет Семенову, чтобы он следовал общеизвестным требованиям справедливости. Семенов и его сторонники знают, что их поступки не могут быть одобрены Соединенными штатами. Однако, воздерживаясь от указаний русским, мы оставляем за собой право не иметь ничего общего с теми, кто нарушает нравственные законы».

Кроме этого представителя ко мне приходили ген. Романовский и другие реакционеры с заявлением, что Семенов

является более крупным человеком, чем думали раньше, и, судя по их личным наблюдениям, его характер не такой дурной.

Эти заявления производили на меня такое впечатление, что реакционеры, казаки и японцы решили объединиться и провозгласить Семенова диктатором этой части Сибири (к востоку от Байкальского озера), так как я знал, что подобный шаг, если бы он имел какой-нибудь шанс на успех, встретил бы поддержку со стороны Японии.

Через день или два я посетил японского командующего ген. Ои и имел с ним продолжительную и весьма любезную беседу по поводу положения вещей. Я знал, что ген. Ои олицетворял философию маркиза Окума «противостоять соперникам всеми доступными средствами»; поэтому меня поразила искренность, с которой он обращался ко мне. Он сказал:

«Я знаю, что японский народ относится несочувственно к поддержке японцами какого-либо монархического правительства Сибири. В будущем моя политика будет направлена к охране железных дорог и предоставлению экономической помощи всему населению. Я ясно чувствую, что экономическая помощь населению не может быть организована через русских должностных лиц».

Такой же разговор имел Мацудайра, японский представитель в Межсоюзническом железнодорожном комитете и бывший японский посол в Соединенных штатах, со Смитом, американским представителем в комитете. Мацудайра старался внушить нам, что он не одобряет всех действий японского военного командования в Сибири. Предварительно он посетил меня, выразил свое сожаление по поводу некоторых действий командования и высказал надежду, что американцы не будут рассматривать эти действия, как одобренные японским народом; однако, — прибавил он, — если иностранцы будут публично осуждать японское командование, японский народ отнесется к этому с чувством негодования и тем самым окажет поддержку японскому командованию.

Бесспорно, что японское военное командование задавало тон в Сибири, поскольку японский народ соглашался на это.

13 ноября меня посетил Цумото, член парламента и владелец влиятельного японского журнала «Herald of Asia Shimbun». Он вручил мне две статьи, написанные им и опубликованные в токийской газете. Эти статьи были весьма либеральные и открыто высказывались против японской политики в Сибири.

В своем донесении послу Моррису в Токио я писал об этом свидании:

«Он утверждает, что не беседовал по этому вопросу с ген. Ои, однако кое-кто в армии начал пересматривать свои взгляды и позицию, расценивая поддержку реакционеров и беспочвенных лидеров на Востоке как ошибку и считая необходимым изменить линию поведения и поддерживать представительные учреждения в лице земств и кооперативов. Он указал, что многие японцы относятся отрицательно к этому плану действий, потому что он весьма выгоден американцам в Сибири, которые неизменно следуют ему с момента своего прибытия сюда. Цумото отметил, что это действительно верно, но что он не имеет основания считать американцев недобросовестными и, поскольку это так, Япония должна следовать такой политике».

Он выразил надежду, что Япония и Соединенные штаты смогут совместно работать в Сибири. Цумото посетил также Смита и беседовал с ним в таком же духе, указав кроме того, что после разговора со мной он виделся с ген. Ои, который придерживается тех же взглядов, что и он.

Мы встретились со Смитом и обсудили эти заявления трех наиболее влиятельных японцев в Сибири, чтобы оценить их значение. Но в этих заявлениях было так много противоречивого, что мы не могли понять их смысл.

Вскоре это выяснилось, так как победила точка зрения военного командования; ничего в его политике и практике не было изменено, и заявления оказались совершенно пустыми.

Повидимому Соединенные штаты были последним из государств, потерявших надежду на Колчака: государственный секретарь Соединенных штатов еще 17 декабря 1919 г. выразил желание, чтобы адмирал Колчак продолжал оставаться во главе правительства Сибири. Одновременно государственный секретарь заявил, что он будет придерживаться этой позиции при сохранении действенности и силы демократических заверений, которые даны Колчаком.

Демократические заверения, как уже указывалось, делались охотно; но каких-либо демократических действий Колчака я никогда не замечал, и о них никогда не доносили мои военные наблюдатели. Очевидно Япония сделала заявление Государственному департаменту относительно ее демократических идей в применении к Дальнему Востоку в том же самом духе, что и японские представители мне, так как позиция Государственного департамента счастливо соответ-

ствовала идеям Японии о том, что местные самоуправления должны покоиться «на согласии большинства населения». Еще одно применение философии маркиза Окума!

Заявление государственного секретаря и поддержка Колчака Государственным департаментом доказывали, что последний рассматривал власть Колчака как покоящуюся на согласии большинства народа. Между тем по моим наблюдениям, основанным на донесениях, которые я получал, Колчак никогда не имел на своей стороне более 7% населения. Со времени пришествия Колчака к власти, 18 ноября 1918 г., и вплоть до издания им приказа о мобилизации и выполнения этого приказа Ивановым-Риновым, крестьяне никогда не выполняли требований колчаковского правительства.

После того как Иванов-Ринов для проведения мобилизации принял свои жестокие меры по отношению к населению, Колчак уже ни один месяц не удержался бы у власти без поддержки иностранных войск в Сибири. Это не суждение, полученное post factum — на это упорно указывали все мои донесения со времени моего прибытия в Сибирь.

7 декабря 1919 г. государственный секретарь Соединенных штатов телеграфировал американскому послу в Токио:

«...Правительство никоим образом не имеет своей целью отступать от принципов невмешательства во внутренние русские дела».

Ни во время своего пребывания в Сибири, ни позднее я не был в состоянии понять ход суждений Государственного департамента Соединенных штатов, поскольку правительство Соединенных штатов посылало Колчаку вооружение и снаряжение. Через представителя Государственного департамента дважды обращалось внимание представителей Военного департамента на мои ошибки в вопросе о непредоставлении помощи Колчаку, и на ряду с этим объявляется о «невмешательстве в русские внутренние дела»!

Тем не менее мне известен ответ на одно из таких представлений, сделанных Военному департаменту: представитель Государственного департамента был уведомлен, что я выполнял как раз те инструкции, какие мне давал Военный департамент, и что если Государственный департамент понимал, мол, инструкции иначе, то вопрос об этом должен быть поставлен перед государственным секретарем и секретарем по военным делам с тем, чтобы окончательно устранить всякие разногласия.

Как и мой информатор, я не знаю, были ли предприняты дальнейшие шаги в этом направлении, однако за все время

моего пребывания в Сибири в моих первоначальных инструкциях не было изменено ни одного слова.

12 декабря во Владивосток прибыл американский офицер, прикомандированный к генеральному консулу Гаррису. Это было не только необычное, но и не имевшее прецендента назначение в сибирской практике, и я не мог не понимать, против кого оно направлялось. Не допуская мысли, чтобы приказ исходил от ген. Марча, я должен был притти к заключению, что этот офицер, принадлежавший к военной контрразведывательной службе, послан ген. Черчиллем, главой военной контрразведки, по настоянию Государственного департамента. Конечно я понимал, с какой целью к генеральному консулу прикомандирован офицер американской армии в чине полковника или лейтенанта-полковника (не помню точно). Мне сообщили, что мои донесения существенно отличаются от донесений генерального консула, и я пришел к заключению, что целью посылки американского офицера в Сибирь являлось желание получать донесения иного характера, чем мои.

Этот офицер имел в своем распоряжении документ, составленный в отделении военной контрразведки, который он неосторожно показал полк. Эйхельбергеру, моему офицеру контрразведки. В документе говорилось: «Американские войска находятся в Сибири прежде всего для оказания поддержки Колчаку путем обеспечения для него свободного движения по всей сибирской железной дороге».

Это был официальный документ Военного департамента, дискредитировавший мои настойчивые указания в Сибири, что я устраняюсь от всякого вмешательства во внутренние конфликты русского народа. Так как документ имел для меня чрезвычайно важное значение, я послал ген. Марчу телеграмму с просьбой, чтобы этот офицер был послан ко мне для доклада, вырвал из документа часть с этим пунктом и сжег ее на моих глазах. Моя просьба была удовлетворена: спорную фразу исключили и изложили так, как я требовал.

Откуда черпал ген. Черчилль информацию для обоснования такого своего заявления? Если он видел когда-нибудь мои инструкции, то нельзя также допустить, чтобы подобное утверждение было сфабриковано им для дискредитации моих ясных инструкций. Если бы перед тем, как делать заявление, несоответствующее фактам, он отправился непосредственно в Военный департамент, куда и должен был обратиться за информацией, ему объяснили бы, что мои инструкции — именно те, которые даны Военным департа-

ментом. Но повидимому ген. Черчилль обратился за разъяснением моих инструкций в Государственный департамент к де-Витт Пулю.

Несколькими днями позднее, когда офицер отправился из Владивостока в Читу для доклада генеральному консулу Гаррису, я получил от ген. Марча телеграмму с указанием, что этот офицер нуждается в руководстве и не должен ничего посылать из Сибири помимо меня. Что касается бесплодного основания для пребывания американских войск в Сибири — охранять железные дороги для блага всего русского народа, — приведу как наилучшее доказательство приемлемости выполнения межсоюзнического железнодорожного соглашения следующее письмо, полученное от полк. Эмерсона, первого помощника Стивенса. Полк. Эмерсон фактически находился в постоянных разъездах по железным дорогам и больше чем кто-либо другой в Сибири имел прекрасную возможность наблюдать за выполнением соглашения.

В письме, датированном 13 декабря, говорилось:

«Моя отставка принята. Покидая железнодорожный отряд в России, я хочу поблагодарить вас за весьма благожелательное отношение, которое вы выказывали лично мне и офицерам отряда. Железнодорожный отряд в России, посланный по межсоюзническому соглашению в качестве технической инспекции, делал все возможное, чтобы помочь правильной работе железной дороги. Мы встречали постоянное противодействие со стороны русского военного командования и русских железнодорожных должностных лиц, — невзирая на то, что прилагали все усилия помочь им в качестве советников, даже после того как я официально был извещен, что омское правительство неспособно выполнять условия соглашения, и все указания, даваемые техническими инспекторами, игнорировались.

Наши офицеры, действовавшие на участке Манчжурия—Верхнеудинск, который считался находящимся под японским покровительством, подвергались оскорблениям и дважды высаживались из вагонов отрядами Семенова.

В заключение выражаю глубокую уверенность, что командующие других союзных сил, предназначенных для охраны железной дороги, займут такую же твердую позицию, какая занята вами, и межсоюзническое соглашение будет успешно выполнено».

Колчак уже не мог больше итти в счет при оценке положения в Сибири. Британская миссия доносила об эвакуации Ново-Николаевска в полночь с 13 на 14 декабря; а 14-го Кол-

чак был уже в Мариинске. Загромождение железнодорожной линии было колоссальное и возбуждало тревогу.

23 декабря полк. Эйхельбергер передал мне следующую информацию, исходившую от польской миссии:

«На ст. Татарская адмирал Колчак обратился к полякам с просьбой защитить его от ареста его собственными солдатами и был вывезен с этого участка в польском блиндированном вагоне.

Колчак заявил протест русским и союзным должностным лицам против чехов, создающих себе привилегии при своем продвижении на Восток. Он заявил также о том, что подвергается угрозам и оскорблениям со стороны чехов.

Семенов послал чехам телеграмму с запросом, пропускать ли в Иркутск поезд с высшим русским командованием, больными, ранеными, их семействами, а также с остатками золотого запаса».

Последняя часть запроса несомненно имела особо важное значение в глазах Семенова.

24 декабря Нокс известил меня, что чехи сопровождают Колчака из Красноярска в Иркутск.

18 января д-р Гирса, чешский гражданский представитель на Дальнем Востоке, заявил, что он говорил по прямому проводу с начальником чешского штаба в Иркутске и ему сообщили, что Колчак арестован социалистами-революционерами.

Получить сведения непосредственно из Иркутска было весьма трудно.

Позже нам сообщили, что союзные представители, в том числе и генеральный консул Гаррис, покинули Иркутск и направились в Читу за 4—5 дней до прибытия в этот город Колчака под охраной чехов.

Социалисты-революционеры потребовали выдачи Колчака, заявив чехам, что в случае отказа попытаются взять его силой. Касаясь обвинения, выдвинутого против чехов Колчаком и его сторонниками, нельзя признать разумным требование, чтобы они сражались за него. Социалисты-революционеры были весьма возбуждены поступком одного из семеновских генералов; последний, покидая Иркутск перед приездом Колчака, захватил с собою около 20 наиболее известных иркутских граждан под предлогом, что они подвергнутся преследованию, если останутся там. Этот генерал заверил иркутское население, что отправит их на Восток, и над ними не будет совершено никакого насилия. Он довез их до Байкала, казнил, а тела бросил в озеро.

Конечно в данном случае Колчак был бессилен что-либо сделать, но совершавшиеся гнусные насилия вызывали ненависть населения и против него. Колчак был предан военному суду, осужден и расстрелян 7 февраля 1920 г.

100 тыс. чел., вооруженных и снабженных британцами, присоединились в декабре 1919 г. к антиколчаковским силам. Большевики телеграфировали ген. Ноксу, благодаря его за помощь одеждой и снаряжением советским войскам. Теперь они располагали достаточными силами, чтобы требовать к себе хорошего отношения со стороны иностранцев в Сибири, и не желали допускать, чтобы железные дороги выполняли под покровительством иностранных войск свою работу с единственной целью обслуживать их врагов.

Американцы прилагали все усилия для защиты железнодорожных участков, вверенных их охране. Из-за обширности участков приходилось дробить охрану на небольшие отряды. Это становилось чрезвычайно опасным, так как маленькие отряды не могли устоять против превосходящих численностью сил, угрожавших нам.

В декабре один из антиколчаковских вождей посетил майора 3-го пехотного полка Меласки, который нес охрану сучанской линии, и заявил, что, охраняя железную дорогу, американцы тем самым помогают реакционным кругам и отдаляют момент их окончательного падения. А так как его долг препятствовать доставке Колчаку угля и снабжения, он будет вынужден, не желая этого, войти с нами в конфликт; при этом добавив, что движение других поездов нарушено не будет.

Положение колчаковского правительства было весьма непрочно; в действительности оно не располагало военной поддержкой со стороны русских за исключением небольшой кучки бывших царских офицеров.

27 декабря я телеграфировал Военному департаменту:

«Безопасность американских войск требует их концентрации, в результате чего нами должна быть оставлена часть участка. Мы скоро окажемся в районе, где должны будем войти в соприкосновение с Калмыковым, Семеновым и Розановым, которые борятся с людьми, стремящимися установить представительный образ правления на Востоке. Последние не являются большевиками в том смысле, как это понимается в Соединенных штатах».

29 декабря мною была получена телеграмма следующего содержания:

«Вам сообщается весьма конфиденциально, что в течение ближайших дней надлежит ожидать получения приказа об эвакуации всего вашего отряда. Сохраняйте это в строгом секрете до получения вами приказа».

Мне было предложено сконцентрировать под каким-нибудь предлогом свой отряд до объявления об эвакуации. Несомненно, что строгая тайна была обусловлена стремлением побудить Японию считать свою миссию законченной и выполнить следующую часть того обещания, которое она дала русскому народу при прибытии в Сибирь: «Оно (японское правительство) заявляет далее, что после осуществления вышеуказанных целей — немедленно уведет все японские войска с русской территории и сохранит в полной неприкосновенности политический и военный суверенитет России».

Цель, которую ставила себе Япония, заключалась в освобождении чехов, на которых, как официально заявлялось, напали германские и австро-венгерские пленные. Казалось логичным ожидать ухода японцев, так как в Восточной Сибири, где действовали японцы, чехи никогда не нуждались в военной помощи.

31 марта 1920 г., за день до моего отъезда, японское правительство выпустило сообщение, которое в то время я не видел. В сообщении говорилось:

«Императорское правительство пользуется случаем заявить, что с того времени, когда политическое положение в областях, сопредельных с Японией, прочно установится и всякая угроза Манчжурии и Корее будет устранена, когда жизнь и собственность императорских подданных в Сибири будет обеспечена и будет гарантирована свобода и правильность сообщения, оно уведет свои войска из всех частей Сибири в первый удобный момент по окончании отправки на родину чехо-словацкой армии».

Япония не желала позволить какой-либо другой нации определить, когда укрепится политическое положение в областях, сопредельных с Японией, или когда будет устранена «всякая угроза Манчжурии и Корее». Приведенное выше сообщение дает право утверждать, что Япония отказалась уйти из Сибири, пока сама не пожелает или не будет вынуждена к этому.

Японское сообщение от 31 марта 1920 г. было равносильно отказу от заявления от 3 августа 1918 г., сделанного непосредственно перед отправлением войск в Сибирь. Я прибыл во Владивосток 2 сентября 1918 г., как раз через месяц после этого заявления, и я находился там, когда было сделано

второе заявление. Но я никогда не видел сам и никто не сообщал мне ни об одном агрессивном акте со стороны русских по отношению к японцам.

Приказ сконцентрировать американские войска, причинившие мне значительное беспокойство, был встречен солдатами с огромной радостью.

Вскоре стало очевидно, что японцы решили остаться в Сибири, мотивируя это решение принятым на себя обязательством обеспечить эвакуацию чешских войск. Одновременно их ставленник Семенов пытался помешать эвакуации. Этот факт зафиксирован в резолюциях Межсоюзнического железнодорожного комитета и Технического совета от 14 апреля 1920 г. В резолюции Технического совета указывается:

«Принимая во внимание, что двое русских железнодорожных служащих в Имьяноп в Манчжурии были внезапно арестованы и затем в апреле расстреляны без суда японскими солдатами; что японские солдаты отказали двум русским в проходе через сунгарийский мост в Харбине, несмотря на то, что они имели соответствующие пропуска, и одного из них сбросили с моста, а другого тяжело ранили в голову, вследствие чего оба они получили тяжелые увечья; что 8 апреля железнодорожные служащие были внезапно арестованы в Харбине японскими солдатами и заключены в вагоне японского военного командования для отправки по неизвестному направлению; что трое русских железнодорожных служащих на ст. Манчжурия были арестованы 10 апреля японскими солдатами; что эти насильственные акты создали раздражение в широких кругах населения и безусловно способны вызвать тяжелые затруднения, ведущие к перерыву сообщения и к расстройству его на всем участке, что отсрочит эвакуацию чехов и приведет к невыполнению задач, возложенных на Технический совет; что эти акты находятся в прямом противоречии с межсоюзническим соглашением, по которому охрана Восточно-китайской железной дороги возложена союзными державами на китайское правительство, и что военным силам всякой другой нации не предоставлено право охраны этой дороги... принимая все это во внимание, Технический совет протестует самым энергичным образом против вмешательства и незаконных действий японских войск как в указанных, так и в аналогичных случаях и требует заверения со стороны японских властей в том, что подобные акты не будут повторяться».

Следует напомнить, что, когда американцы уходили из Сибири, японцы заявили, что их обязательства по отношению

к чехам не выполнены, и что они не могут уйти до эвакуации последних.

Я имею теперь перед собой десяток страниц документов, которые свидетельствуют о действиях японцев и их ставленника Семенова, имевших целью нарушить правильное функционирование железных дорог, предусмотренное межсоюзническим железнодорожным соглашением. Всякий искренний человек вынужден притти к тому заключению, что японцы и Семенов пытались затруднить Техническому совету управление железной дорогой и тем самым отсрочить эвакуацию чехов, что являлось бы единственным оправданием пребывания японских войск в Сибири.

24 апреля 1920 г. соответствующим союзным правительствам была послана телеграмма, подписанная представителями Китая, Франции, Соединенных штатов, Чехо-Словакии и Великобритании в Межсоюзническом комитете. В телеграмме говорилось: «Японское военное командование узурпировало функции, по праву принадлежащие Техническому и Транспортному совету, и использовало их с тем, чтобы увеличить беспорядок на железной дороге и замедлить в настоящее время продвижение чехо-словаков».

Смит, посланный Межсоюзническим комитетом на Забайкальскую железную дорогу, чтобы выступать от его имени в вопросе об эвакуации чехов, также пришел к заключению, с которым комитет согласился, что правильное функционирование этой железной дороги нарушалось намеренно, с целью замедлить эвакуацию чехов. Кроме того д-р Гирса официально заявил Межсоюзническому комитету, что японцы не желают помогать чехам в их эвакуации.

Японское министерство иностранных дел сделало представление американскому послу в Японии Моррису о том, что заявление Соединенных штатов об уходе наших войск из Сибири, раньше чем подобное заявление могла сделать Япония, указывает на отсутствие действительного сотрудничества с ней. Япония стремилась создать впечатление, что если бы такого заявления не было, она, возможно, увела бы свои войска. Во всяком случае Моррис был вынужден отнестись к этому указанию с некоторым доверием.

В книге, написанной японским журналистом Казаками и озаглавленной «Japan's Pacific Policy»[1], на стр. 250 фигурирует это заявление вместе с оценкой ухода американских

---

1 Тихоокеанская политика Японии.

войск: «Вашингтонское правительство должно было бы отнестись доверчиво к Японии и договориться с ней откровенно и искренно, как это было летом 1918 г., о полной и постепенной эвакуации весною 1920 г.»

С моей точки зрения эти заявления представляют собой суровый обвинительный акт по адресу Японии и искренности тех целей, которые она ставила себе в Сибири, и я не думаю, чтобы обстановка, в которой произошел уход американских войск, оказала какое-нибудь влияние на решение Японии оставаться в Сибири. Указание на то, что Япония увела бы свои войска, если бы Соединенные штаты посоветовали ей это, несомненно было сообщено в Токио японским командованием в Сибири, так как и Моррис, и Каваками ссылались на такую постановку вопроса, а Моррис говорил с одним из членов моего штаба по поводу срока эвакуации американцев и видимо осуждал меня за поспешное заявление.

Несомненно такая позиция была принята Японией, для того, чтобы ослабить критику, которой она ожидала со стороны других наций за продолжение оккупации Сибири, противоречащее объявленной ею 3 августа 1918 г. цели интервенции.

Барон Сидехара в своем заявлении на вашингтонской конференции по разоружению в 1921—1922 гг. указал, что японские войска остались в Сибири «во-первых потому, что там имеется значительное количество японских резидентов, которые вполне законно и на основании договора поселились в Сибири задолго до появления большевиков, являясь вполне желанными прицельцами, и что эти резиденты едва ли могли найти защиту своей жизни и собственности у каких-либо других властей, помимо японских войск».

На этой же конференции барон Сидехара сказал, что «имеется и другое затруднение, с которым встретилась Япония в вопросе об отзыве своих войск из Приморской области. Вследствие географической близости общее положение в районах Владивостока и Никольска обязывает обратить внимание на охрану корейской границы».

Ни один из этих мотивов не был приведен Японией в ее заявлении от 3 августа 1918 г., определяющем причины и цели ее интервенции в Сибири.[1] Почему перед японским правительством вопрос о необходимости охраны жизни и собственности японских резидентов, а также корейских гра-

[1] Russian-American Relations, 1917—1920, стр. 239.

ниц встал в 1920 г., когда американские войска покинули Сибирь, а не в августе 1918 г.? Раздражение против японцев было больше в 1920 г., чем в 1918 г., но это раздражение направлялось против японского военного командования за его действия во время интервенции. По-моему действительные цели, преследуемые Японией в Сибири, никогда не были оглашены.

Когда американские солдаты начали возвращаться в Соединенные штаты, вернее, как только стало известно, что они скоро вернутся, мое внимание обратили на то, что некоторые из них собирались жениться на русских женщинах. Так как многим из этих женщин по закону не мог быть разрешен въезд в Соединенные штаты, я чувствовал необходимость предпринять некоторые шаги, чтобы удержать солдат от женитьбы. Я воспользовался своей властью и заявил солдатам, что они не могут жениться, рискуя в дальнейшем встретиться с подобным препятствием. Я издал приказ, в котором говорилось, что всякому солдату, женившемуся без согласия своего непосредственного начальства, будет запрещено провезти свою жену в Соединенные штаты. Одновременно я инструктировал всех офицеров, указав на необходимость наводить справки для определения, может ли быть разрешено данной женщине, выходящей замуж за солдата, въехать, согласно законам, в Соединенные штаты, если бы она не выходила замуж. И если она обладает необходимыми моральными качествами, то разрешать жениться на ней; если нет, то отказывать. Это мероприятие было необходимо как в интересах солдат, так и в интересах Соединенных штатов.

Конечно мой приказ не встретил одобрения вашингтонских властей, которые не представляли себе истинного положения вещей. По проискам кого-то из Красного креста мне было приказано предоставить проезд большому количеству женщин предосудительного поведения, вышедших замуж за солдат. Я опротестовал этот приказ; тогда мне было предложено разрешить женам солдат отправляться в Соединенные штаты, если я убежден в том, что солдат женился с намерением реабилитировать свою жену в обществе. Так как я признавал свою неспособность в деле определения истинного намерения солдата, то передал это дело моему начальнику штаба, полк. Лейтчу, предоставив ему полную свободу действий. На ряду с этим я обратился к главе Союза христианских американских женщин с просьбой обследовать этих женщин, проживающих во Владивостоке. Моя просьба была выполнена, но далеко не так, как я желал.

При описании событий, происходивших в Восточной Сибири, очень трудно избежать упоминания о Семенове и Калмыкове, и я должен просить извинения у читателя за то, что вновь возвращаюсь к Семенову.

9 января 1920 г. на станцию Верхнеудинск, которая находилась на участке железной дороги, охраняемом американцами, пришел блиндированный вагон с семеновскими солдатами, которые арестовали начальника станции. Вагон находился под командой Богомольца, одного из семеновских генералов. Полк. Морроу отправился к ген. Богомольцу и спросил его, знает ли он, что этот участок поручен ему, полк. Морроу, и что ни генерал, ни кто-либо другой не может появляться на его участке и арестовывать железнодорожных служащих.

Ген. Богомолец заявил: «Я не считаю нужным отчитываться перед вами в наших действиях. Я не буду разговаривать с вами больше по поводу этого дела».

Полк. Морроу ответил: «Позвольте мне заявить, что я не желаю причинять вам беспокойство, но я располагаю 2½ тысячами солдат, чтобы выполнить свой приказ. Я должен знать, почему арестован этот человек, так как он находится под моим покровительством».

Ген. Богомолец сказал: «Мне сообщено, что он большевик, и я хотел казнить его сегодня ночью, но если вы настаиваете, я освобожу его. Это неважно; если начальник станции виновен, мы его рано или поздно добудем».

Начальник станции был освобожден. Блиндированный вагон отправился на запад и около полуночи прибыл на ст. Посольскую, где американский отряд под командой лейтенанта Кендалла охранял железную дорогу. В час пополуночи, когда американские солдаты заснули, блиндированный вагон открыл огонь по вагонам, в которых они жили.

Полк. Морроу послал следующую телеграмму:

«10 января в 1 час пополуночи семеновский блиндированный вагон атаковал отряд в сорок восемь человек в их вагонах на ст. Посольская. Отряд вступил в бой и взял в плен блиндированный вагон. Генерал, шесть офицеров и сорок восемь солдат задержаны. Потери американцев: один умер от ран, один серьезно ранен. Подробные сведения о потерях будут посланы дополнительно. Потери русских: пять убитых и несколько раненых».

Я жалею, что лейтенант Кендалл, который первым задержал Богомольца, не повесил его на телеграфном столбе, но он действовал по закону и поистине выказал лучшие каче-

ства солдата, поступая так. Этот молодой офицер заслужил большое доверие своей распорядительностью во время этой внезапной атаки и пленения отряда, значительно лучше вооруженного. Там не было судов для разбора дела этих людей, и Семенов стал просить о возвращении ему блиндированного вагона, обещая полк. Морроу наказать всех пленных...

23 января полк. Морроу покинул Верхнеудинск, задержав пленных до своего отъезда, когда он выдал их представителям Семенова. С каждого в отдельности был снят допрос: их показания относительно того, что происходило в этом блиндированном вагоне, отличаются поразительным единодушием. Было установлено, как не подлежащее никакому сомнению, что между 1 и 10 января блиндированный вагон «ограбил и зверски убил свыше сорока человек, а три женщины были изнасилованы и зверски убиты».

Это был тот самый Семенов, который ограбил поезд, принадлежавший нью-йоркской компании, с мехами, которые оценивались, как говорили, в полмиллион долларов. Это был тот самый Семенов, который захватил трех американцев, вернувшихся в Сибирь по увольнении с военной службы, и зверски замучил их только за то, что они носили форму американской армии. Об этом убийстве, совершенном после моего отъезда из Сибири, мне сообщил Стивенс, о чем я послал доклад Военному департаменту. Это был тот самый Семенов, который позднее прибыл в Соединенные штаты через порт Ванкувер и отправился прямо в Вашингтон. Я знаю, что он беседовал с американскими должностными лицами, и предполагаю, что вел беседы и с другими лицами.

По возвращении из Сибири полк. Морроу сообщал, что офицер, прикомандированный к генеральному консулу Гаррису, до посылки туда был прикомандирован, по заявлению самого офицера, к штаб-квартире Семенова. Когда этот офицер сказал полк. Морроу, что он был с Семеновым, полковник заметил: «Знаете ли вы, что этот человек—убийца? Знаете ли вы, что он убил несколько моих людей?» Офицер ответил: «Семенов — единственный человек, который стоит на страже цивилизации, защищая ее от большевизма, и я не хочу слушать ничего, направленного против Семенова».

Мысль о том, что Семенов может способствовать успехам современной цивилизации, граничит с величайшим абсурдом.

Каким образом могло случиться, что офицер американской армии направляется или ему разрешается американским генеральным консулом присоединиться к штаб-квар-

тире известного негодяя и убийцы? Кажется просто невероятным, чтобы Гаррису были неизвестны прошлое и репутация Семенова; и если бы Семенов совершил в Соединенных штатах хотя бы сотую часть тех преступлений, которые он совершил в Сибири, он был бы убит законным или незаконным порядком, так как подобный субъект не может существовать в нашей стране.

Полк. Морроу хотел познакомить этого офицера с результатами расследования, произведенного после обстрела поезда и убийства двух американских солдат, но офицер заявил: «Я не имею ничего общего ни с вами, ни с ген. Гревсом».

Тогда полк. Морроу заявил, что он возьмет его во Владивосток для доклада ген. Грэвсу. Офицер протестовал против этого, но ему было указано, что, если он будет упираться, его приведут силой. Генеральный консул Гаррис заявил мне протест, указав, что офицер подчинен ему и полк. Морроу не имеет к нему никакого отношения. Он потребовал, чтобы я приказал полк. Морроу освободить офицера. Я отказался сделать это. Тогда генеральный консул Гаррис перенес вопрос на разрешение Государственного департамента. Вскоре я получил от ген. Марча телеграмму следующего содержания:

«Вокруг имени Морроу поднят шум. Уладьте это дело».

Когда около двух недель спустя полк. Морроу прибыл во Владивосток, он представил рапорт военного врача, который сопровождал офицера до Владивостока и освидетельствовал его. В рапорте указывалось, что офицер является психически-неуравновешенным субъектом.

Я не хотел, чтобы в отношении этого человека была допущена несправедливость, и приказал консилиуму, образованному из трех старших военных врачей во Владивостоке, произвести его освидетельствование в связи с рапортом, представленным полк. Морроу. Консилиум пришел к заключению, что не может согласиться с рапортом, представленным доктором полк. Морроу, но что по его мнению офицер человек нервного темперамента, и было бы неразумно и небезопасно оставлять его в Сибири. Я одобрил этот вывод и задержал офицера во Владивостоке, до тех пор пока не представился случай отправить его в Соединенные штаты.

Что касается приезда Семенова в Соединенные штаты в 1922., то несмотря на тот факт, что он зверски убил американцев, я имею основание думать, что его поездка не была неожиданностью для иммиграционного бюро Соединенных штатов.

Мне было сообщено Смитом, представителем Соединенных штатов в Межсоюзническом железнодорожном комитете, что до приезда Семенова он, Смит, отправился в телеграфную контору в отель Мак-Альпин в Нью-Йорке, чтобы послать телеграмму своей жене в Калифорнию. В этой телеграмме он писал что-то о Сибири. Женщина-телеграфистка заметила Смиту, что в Соединенные штаты прибыл из Сибири весьма влиятельный человек. Смит спросил, кто он такой, и получил ответ от телеграфистки, что это Семенов. Смит спросил, как она узнала об этом. Телеграфистка объяснила, что ею была послана телеграмма, в которой говорилось, что, если Семенов прибудет через порт Ванкувер около такого-то времени, то не будет препятствий для его приезда в Соединенные штаты. Семенов прибыл через Ванкувер приблизительно в то время, которое указывала Смиту телеграфистка.

Во время пребывания полк. Морроу в Чите, в городе, где помещалась штаб-квартира Семенова, он видел поезд американского Красного креста с открытыми дверями вагонов и семеновских солдат, распоряжающихся краснокрестовским снабжением. Полк. Морроу подал по этому поводу официальный рапорт американской главной квартире во Владивостоке, подписанный им самим и четырьмя другими офицерами. В рапорте указывалось, что офицеры не могли разыскать ни одного представителя Красного креста, который распоряжался бы выдачей этого снабжения. Я послал рапорт д-ру Теуслеру, требуя объяснений. Д-р Теуслер заявил, что представитель Красного креста находился на месте, наблюдая за выдачей, но он не отрицал, что Семенов, этот презренный убийца русских и американских солдат, действия которого ставили его вне законов цивилизованного мира, снабжался американским Красным крестом и пользовался предметами, на которые были затрачены деньги, собранные великодушным населением Соединенных штатов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РАЗГРОМ

31 января 1920 г. ген. Розанов был устранен от власти во Владивостоке.

Этот переворот произошел без вооруженного столкновения; насколько я помню, был произведен всего один выстрел

из полевого орудия по дому, занимаемому ген. Розановым. Снаряд не попал в цель, но повидимому одного звука выстрела было достаточно для Розанова и его покровителей-японцев, чтобы потерять самообладание: японцы переодели Розанова в японскую форму и переправили его в свой штаб. Этим и закончилась карьера Розанова в Сибири.

Во время этого coup d'état, как только стало известно, что Розанов должен быть устранен от власти, Мак Говэн, бывший в то время американским консулом во Владивостоке, бросился к майору Джонсону, американскому уполномоченному по военной полиции во Владивостоке, и просил его поставить отряд американских солдат на квартире некоего русского, чтобы помешать кому-либо из представителей нового режима проникнуть в этот дом. К сожалению майор Джонсон выполнил эту просьбу, не посоветовавшись со мной; уже позже, когда Мак Говэн пожелал увеличить охрану и майор Джонсон указал, что для этого следует повидать меня, я не только отказал в увеличении охраны, но приказал майору Джонсону совсем убрать ее из дома.

Позже мне было сообщено, что Мак Говэн отправился от меня в помещение, занимаемое русским, совместно с ним уложил в папку какие-то бумаги и переправил их в американское консульство раньше, чем была снята охрана. Я никогда не знал и не мог понять, почему Мак Говэн был столь озабочен охраной помещения и бумаг этого русского, так как последний был известен, как один из наиболее рьяных американофобов во Владивостоке, не занимавший официального поста. Часто указывалось на то, что этот русский имел обыкновение еженедельно устраивать завтраки для известной антиамериканской группы русских, на которых велись весьма несдержанные речи по адресу американцев.

В октябре 1920 г., по пути из Маниллы в Нагасаки, капитан транспорта сказал мне, что этот самый русский поместится в Нагасаки на борту транспорта для следования в Сан-Франциско.

Я немедленно снесся по беспроволочному телеграфу с ген. Керненом, губернатором Маниллы, протестуя против поездки этого человека в Соединенные штаты, и советовал генералу переговорить с майором Эйхельбергером и майором Кингом, работавшим в его штабе, относительно антимериканской позиции, занятой этим русским во время нашего пребывания в Сибири. Ген. Кернен взял обратно выданное этому русскому разрешение отправиться на транспорте, и мы оставили его в Нагасаки.

Однако позже мне сообщили, что он попал в Соединенные штаты.

Есть какая-то неправильность в наших законах об иммиграции или в их применении, если русские, вроде упомянутого выше человека или того же Семенова, могли быть избраны, как одни из немногих, которым была предоставлена возможность въезда в Соединенные штаты.

Естественно я подумал о том, что разрешение этому русскому въехать в Соединенные штаты было дано при содействии консула Мак Говэна, и часто удивлялся, какую цель он преследовал. События, связанные со всем этим делом, таковы, что вызывают прискорбные догадки.

Майор американской армии Рэймонвилль, служивший на борту американского транспорта «Mount Vernon» предназначенного для перевозки чехов из Владивостока на родину, информировал меня о следующем сообщении, полученном им по прибытии в Панаму 24 мая 1920 г.:

«Заслуживающее доверия донесение указывает на присутствие на борту «Mount Vernon» прибывающего вскоре в Панаму, двух опасных большевистских должностных лиц, уроженцев Владивостока,—Краковецкого и Телушева. Этим людям отказано во въезде в САСШ через Сан-Франциско. Возможно, что они попытаются покинуть судно в Панаме.

(Подпись) Черчилль,
Начальник военной разведки».

Майор Фэймонвилль ответил на это сообщение следующее:

«Эти два человека находятся на борту, но они не являются ни большевиками, ни вообще опасными людьми. С января до их отъезда они были лучшими друзьями Америки в Сибири. Насколько известно, им не было отказано высадиться в Сан-Франциско, так как они не просили об этом. Точно так же нет никакого основания предполагать, что они попытаются покинуть судно в Панаме».

Майор Фэймонвилль прислал мне личное письмо, в котором писал: «Большевики были на берегу, но несмотря на это Гатунская дамба еще не взорвана».

Так как протеже Мак Говэна покинули судно в Сан-Франциско, я думаю, они именно и должны были являться теми «заслуживающими доверия» источниками, на которые ссылался ген. Черчилль.

Этот и другие случаи с русскими подчеркивают враждебное отношение Мак Говэна к американскому военному ко-

мандованию в Сибири, и единственным основанием для этой враждебности было нежелание командования следовать директивам генерального консула Гарриса и самого Мак Говэна в деле оказания поддержки российской автократии.

К этому времени американцы прекратили охрану железной дороги за исключением тех участков, которые были необходимы американцам и чехам для сообщения с Владивостоком и отправки на родину.

Японцы вели себя таким образом, как-будто они имели некоторое намерение оказать сопротивление устранению от власти Розанова; но они очевидно не ожидали прибытия антирозановских войск из мест, расположенных в стороне от железной дороги, и потому были весьма удивлены, когда рано утром эти войска вошли во Владивосток.

Некоторые американские офицеры, услышав об их приближении, поспешили уведомить меня об этом. Они донесли мне, что японское военное командование было вне себя, так как оно ожидало прибытия войск по железной дороге и расположило свои войска вдоль железнодорожной линии по направлению к Никольску. Они не хотели уступать даже после занятия Владивостока, и представляется невероятным, чтобы у них не имелось плана действий; конечно они его имели. Я был болен, лежал в кровати и не мог без риска для своего здоровья покинуть своей комнаты.

31 января, около 10 час. утра, т. е. через три или четыре часа после переворота, в мой штаб поступило сообщение, что японцы расположили свои войска на американском участке железной дороги, угрожая ее безопасности в случае вооруженных действий. Я был весьма раздражен поступками японцев, так как они вторгались в сферу действия железнодорожного соглашения; столкновение войск могло вызвать разрушение туннеля между Владивостоком и Никольском и нарушить планы эвакуации американцев и чехов.

Я понял, что должен повидать ген. Ои, здорового или больного; поэтому я сел в автомобиль и отправился в японский штаб. Я застал Ои в весьма плохом расположении духа, но сразу сказал ему о моем деле и потребовал вывода его войск с моего участка. Он ответил, что я подчинен ему и в силу этого факта он распоряжается мною и всеми американскими войсками в Сибири.

Я возразил, что, как ему известно, он не командует американскими войсками, и я знаю, что он никогда не будет ими командовать. На это он мне ответил, что я, как военный человек, знаю о недопустимости наличия двух начальников

у какой бы то ни было военной экспедиции. Я возразил, что может быть его мнение и совпадает с моим, но, как ему известно, я не могу освободить себя от командования американскими войсками без инструкций от моего правительства, так же как и он не мог бы сдать командования японскими войсками без инструкций от японского правительства.

Он ответил почти немедленно: «Я должен признать логичность вашего заявления, японские войска будут отозваны».

По возвращении в мой штаб я написал ему, в целях закрепления этого соглашения, следующее письмо:

«1. Ссылаясь на наш разговор сегодня утром, хочу довести до вашего сведения, что я формально и официально протестую против вмешательства в действия железной дороги, происшедшего сегодня утром, когда эшелон партизанских войск был остановлен японскими войсками на ст. Океанская, на участке, охраняемом американскими войсками.

2. Мои обязанности в связи с охраной этого участка железной дороги определены межсоюзническим железнодорожным соглашением, в котором японский представитель принимал участие.

Когда Розанов был устранен от власти, пришедшие войска не образовали нового правительства; они оказали поддержку существующему земству, которое было готово и желало управлять, но со времени прихода к власти Колчака не только не могло регулярно выполнять свои функции, но не было даже в состоянии обсуждать вопросы, касающиеся колчаковского правительства. На вопрос, желали ли партизаны иметь в качестве правительства земство или Советы, могут повидимому наилучшим образом ответить события, последовавшие после ухода иностранных войск; но остается непреложным тот факт, что они призвали земство выполнять функции управления в качестве единственного законного органа власти в области.

В результате этого Медведев сделался главою Приморской области, которая включала Владивосток.

Для представителей земства создавалось трудное и полное испытаний положение, так как в области еще были и иностранные и русские войска и представители земства хорошо знали о раздражении Японии вследствие временного устранения ее от «власти под прикрытием трона». Другие представители союзных наций, точно так же как и генеральный консул Гаррис, показывали своими действиями, что земство не может ожидать к себе такого же отношения, какое было у них к Колчаку. Например генеральный консул Гаррис

воздержался отвечать на приглашение на обед, данный новыми представителями области. Это было ясным указанием на характер занятой им позиции.

Я не получал дальнейших нареканий со стороны Государственного департамента на мою неспособность «поддерживать всякие усилия в вопросе о самостоятельности управления и о самозащите, в отношении чего русские были бы склонны принять помощь». Государственный департамент через ген. Черчилля обвинял меня в неспособности выполнять свои инструкции, потому что я не содействовал «поддержке усилий, направленных к упрочению самостоятельности управления» Колчака.

Если бы я считал возможным без специальных инструкций содействовать Колчаку, то равным образом считал бы возможным и содействие новому земскому правительству, так как все русские были склонны принять помощь, а это являлось единственным указанным в моих инструкциях условием оказания помощи.

Конечно президент — или всякий иной, кто подписывал мои инструкции, — не мог ожидать, что военный человек будет содействовать какой-либо враждующей партии в Сибири без специальных указаний из Вашингтона.

Представители земства принялись за выполнение своих новых обязанностей очень серьезно.

Медведев посетил меня, так же как и других иностранных представителей, и издал следующее официальное сообщение:

«Россия пролила уже слишком много крови. Пока я остаюсь во главе нынешнего правительства, никто не будет лишен жизни, свободы или собственности без приговора гражданского суда. Мы не позволим больше военщине убивать кого-либо, а затем созывать военный суд, чтобы узаконить это убийство в глазах цивилизованного мира.

Я хочу остановить ваше внимание на том факте, что мы не сменили ни одного судьи и не намереваемся производить никаких смещений. Председатель местного суда был назначен царем и находится на своем посту в течение восемнадцати лет, но земство склонно оставить его на этом посту постановлением суда».

На меня это сообщение произвело большое впечатление, так как оно указывало на стремление установить законность, чего я не видел с момента моего прибытия в Сибирь. Я не располагал средствами, чтобы убедиться, насколько твердо проводилась эта политика в течение тех двух месяцев, ко-

торые я провел во Владивостоке после перехода власти к земству, но я могу констатировать, что никто никогда не жаловался мне на незаконные действия со стороны его должностных лиц. Если бы кто-нибудь был убит, я уверен, что слух об этом убийстве когда-либо дошел бы до меня, так как во Владивостоке имелось слишком много людей, изыскивающих случай для критики нового режима.

Я внимательно наблюдал за деятельностью должностных лиц земства в течение двух месяцев, которые оставался в Сибири, и никогда не видел никого, кто бы с большей твердостью, чем эти люди, старались быть честными и справедливыми по отношению ко всем. Я был весьма удивлен, читая газеты, в которых указывалось как на факт, что улицы Владивостока представляют собой потоки крови; что большевики убивают всякого, обладающего деньгами или образованием. Эти сведения были настолько неправильны, что я не мог удержаться от изумления, откуда они могли взяться.

Во Владивостоке было хорошо известно, что с 18 ноября 1919 г. до 31 января 1920 г. Розановым было убито от 500 до 600 чел. без всяких объяснений этих убийств. Метод выносить решение, выполнять его, а затем созывать военный суд, чтобы легализовать преднамеренные убийства,—являлся методом, практиковавшимся Розановым. Такой способ расправы был хорошо известен во Владивостоке, и я по просьбе одной русской женщины, которая некоторое время жила в Нью-Йорке, проверил точность сообщения об одном подобном случае.

Японцы оставались спокойными в Приморской области в течение всего остального времени моего пребывания в Сибири, но американский представитель в Межсоюзническом комитете Смит телеграфировал из Забайкалья, что они предпринимали все, что могли, для замедления эвакуации чехов. Они отказывались допускать их в железнодорожные лавки, чинить паровозы, которые были предназначены для перевозки их во Владивосток.

Смит сообщал: «Чехи не потерпят продолжения такого положения вещей и возьмут дело в свои руки».

Однако японцы, — что было характерно для них в течение всей интервенции, — никогда не шли на решительное столкновение, и чехи продолжали продвигаться на восток.

Американцы пользовались полным покоем в течение двух месяцев со времени удаления от власти Розанова до отправления последнего «эшелона» 1 апреля 1920 г., вместе с которым и я покинул Сибирь. Понятно, что русские во Влади-

востоке были встревожены уходом американцев, так как оставались с японцами.

И японцы и русские просили меня произвести смотр их войск, по одному батальону тех и других, в качестве моего последнего официального акта на русской почве.

Японцы обратились ко мне с приглашением первыми, и я согласился его принять, но с таким расчетом, что произведу смотр русскому отряду за час до отправления на транспорт, а японскому отряду — непосредственно перед отправкой на борт.

Как раз перед отплытием транспорта один представитель «Associated Press», постоянным местом пребывания которого было Токио, явился на борт судна, чтобы сказать мне, что японцы нечто замышляют; но он не знает, что в точности предполагается. Я спросил его, как он узнал об этом. По его словам, один японский официальный представитель, которого он знал по Токио, только что выразил ему надежду на то, что американцы не будут думать, будто японский народ одобряет действия, которые предполагает произвести японское военное командование, как только я уеду.

Это показалось мне достаточно важным, для того чтобы быть переданным в Вашингтон, и я написал следующее:

«Меня сейчас информировал заслуживающий доверия американец, что один японский представитель только что советовал моему информатору не удивляться ничему, что может произойти. Он заявил, что ни он лично, ни японский народ не могут одобрять предполагаемых действий японского военного командования.

Запрошенный о возможности объявления войны японцами он заявил, что Япония принадлежит к Лиге наций и не может объявлять войны без санкции Лиги, но что японское военное командование может самостоятельно действовать в Сибири. Он заявил также, что русский штаб не преувеличивал, говоря, что японцы, заключив перемирие с русскими войсками в Николаевске, указывали на свои дружественные намерения, а затем изменнически напали в час ночи на русский штаб с зажигательными бомбами и пулеметами. После двух дней сражения японцы, понеся тяжелые потери, были вынуждены сдаться».

Я отправил сообщение с полк. Эйхельбергером, которому было приказано поехать в Токио ранее отправления в Маниллу, зашифровать сообщение и послать его в тот же день. Это было исполнено, и сообщение должно было притти в Вашингтон не позднее 2 апреля.

Это заявление японского представителя несомненно относится к выступлению, предпринятому японцами во Владивостоке в ночь на 4 апреля.

Мною получен подробный отчет об этом выступлении, который находится сейчас передо мною и из которого явствует для каждого добросовестного человека, что выступление японцев являлось враждебной оккупацией Владивостока, сопровождавшейся бессмысленной, вызвавшей человеческие жертвы, стрельбой на улицах.

Представители земства соглашались на японские требования и, насколько было известно Медведеву, между ними и японцами не было никаких трений.

В отчете, которым я обладаю и который составлен одним американским должностным лицом, имеется достаточно подробностей для доказательства того, что открыли стрельбу японцы и что сигналом для ее начала послужили две красные ракеты, которые видел морской офицер, стоявший на вахте американского судна «Albani».

Японцы оправдывают свое выступление заявлением, что они подверглись нападению.

За два дня до моего отъезда из Владивостока я отправился в автомобиле посмотреть окрестности города. Вместе со мной находился полк. Эйхельбергер. Вблизи Первой Речки мы увидели японцев, роющих траншеи и возводящих насыпи, как-будто они готовились к упорной обороне.

Мои личные отношения с японцами не оставляли желать ничего лучшего, но так как САСШ и Япония пришли в Сибирь с одинаковой, публично возвещенной ими целью, а наши пути при достижении этой цели разошлись по противоположным направлениям, официальные столкновения были неизбежны.

К отплытию транспорта «Creat Northern», на котором я отправился в Манилу, ген. Ои любезно отправил в гавань оркестр, и когда судно начало уходить из гавани, японские музыканты заиграли старую американскую песню: «Hard Times Come Again no More» [1]. Кое-что в этой песне было забавно, кое-что являлось указанием на минувшие официальные отношения.

Я чувствую, что изложение моих переживаний в Сибири будет неполным без упоминания об американских организациях и об отдельных лицах, сотрудничавших со мной в моей работе. Точно так же я думаю, что читатель получит более

---

[1] „Тяжелые времена вновь не вернутся".

ясную картину о сибирской интервенции, если я вкратце передам содержание моих выводов относительно намерений различных правительств, пославших свои войска в Сибирь. Мои выводы построены на основании действий представителей этих правительств.

Что касается американских войск, находившихся в Сибири, то я не нахожу достаточных слов, чтобы выразить мою благодарность за их лойяльность. Для охраны железных дорог воинские части были разделены на очень маленькие отряды, иногда всего по 8—10 чел., и все они выполняли свой долг, следуя наилучшим традициям американского солдата. Они знали, на чьей стороне справедливость, и выполняли правое дело, невзирая на клевету и обвинения, взводимые на них прессой и людьми, заинтересованными представить их в невыгодном свете.

Я не был удивлен действиями американских офицеров и простых рядовых солдат, но в то же время был им признателен, ибо они почти все до единого человека являлись твердыми сторонниками традиционной политики Соединенных штатов, столь же старой, как и само правительство, и заключающейся в том, что любая страна должна разрешать сама свои внутренние разногласия без вмешательства американских солдат. Неправильное освещение роли американских войск, точно так же как крики об их «большевизме», не изменили ни у американских офицеров, ни у американских солдат их понимания того, что было правым и справедливым.

Военное командование признательно флоту за сотрудничество, поддержку и помощь, а я лично особенно обязан адмиралу Найту и адмиралу Роджерсу за полезные указания в тяжелые дни.

Союз американской христианской молодежи следовал традиционной политике этой организации, оказывая поддержку и помощь повсюду, где в ней нуждались, невзирая на политические направления или социальные рамки; он оказывал помощь американцам наравне с другими национальностями. Тот факт, что союз этот оказывал помощь русским непосредственно, а не через русских официальных лиц, явился причиной несправедливых обвинений в непригодности и неэтичности деятельности этой организации.

«Knights of Columbus»[1] уделяли наибольшую часть своего времени, внимания и средств организации развлечений, улуч-

[1] Рыцари ордена Колумба.

шению питания и писанию небольших статей для американских солдат и матросов. Услуги, оказанные этой организацией, были весьма полезны.

Насколько я мог видеть, все американские благотворительные организации за исключением Красного креста не только одобряли политику невмешательства во внутренние дела русского народа, но и следовали ей.

Американский Красный крест был использован для обслуживания колчаковских военных сил. В сделанном во Владивостоке докладе о работе американского Красного креста в Сибири говорится следующее:

«Нынешняя работа Красного креста идет по двум главным линиям: помощи военным и помощи беженцам. Помощь военным заключается в устройстве, оборудовании и работе госпиталей; в снабжении сибирской армии одеждой, бельем и другими необходимыми вещами, а также в доставке аптекарских товаров, медикаментов и госпитального снаряжения русским госпиталям».

Эти госпитали по моим наблюдениям являлись военными госпиталями.

Дальше доклад продолжает:

«Другая сторона деятельности состоит в сотрудничестве с омским правительством. Это выражается в заказе через Красный крест для колчаковского правительства аптекарских и медицинских товаров стоимостью по крайней мере в 2 млн. долларов. Этот громадный заказ, самый большой из когда-либо посланных в Сибирь Америкой, должен быть выполнен в возможно скором времени. По линии непосредственного обслуживания русских войск предназначено к отсылке на запад 300 тыс. комплектов белья».

Первое судно с этими комплектами должно прибыть во Владивосток около 15 мая, и белье будет немедленно отправлено на запад. Вслед за тем будут произведены другие большие отправки белья».

Эта помощь, судя по последнему абзацу доклада, была оказана Колчаку до 15 мая 1919 г. Я не имею возможности установить, какого размера достигла помощь Красного креста военным силам Колчака, но я слышал во время моего пребывания в Сибири, что общая сумма выразилась в нескольких миллионах долларов. Надеюсь, что эта цифра преувеличена.

Я лично считаю весьма прискорбным, что действия, идущие вразрез с официально объявленной политической позицией Соединенных штатов, исходили от благотворитель-

ной организации Соединенных штатов, потому что в представлении русского народа действия Красного креста были неотделимы от действий, за которые несет ответственность правительство Соединенных штатов.

Не представляется возможным примирить действия различных правительств в Сибири с официальными заявлениями их о цели интервенции.

8 августа 1918 г. британцы сделали следующее заявление:

«Мы пришли как друзья, чтобы помочь вам спасти вашу страну от расчленения и разрушения ее Германией, поставившей своей задачей поработить ваш народ и использовать громадные ресурсы вашей страны в своих собственных целях. Мы хотим торжественно заверить вас, что мы не завладеем ни одной пядью вашей территории. Судьбы России находятся в руках русского народа. Ему и только ему принадлежит право решать вопросы о формах правления и находить разрешение своих социальных проблем».

Я не могу найти аналогичное заявление французского правительства.

Соединенные же штаты сделали 3 августа 1918 г. следующее заявление относительно посылки войск в Россию:

«По ознакомлении с настоящим положением вещей правительство Соединенных штатов считает, что военное выступление в России приемлемо теперь только для оказания возможного покровительства и помощи чехо-словакам против вооруженных австрийских и германских пленных, которые на них напали, и для поддержки всех усилий, направленных к установлению самоуправления или самозащиты, если русские будут склонны принять эту помощь.

Поэтому как во Владивостоке, так и на Мурмане и в Архангельске единственной в настоящее время задачей, которая будет поставлена американским войскам, явится охрана военных запасов, в которых могут нуждаться впоследствии русские военные силы».

Законченная политическая линия Соединенных штатов, которой должны были придерживаться войска, может быть уяснена из первой главы настоящей книги.

Японцы также сделали заявление 3 августа 1918 г., которое в одной своей части гласит:

«Принимая такое решение (об интервенции), японское правительство остается непоколебимым в своем желании продолжать дружественные отношения и подтверждает свою прежнюю политику уважения территориальной неприкосновенности России и отказа от вмешательства в ее внутрдела».

27 июля 1918 г. чехо-словацкий национальный совет в Вашингтоне заявил:

«Чехо-словацкая армия в России была создана для борьбы с германцами и австрийцами; когда Россия перестала помогать союзникам, проф. Массариком, председателем Чехословацкого национального совета и главнокомандующим чехо-словацкими силами, были заключены соглашения с союзными представителями в России, а также с большевиками о том, чтобы отправить чехо-словаков из России и послать их на Западный фронт. Следует ясно осознать, что в феврале 1918 г., когда заключались эти соглашения, не предполагались ни оккупация российской территории, ни восстановление Восточного фронта. Это было обусловлено одной из тех германских ошибок, которые побуждали Америку участвовать в военных действиях, вследствие чего чехословаки, вместо того чтобы быть эвакуированными из России, осуществляют теперь контроль над Сибирью и над значительной территорией к западу от Урала... Неделю тому назад (20 июля) проф. Массарик получил по телеграфу обширное донесение от руководителя чехо-словацких войск, в котором следующие слова характеризуют настоящие их желания: «По моему мнению, наиболее желательно, а также возможно, восстановить русско-германский фронт на востоке. Мы просим ваших инструкций относительно того, должны ли мы отправиться во Францию или остаться здесь, чтобы сражаться в России на стороне союзников и России». Профессор Массарик дал инструкции войскам в Сибири оставаться там». Все эти заявления взяты из книги: „Russian-American Relations 1917—1920, Documents and Papers"[1] Полный текст заявлений может быть найден на страницах 243, 237, 239, 235. Даты этих заявлений следует запомнить.

Рассмотрение британского заявления заставляет нас отметить, что британцы не дают определенного указания на то, что они не будут вмешиваться во внутренние дела России; это заявление составлено в выражениях, цель которых — создать впечатление о совершенной альтруистичности намерений, могущих вызвать выступление англичан в России.

При анализе причин интервенции всякий должен теперь отметить, что одна из главных ее причин старательно и умышленно скрывалась.

---

[1] Русско-американские отношения. 1917—1920 г. Документы и переписка.

Союзники были весьма обеспокоены тем, что Советы распространили свою власть по всей Сибири задолго до того, как были приняты решения об интервенции; совершенно очевидно, что Англия, Франция и Япония пошли в Сибирь с явным намерением бороться с большевизмом, но по некоторым причинам пытались скрыть это намерение, защищая идею создания Восточного фронта, которую они также надеялись осуществить. Весьма показательно то, что все правительства, принимавшие участие в интервенции в Сибири, считали неразумным осведомить мир о своем намерении попытаться уничтожить Советы. Действительные причины умалчивания этой цели были, вообще говоря, все еще скрыты от широкой публики.

В книге «Russian-American Relations» под заголовком «Notes on Conversations in the office of M. Pichon at the Quai d'Orsay»[1] от 16 января 1919 г., стр. 285, читаем следующее:

«Ллойд Джордж заявил, что имеются три возможных политических линии. Первая — вооруженная интервенция. Справедливо, что большевистское движение является столь же опасным для цивилизации, сколь и германский империализм, но найдется ли кто-нибудь, кто предложит подавить его вооруженной рукой? Если кто-либо предложил бы теперь послать для этой цели тысячу британских войск в Россию, они взбунтовались бы. То же самое приложимо к войскам Соединенных штатов в Сибири; то же самое и в отношении канадцев и французов».

Ллойд Джордж сказал также:

«Кроме того из полученной информации можно усмотреть, что Колчак собирает вокруг себя представителей старого режима и что повидимому он является в душе монархистом». В этом случае, по мнению Ллойд Джорджа, Колчак останется у власти меньше двух месяцев.

В связи с этой дискуссией на стр. 287 приводится содержание ответа Вильсона на замечание Ллойд Джорджа: «Он не видит, каким образом можно было бы опровергнуть заявление Ллойд Джорджа».

Президент Вильсон заявил, что не удивляется тому, что причиной неспособности британских и американских войск отправиться в Россию сражаться с большевиками является отсутствие у них полной уверенности в том, что, свергнув

---

[1] Записки по поводу переговоров в кабинете Пишона на Quai Od'rsay (франц. мининдел).

большевизм, они не восстановят тем самым старого порядка. Это заявление чрезвычайно странно звучит в устах президента, так как история Соединенных штатов не отмечает ни одного случая, когда войска колебались повиноваться приказаниям своего правительства, независимо от их личных взглядов.

Эти заявления весьма отчетливо говорят нам о причинах, заставлявших не упоминать о Советах или о большевиках в декларациях, возвещенных миру в августе 1918 г.

Что касается британской позиции в Сибири, то ген. Нокс, который, имея возможность больше чем какой-либо другой британец влиять на британскую политику, не разделял взглядов Ллойд Джорджа и рассматривал Колчака как русского либерала; он считал, что как только британцы поставят у власти в качестве верховного правителя Колчака, большевизм быстро исчезнет. Утверждение, что именно британцы поставили у власти Колчака, базируется на следующем заявлении Уинстона Черчилля в палате общин:

«Британское правительство призвало его (Колчака) к бытию при нашей помощи, когда необходимость потребовала этого».

Это заявление, вместе с действиями британских войск в Омске в ночь, когда была свергнута директория и Колчак был провозглашен «верховным правителем», является показательным для британских намерений.

Ген. Нокс во времена царского режима служил в России в качестве военного атташе. Он умел говорить по-русски и несомненно думал, что знает русский народ. Вероятно он знал характер и особенности тех слоев русского народа, с которыми он общался в Петербурге, но я не могу поверить чтобы он понимал стремления широких масс населения. Если бы он понимал их, то никогда не мог бы думать (а он определенно так думал), что русские крестьяне и рабочие возьмутся за оружие, чтобы поставить у власти сторонников Колчака, совершавших неслыханные жестокости над тем самым народом, у которого потом искали вооруженной поддержки.

Ген. Нокс высказал мне мысль, что «необеспеченные слои русского населения являются просто свиньями». Я лично никогда не думал, что Колчак имеет какие-нибудь шансы образовать прочное правительство в Сибири; уверенность же Нокса и ему подобных, что широкие массы русского народа — просто свиньи, с которыми можно и обращаться соответствующим образом, ускорила падение Колчака.

Ген. Нокс разуверился в своем убеждении к тому времени, когда покидал Сибирь. Он пришел повидать меня и сказал, что совершенно обанкротился и ничего не сделал ни для России, ни для своей страны, ни для самого себя. Он должен был пойти дальше и сказать, что не только ничего положительного не достиг, но приобрел еще ненависть широких масс русского народа по отношению к себе и своей стране.

Ни одно правительство, принимавшее участие в интервенции в Сибири, не может избежать ненависти со стороны русского народа, но ген. Нокс столь горячо высказывался и настаивал на необходимости вмешаться в его внутренние дела, что ненависть по отношению к нему была сильнее, чем по отношению ко всякому другому иностранцу в России.

Нужно отметить, что далеко не все британские представители имели такое представление о положении в Сибири, как сэр Чарльз Эллиот и ген. Нокс.Когда уехал ген. Нокс, главой британской миссии стал по старшинству полк. Викхам. Через несколько дней он пришел повидаться со мной и сказал, что теперь он уже не может больше медлить, так как не хочет оставлять свое правительство в неведении относительно действительного положения вещей; он намеревается представить доклад, который, как он полагает, не понравится британскому правительству, и заставит последнее отозвать его. Полк. Викхам сказал мне также, что нашел в своей канцелярии рапорт одного британского офицера, который был у Деникина; этот рапорт доказывает, что у Деникина положение такое же, как и в Сибири; что жестокости, совершенные в Сибири, совершаются и на территории, находящейся под управлением Деникина.

Французская политическая линия, поскольку она проводилась ген. Жаненом, была совершенно сходной, насколько я мог наблюдать, с линией британской.

Чехи, находившиеся в Сибири, являлись сторонниками парламентарного правительства и противниками абсолютистских форм правления. Тем не менее, несмотря на их демократические идеи, несмотря на отвращение к плохому обращению, принятому сторонниками Колчака по отношению к народным массам, чешские вожди при содействии своих и иностранных войск очень желали действовать в согласии с союзниками; их прельщало вознаграждение, обещанное союзниками чешскому народу.

Действительное отношение чехов к жестокостям, совершенным над русским народом небольшой кучкой русски,

защищаемой от наказания за свои преступления иностранными войсками, нашло свое выражение в заявлении д-ра Гирса, чешского представителя, сделанном в ноябре 1919 г. и цитированном уже нами в девятой главе. Когда чехи в мае и июне 1918 г. изгнали Советы из городов вдоль Сибирской железной дороги и установили правительство, соответствовавшее их собственным взглядам, они не представляли себе, что их участие в русском конфликте предопределяло установление в России либо автократического, либо крайнего социалистического правительства.

Я конечно не представлял себе и думаю, что немногие иностранцы отдавали себе отчет в том, как резко было разделено русское население на классы и политические группировки. Мы все знали, что количество большевиков в Сибири ко времени падения Колчака увеличилось во много раз в сравнении с количеством их к моменту нашего прихода. Мой офицер, заведывавший контрразведкой, рассмотрев донесения из всех частей Великого сибирского пути, заключил, что число большевиков увеличилось в десять раз. Я думаю, что эта цифра слишком скромна.

Трудно понять, как Япония могла в августе дать торжественное заверение русскому народу в том, что она намерена воздержаться от всякого вмешательства во внутренние дела России, и затем предпринимать действия, которые, я думаю, ни один японский авторитет не назовет невмешательством. Действительно, барон Като, глава японской делегации на вашингтонской конференции по ограничению вооружений в 1921—1922 г.г., официально заявил, что японцы в 1918 г. около того времени, когда союзные войска были посланы в Сибирь, решили предоставить Семенову материальную поддержку, чтобы помочь ему парализовать проникновение большевистского влияния на Дальний Восток.

Барон Сидехара, член японской делегации, на конференции по ограничению вооружений официально заявил конференции:

«Военная экспедиция Японии в Сибири была предпринята в 1918 г. с общего согласия и при сотрудничестве Соединенных штатов. Первоначальным намерением было оказать помощь чехо-словацким войскам, которые во время своего переезда из Европейской России через Сибирь на родину подверглись серьезной и внезапной опасности со стороны враждебных сил, находившихся под германским командованием».

Первое официальное заявление японского правительства

относительно интервенции в Сибири было сделано 3 августа 1918 г.; 27 июля 1918 г. за неделю перед тем, как японцы и американцы решили отправиться в Сибирь на помощь чехо-словакам, Чехо-словацкий национальный совет в Вашингтоне заявлял, как уже ранее отмечалось:

«Чехо-словаки, вместо того чтобы быть эвакуированными из России, осуществляют теперь контроль над Сибирью и над значительной территорией к западу от Урала».

Фактически чехи осуществляли контроль над Сибирской железной дорогой и над большинством городов по этой линии и окончательно решили не уезжать **уже за два месяца до того, как Япония и Соединенные штаты решили итти им на выручку и помочь им выбраться из Сибири.** Это устанавливается весьма подробным, ранее цитированным, стенографическим отчетом полк. Эмерсона и подтверждается заявлением проф. Массарика, президента Чехо-словацкого национального совета, о том, что он дал инструкцию чешским войскам в Сибири «оставаться там». Эти инструкции были даны в ответ на телеграфное донесение находившегося в Сибири чешского главаря, полученное в Вашингтоне 20 июля 1918 г.

По моему мнению, со дня моего приезда в Сибирь и до дня моего отъезда японцы непрестанно и в предосудительной форме вмешивались в русские дела. Они не отрицают поддержку Семенова и Калмыкова, чьи действия, покровительствуемые и поддерживаемые Японией, явно возбуждали ненависть сибирского населения не только по отношению к Японии, но и по отношению ко всем другим нациям, принявшим участие в интервенции. Сибирское население имело основания считать, что присутствие иностранных солдат делает возможными убийства, избиения и грабежи мужчин, женщин и детей казаками. Оно имело основание притти к такому заключению, потому что это подтверждали непреложные факты. Эти факты имели место, и если их можно было продолжать скрывать от американского народа, то от русского народа скрыть их нельзя было. Действия этих казаков и других колчаковских начальников, совершавшиеся под покровительством иностранных войск, являлись богатейшей почвой, какую только можно было подготовить для большевизма. Жестокости были такого рода, что они несомненно будут вспоминаться и пересказываться среди русского народа через 50 лет после их совершения.

Бесспорным фактом является то, что японцы, оказывая моральную, материальную и военную помощь казакам, пре-

следовали известную цель. Их заявление относительно целей, поставленных интервенцией, сделанное на конференции по ограничению вооружений, не убедительно ни для кого, кто соприкасался с японским военным командованием. Все, кто знал намерения японцев, в том числе и я, ожидали, что Япония побудит Семенова объявить себя диктатором части Сибири к востоку от Байкальского озера, чтобы иметь возможность контролировать Восточную Сибирь, не будучи обвиненной в недобросовестном выполнении ею торжественного обещания, данного русскому народу в августе 1918 г. Трудно решить, почему этого не случилось, так как дважды или трижды казалось, что Япония готова была сорвать плод. Я конечно наблюдал только действия японского военного командования и ни в какой мере не был осведомлен, одобряются ли эти действия командования японским правительством, но неудача японского командования в выполнении его ясных планов заставляет меня думать о каком-то вмешательстве в их выполнение, — это была позиция, занятая или их собственным или же другими правительствами, в том числе и правительством Соединенных штатов.

Китайские войска весьма добросовестно выполняли свои обязательства, занимались только своими собственными делами и не вмешивались в дела другого народа.

Логически объяснить причины, заставившие Соединенные штаты принять участие в интервенции Сибири, труднее, чем сделать то же самое в отношении какой-либо другой нации. Я прихожу к удовлетворяющему лично меня объяснению, почему другие нации приняли в ней участие, но никогда не оказывался способным притти к какому-либо удовлетворительному заключению по вопросу о том, почему приняли участие в подобной интервенции Соединенные штаты.

Я должен признать, что основания для интервенции Соединенных штатов, изложенные 3 августа 1918 г., не откровенны и неполны. Данная мне инструкция, приведенная в первой главе, указывала: «Военные действия в России допустимы только для того, чтобы помочь чехо-словакам консолидировать свои силы и вступить в успешное сотрудничество с родственными им славянами». Этот документ был датирован 17 июля 1918 г., но не был известен ни мне, ни общественному мнению до 3 августа 1918 г.

Генеральному консулу Гаррису в Сибири и генеральному консулу де-Витт С. Пулю в Европейской России, по крайней мере за месяц до получения мною инструкций, было известно, что чехи не нуждались в помощи; что они заняли Сибирскую

железную дорогу, свергли Советы в городах, расположенных по железной дороге, и образовали новые правительства в этих городах; и наконец, что они, как заявил Чешский национальный совет в Вашингтоне, по крайней мере за неделю до получения мною приказа отправиться в Сибирь с целью поддержки чехов, не намеревались покинуть Сибирь.

Трудно поверить, чтобы с проф. Массариком, являвшимся главой Чешского национального совета в Вашингтоне, не советовались относительно посылки американских войск на помощь чехам в далекую Сибирь.

Генеральный консул Гаррис в Иркутске сообщил полк. Эмерсону, что 2 июля 1918 г. он получил от «пекинской миссии» извещение, что чехи не покинут Сибири. Весьма трудно найти лицо непосредственно ответственное за это сообщение. Гаррис не говорит, что сообщение исходило от американской миссии, но так как он считал его достаточным, для того чтобы приступить к действию, то следовательно оно должно было исходить от кого-либо из американской миссии в Пекине; я предполагаю, что это сообщение шло из Вашингтона через Пекин, потому что послать Гаррису извещение этим путем было надежнее, чем через американского посла в России, находившегося в это время в Вологде.

Из доклада полк. Эмерсона известно, что Советы пытались отправить чехов из Сибири за два месяца до получения мною инструкций, но они не ушли. Советы предлагали послать с ними должностных лиц, чтобы гарантировать чехов от промедления в переезде во Владивосток. Мои же инструкции указывали на то, что чехи нуждаются в немедленной помощи.

Из сказанного сейчас видно, что это было или ошибкой или обдуманным извращением фактов. Возможно ли, чтобы действительные факты относительно положения чехов были неизвестны в Вашингтоне в то время, когда приготовлялись мои инструкции?

В то время Соединенные штаты имели консульских представителей в Сибири. Генеральный консул Гаррис был в Иркутске, на западе также имелись консулы, и Гаррису, раньше чем появились мои инструкции, было хорошо известно, что чехи не уходят и что они не нуждаются в помощи. Понятно, что каждому хочется знать: было ли сообщено представителям Соединенных штатов об этих фактах, игнорировались ли эти сообщения Вашингтоном и основывались ли мои инструкции на чешскофильской пропаганде без всякого осведомления со стороны консульских представителей в Сибири?

Следует установить, что чехи в то время заняли всю Сибирскую железную дорогу, и если их положение в Европейской России требовало помощи, то это не входило в мои инструкции, так как мне было приказано не отправляться на запад от Иркутска ни при каких обстоятельствах.

Соединенным штатам было внушено, что Советы освободили германских и австрийских пленных, заключенных в Сибири; донесения представителей Соединенных штатов, посланных для расследования этих слухов, а также последующая информация показали, что эти сведения не соответствовали действительности.

Американцы посылались также, чтобы охранять военные запасы, в которых должны были нуждаться в будущем русские военные силы, но отсутствие сотрудничества между различными представителями в Сибири делало невозможным выполнение многого, что было в этом отношении необходимо.

Единственной сохранившейся частью первоначальной политической линии являлось положение: «упрочить усилия русских, направленные к установлению самоуправления или к самозащите, поскольку сами русские будут выражать желание принять эту помощь». Этот пункт позволял Государственному департаменту высказывать через Пуля и ген. Черчилля свое недовольство по поводу того, что я оказался неспособным выполнять эту часть данного мне приказа, так как не помогал «упрочению» Колчака. Мне кажется совершенно очевидным, что Военный департамент никогда не предполагал, что военные будут вмешиваться в борьбу русских и оказывать помощь этой борьбе без соответствующего одобрения со стороны Вашингтона. Во всяком случае Военный департамент рассматривал мои инструкции так же, как и я.

Я не могу не указать на то, что Пуль в Вашингтоне и Гаррис в Сибири, оба — должностные лица Государственного департамента, весьма желали, чтобы я употребил американские войска на борьбу с большевиками. Пуль до перевода в Вашингтон был генеральным консулом в Архангельске и видел американские войска, использованные таким образом. Я думаю также, что эти два должностных лица критикой и настояниями надеялись достичь того, что я употреблю американские войска так, как желательно им, а не так, как было приказано Военным департаментом.

Различие политических позиций отдельных представителей в Сибири отражалось на отношении их к предложениям,

вносимым на рассмотрение командующих союзными войсками. Следует отметить, что, когда обнаруживались разногласия, английские, французские и японские командующие почти без исключения согласованно выступали на одной стороне, а американские, китайские, канадские, чешские и итальянские были на другой стороне.

Войска Соединенных штатов весьма добросовестно пытались проводить политику невмешательства в конфликты между русскими политическими группировками; эту политику удавалось проводить вплоть до того времени, когда военному командованию было приказано охранять железные дороги; такого рода обязанности неизбежно вынуждали командование встать на одну из сторон, так как практически железные дороги использовались сторонниками Колчака ради специальных выгод колчаковских сил.

Я являлся агентом по выдаче оружия и амуниции вооруженным силам Колчака, так как 12 июня 1919 г. президент согласился помогать Колчаку «военным имуществом, боевыми припасами и продовольствием». Я не мог бы примирить эти поступки с принципом невмешательства во внутренние дела русского народа. Государственный же департамент оказался способным сделать это; 7 ноября 1919 г., после того как снаряжение наконец было передано Колчаку, он заявил:

«Этим правительство никоим образом не имеет в виду уклониться от принципа невмешательства в русские внутренние дела».

Я сомневаюсь, мог ли какой-нибудь непредубежденный человек считать, что Соединенные штаты не вмешивались во внутренние дела России. Вследствие этого вмешательства Соединенные штаты при помощи своих вооруженных сил помогли продержаться непопулярному и монархически настроенному правительству, к чему подавляющая масса населения относилась отрицательно. Этим поступком Соединенные штаты снискали себе ненависть со стороны более чем 90% населения в Сибири.

На Дальнем Востоке известно, что существовало резкое различие между политикой, проводимой американскими войсками, и политикой войск других наций; я думаю, все русские, исключая правящий класс, были весьма признательны Соединенным штатам за их стремление избегать участия во внутренних конфликтах на стороне какой-либо из враждующих партий.

Для подавляющей же массы русского населения, которая не была полностью знакома с положением в Сибири, самый

факт и обстановка, в которой проходила интервенция, будут доминировать над всем и затушевывать всякое смягчающее обстоятельство, связанное с интервенцией. В силу этого ответственность за нее будет распределяться почти равным образом между всеми нациями, принимавшими в ней участие.

Какое же можно найти оправдание для такой интервенции в международном праве? В данном случае не возникало вопроса о защите жизни или имущества американских граждан; не было и никаких указаний на возможность угрозы для жизни и собственности американцев в будущем; для Соединенных штатов было бы невозможным принять участие в интервенции как в военном мероприятии, — это было совершенно исключено.

Я сомневаюсь, чтобы в истории последних 100 лет можно было найти более разительный случай злой насмешки над общеизвестной и общепризнанной практикой государств в их международных отношениях, более разительный пример использования принципа «сила создает право» вместо установленных принципов международного права.

Я думаю, нельзя отрицать того, что интервенция в России не дала благоприятных результатов заинтересованным в ней иностранцам и ее несомненным последствием явилось привлечение на сторону Советов даже наиболее обеспеченных кругов русского населения. Это подтверждается той быстротой, с какой сибирское население после ухода союзников признало московское правительство. Я сознаю, насколько трудно было определить действительное настроение народа в тех условиях, в которых я находился в Сибири, но последующие события показали, что симпатии населения были на стороне социализма.

Спустя несколько месяцев после моего приезда в Сибирь я думал, что, если бы Англия, Франция, Япония, Соединенные штаты и чехи могли бескорыстно поддержать наиболее либеральное правительство, — такое например, как всероссийское временное правительство, свергнутое 18 ноября 1918 г. главным образом при помощи британцев, потому что оно было для них слишком либеральным, — то имелись бы еще шансы на успех. Это мнение сложилось у меня после разговора со многими русскими различных политических воззрений; но постепенно я пришел к заключению, что широкие массы русского народа по отношению к характеру управления в России держатся иного мнения, чем я раньше думал.

Очевиден тот факт, что ни одно правительство не может

рассчитывать на поддержку со стороны народа, если оно было поставлено у власти при помощи иностранных штыков. Говорили, что Колчак сознавал это; он говорил Моррису, что не нуждается в иностранцах, сражающихся за него, так как русские покинут его, если он получит активную военную поддержку от иностранцев. Это характерно не только для русских, но и для всех национальностей.

Тот факт, что правительство Керенского — либеральное и частью социалистическое — оказалось способным оставаться у власти только 8 месяцев, ясно показывает, что русским было предназначено иметь или автократическое или крайнее социалистическое правительство. К тому времени, когда я покидал Сибирь, т. е. 1 апреля 1920 г., я был убежден, что Россия должна будет иметь или то или другое.

Полный неуспех усилий Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля обнаружил, что русский народ не хочет автократии.

В моем положении я не мог определить, насколько безумные поступки сторонников Колчака настраивали народные массы против него, но интересно обратиться к выводам различных писателей о сибирской интервенции и о результатах этой интервенции.

Д-р Шуман в своей книге: «American Policy towards Russia Since 1917»[1] стр. 171, говорит:

«Американская экспедиция в Сибирь в достижении цели, для которой она была предназначена, потерпела столь же полную и бесславную неудачу, как и силы, посланные в Архангельск». И далее:

«Военная интервенция была предпринята под предлогом помощи чехо-словакам и поддержки русских усилий образовать самостоятельное правительство».

Я привожу эти слова, для того чтобы показать, что д-р Шуман обвиняет Соединенные штаты в том, что официальное заявление относительно причин участия в интервенции было неискренно; надо сказать, что и я пришел к тому же самому заключению.

В другом месте д-р Шуман говорит: «Была предпринята попытка под предлогом охраны железных дорог и предоставления экономической помощи Сибири свергнуть Советскую республику».

Результаты охраны железных дорог подтверждают выводы д-ра Шумана, но я не думаю, чтобы Соединенные штаты, представленные послом Э. Р. Моррисом, имели намерение

[1] Американская политика по отношению к России с 1917.

свергнуть Советскую республику, когда он вел переговоры относительно железнодорожного соглашения. Он надеялся, что это соглашение принесет облегчение многострадальному русскому народу. Лично я не предполагал, что сторонники Колчака будут противиться предоставлению помощи населению, и я не думаю, чтобы Моррис ожидал, что железнодорожное соглашение будет использовано только к выгоде колчаковских сторонников.

Луи Фишер в своей книге: «The Soviets in World Affairs», vol. I, стр. 228, говорит: «Американская интервенция в Сибыла интервенция и на севере России». И д-р Шуман и Фишер не дают определенного ответа: считают ли они, что неудача была обусловлена политикой правительства, или же неспособностью представителей Соединенных штатов, принявших участи в интервенции; ясно одно, что «мрачная трагикомедия» началась с того момента, когда Соединенные штаты согласились принять участие в военной интервенции в Сибири.

Несмотря на невозможность характеризировать роль Америки как «военное выступление», остается в силе тот факт, что подобное выступление являлось интервенцией и как таковое было обдуманным вмешательством во внутренние дела русского народа, продолжившим гражданскую войну и сопровождавшимся неслыханной потерей человеческих жизней и имущества.

В связи с изменением точки зрения Англии в вопросе об интервенции д-р Страховский в статье, опубликованной в «Current History», март 1931 г. говорит:

«Нечего удивляться теперь, что специальный отчет комитета по собиранию сведений о России, представленный парламенту по приказанию короля в 1920—1921 гг., мог содержать следующие горькие, но откровенные признания:

«Подробные и почти единодушные показания наших свидетелей о результатах интервенции сводятся к тому, что вооруженная интервенция союзников в России помогла создать силу и прочность советского правительства. Из них явствует также, что ко времени вооруженной интервенции большинство русской интеллигенции благожелательно относилось к союзникам и в особенности к Великобритании, позднее же это благожелательное отношение сменяется индифферентностью, недоверием и антипатией».

---

[1] Советы в мировой политике.

Такова была плата, полученная Великобританией и Францией, за их деятельность в России».

Чтобы познакомить с отношением японцев к результатам интервенции, я привожу мнение К. К. Каваками, японского журналиста, имеющего долголетний опыт. В своей книге «Japan's Pacific Policy» [1], стр. 244 он пишет:

«Конечно Япония весьма ошиблась, но САСШ и Великобритания также не свободны от ошибок... Первоначальной целью Япония в сибирской экспедиции было — помешать распространению большевизма и восстановить законный порядок; Япония неизменно придерживалась это политики».

Каваками совершенно иначе, чем мы, расценивает понятие закона и порядка. Для британцев и японцев являлось обычным в Сибири указывать русским на то, что они поддерживают порядок и закон посредством своих вооруженных сил. Указание это не подтверждалось фактами, так как эти силы скорее являлись источником беззакония и беспорядка.

Далее на стр. 250 Каваками говорит:

«С самого начала американское понимание сибирской экспедиции было отлично от японского понимания. Американцы считали, что они никак не должны вмешиваться во внутреннюю политическую обстановку России и что они находятся в Сибири не для того чтобы сражаться с большевизмом или с большевиками. Наоборот японские солдаты считали, — или их заставили считать, — что большевики являются их врагами и что они посланы в Сибирь для борьбы с большевиками. В целом американская позиция благоразумна и справедлива».

На стр. 236 Каваками заявляет:

«Сибирская экспедиция закончилась величайшим фиаско, за который ответственны все союзные нации. Посылка экспедиции была крупнейшей ошибкой. Америка должна была оказаться твердой в отношении своей первоначальной позиции, отвергая всякую мысль об интервенции. Когда американское правительство летом 1918 г. изменило свою позицию, оно совершило весьма прискорбную ошибку. Конечно Англия ошибалась так же жестоко, как Япония и Соединенные штаты. Благодаря британской политике образовалось колчаковское правительство в Омске. Продолжая проведение этой политики, Британия снабжала Колчака деньгами и военным имуществом».

---

[1] Тихоокеанская политика Японии.

Я вполне согласен с только что цитированным заявлением Каваками. Действия иностранных представителей не всегда были вполне бескорыстны и свободны от желания получить в будущем выгоду. Несомненно, что британцы ожидали особых наград в случае, если Колчак достигнет успеха в образовании русского правительства; Япония же надеялась сделаться господствующей державой в Сибири при любом правительстве, которое могло быть там образовано. Это показала ее позиция по отношению к Колчаку после того, как они пришли к власти.

Повидимому все сходятся во мнении, что интервенция была громадной ошибкой; единственно возможная польза, которую могут извлечь из этой ошибки любая из союзных наций и Соединенные штаты, должна состоять в осознании того, что интервенция была непростительным отклонением от общепринятой практики международных отношений, результаты чего вскоре оказались гибельными.

Я командовал войсками Соединенных штатов, посланными в Сибирь, и должен признать, что не знал, чего собственно Соединенные штаты пытались достичь путем вооруженной интервенции.

Из сказанного ясно, что не следует принимать всерьез заявление Соединенных штатов, сделанное в августе 1918 г., будто войска посылаются для защиты чехов от германских и австрийских пленных, которые якобы были освобождены из тюрем и организовались с целью захватить военные запасы во Владивостоке, занять Сибирскую железную дорогу и отправить эти запасы в Германию.

Эти донесения были неверны. Майор американской армии Драйздел из Пекина и Вебстер из Москвы были посланы для расследования того, насколько полученные сведения были верны. Они сообщили, что эти донесения не имеют ничего общего с действительностью. Вышеупомянутый д-р Шуман говорит: «Война была начата под предлогом показать русскому народу путь к миру и демократии. Попытка свергнуть Советскую республику была сделана под предлогом охраны железных дорог и оказания экономической помощи Сибири».

Поведение представителей Государственного департамента, помогавших Колчаку, единственной целью которого являлось свержение Советов, подтверждает вывод, что Соединенные штаты приняли участие в усилиях свергнуть Советы, так как Колчак несомненно боролся с ними.

Этот вывод подтверждается и соглашением, заключенным

президентом Вильсоном с союзниками 12 июня 1919 г. В нем говорится: «Помогать правительству адмирала Колчака снабжением, военным имуществом и продовольствием, чтобы сделать его правительством всероссийским».

Следует отметить, что президент Вильсон не соглашался на то, чтобы войска Соединенных штатов были использованы для помощи Колчаку в свержении Советов. Доказательством этого служит то, что 26 июля 1919 г., ровно через две недели после заключения соглашения о помощи Колчаку различным имуществом, материалами и продовольствием, в ответ на резолюцию сената президент Вильсон заявил: «Инструкции, данные генералу Грэвсу, требуют от него невмешательства в русские дела».

Несомненно, что Военный департамент строил свою политику в России, — о чем говорят и мои инструкции, — исходя из того положения, что американские войска не должны принимать участия во внутренних конфликтах; это видно и из телеграммы ген. Марча, начальника Главного штаба, от 28 марта 1919 г., в которой мне предлагалось следовать политике невмешательства (чему я и стал следовать), до тех пор пока данные мне указания не будут изменены президентом. Этого однако не случилось.

Я лично думаю, что такая политика проводилась потому, что нельзя было принять другой линии без того, чтобы исполнительная власть не вступила в противоречие с конституцией Соединенных штатов, ведя войну без декларации Конгресса.

Если американские войска не были предназначены для поддержания политики, проводимой Государственным департаментом, то зачем они были посланы в Сибирь? Если действительно Соединенные штаты были введены в заблуждение относительно угрозы со стороны германских и австрийских военнопленных и послали войска в Сибирь, чтобы локализовать эту угрозу, то почему эти войска не были возвращены домой после перемирия, вместо того чтобы оставаться в Сибири и ничего не делать с ноября 1918 г. по апрель 1919 г., т. е. до момента заключения железнодорожного соглашения?

Отсутствие информации со стороны Соединенных штатов и союзных правительств относительно военной интервенции в России указывает на то, что различные правительства, принимавшие участие в интервенции, весьма мало могут гордиться этой авантюрой.

Кто может порицать их?

БИБЛИОТЕКА
А. Ф. Палашенкова.

Книга 2 р. 30 коп.
Пер. 75 коп.

GRAVES

AMERICA'S SIBERIAN ADVENTURE

NEW YORK-1931